11 481 6.1

330
11 421

На правахъ рукописи.

В. И. Анисимовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ РОССІИ.

Изданіе 3-е.

Изданіе книжнаго магазина
„ВЫСШАЯ ШКОЛА".

Цѣна 3 р.

МОСКВА.—1918.

330
ст. 67
11-481
148
116/3

Изданіе книжнаго магазина „Высшая Школа“
студ. М. К. И.

На правахъ рукописи.

В. И. Анисимовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ РОССІИ.

Выпускъ I-й.

Изданіе 3-е.

Лекціи, читанныя въ Московскомъ Коммерческомъ Институтѣ въ 1909—1910 акад. году.

Перепечатано безъ измѣненій съ редактированнаго авторомъ изданія издательской комиссіи О-ва Взаимопомощи Студентовъ Московскаго Коммер. Института.

Библиотека РСФСР
1259221

МОСКВА.
Типографія Г. В. Васильева
п/ф. „ЛОМОНОСОВЪ“
1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1918.

ч. I.

Европейская Россія

Физико-географическій очеркъ

НАСЕЛЕНІЕ, ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ и ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЕ.

Т. I

Европейская Россія.

Физико-географическій очеркъ.

Изслѣдованіе, землеописаніе
и статистическое.

Предисловіе.

Задача настоящаго курса—изобразить современное положеніе русскаго народнаго хозяйства въ связи съ изученіемъ тѣхъ физико-географическихъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ оно развивается. При этомъ намъ придется, конечно, коснуться не только такихъ явленій, которыя составляютъ принадлежность нашей отечественной среды, но также и тѣхъ явленій міровой общественно-хозяйственной жизни, которыя, оказывая то или иное вліяніе на развитіе нашего народнаго хозяйства, имѣютъ по отношенію къ нему характеръ, такъ сказать, внѣшнихъ, а не внутреннихъ причинъ. Другими словами, намъ придется коснуться и современнаго положенія мірового хозяйства и международныхъ хозяйственныхъ отношеній; но мы можемъ сдѣлать это лишь въ тѣхъ размѣрахъ, какіе необходимы для правильнаго пониманія явленій русской общественно-хозяйственной дѣйствительности. Содержаніе общей экономической географіи настолько обширно, что не можетъ уложиться въ рамки нашего двухъчасового курса. Главное и почти исключительное

содержаніе нашего курса составляетъ экономическая географія Россіи.

Россія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу наиболѣе обширныхъ государствъ земного шара. Она занимаетъ 1/6 часть всей земной суши и по своимъ размѣрамъ уступаетъ только Великобританской имперіи, если взять всю совокупность владѣній послѣдней. Великобританская имперія (т. е. Соединенное Королевство вмѣстѣ съ колоніями) занимаетъ пространство около 30 милліоновъ кв. клм. Россія значительно уступаетъ ей: она имѣетъ пространство въ 22 1/2 милліона кв. клм. Изъ другихъ государствъ ближе другихъ подходятъ къ Россіи по своимъ размѣрамъ — Китай, который занимаетъ пространство въ 11 1/4 милліоновъ кв. клм., Франція, вмѣстѣ съ колоніями имѣющая 11 1/2 милліоновъ кв. клм., Соединенные Штаты—съ площадью около 10 милліоновъ кв. клм. и Бразилія—имѣющая менѣе 9 милліоновъ кв. клм.

Обширность нашей территоріи и особенности ея географическаго положенія имѣютъ, конечно, большое значеніе для русскаго народнаго хозяйства. А потому на этихъ обстоятельствахъ намъ надо хотя бы вкратцѣ остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію физико-географическихъ условій народо-хозяйственной дѣятельности въ отдѣльныхъ областяхъ страны.

Можетъ казаться, что значительную часть территоріи нашей страны мы могли бы совсѣмъ не принимать въ разсчетъ, какъ не имѣющую почти никакого значенія для нашей народохозяйственной жизни. Здѣсь подразумѣваются тѣ обширныя об-

ласти Сибири и Сѣверо-востока Европейской Россіи, которыя или почти, или совершенно необитаемы, которыя не принимаютъ сколько-нибудь замѣтнаго участія въ народохозяйственной жизни страны и представляютъ собою, такъ сказать, совершенно индифферентныя въ общественно-хозяйственномъ отношеніи пространства. Размѣры этихъ пространствъ, конечно, не могутъ быть точно исчислены и выражены въ опредѣленныхъ мѣрахъ поверхности, такъ какъ всякое отграниченіе ихъ отъ остальныхъ частей страны было бы весьма условно, но въ общемъ можно признать, что къ числу такихъ „индиферентныхъ“ въ обще-хозяйственномъ отношеніи областей могутъ быть отнесены пространства, лежащія къ сѣверу отъ 55° с. ш. въ восточной Сибири (къ востоку отъ Енисея) и отъ 60° с. ш. въ западной Сибири и на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи (къ востоку отъ Мезени). Плотность населенія здѣсь нигдѣ не достигаетъ 1 человѣка на кв. версту; населеніе состоитъ почти исключительно изъ кочевниковъ; оленеводствомъ, не особенно значительными рыбными промыслами, охотой, добычей золота, мамонтовой кости и нѣкоторыми другими ископаемыми исчерпывается хозяйственный активъ этихъ областей. Такимъ образомъ, несмотря на огромность этихъ пространствъ (они составляютъ не менѣе, если не болѣе половины всей территоріи нашей страны), ихъ народохозяйственное значеніе почти ничтожно. Однако, при оцѣнкѣ географическаго положенія нашей страны съ ними приходится серьезно считаться. Именно, благодаря тому, что въ составъ ея входятъ эти обширныя пространства, наша страна оказывается одною изъ наиболѣе континен-

тальныхъ и изолированныхъ странъ всего свѣта. Несмотря на то, что Россія обладаетъ огромною береговою линіей (почти 50 тысячъ верстъ), она является все-таки одною изъ наиболѣе континентальныхъ державъ. Только Балтійское, Черное и отчасти Бѣлое моря даютъ ей сколько-нибудь удобный выходъ на широкій просторъ морскихъ международныхъ сношеній. Плаваніе въ водахъ Ледовитаго океана, омывающаго сѣверные берега Сибири, сопряжено съ огромными трудностями. Берингово, Охотское и Японское моря болѣе доступны, но омываютъ весьма рѣдко населенныя восточныя окраины нашей страны, имѣющія весьма слабыя хозяйственныя связи съ ея болѣе густо населенными областями. Свойства нашихъ сухопутныхъ границъ также большей частью не благопріятствуютъ сближенію Россіи съ другими странами. Южные предѣлы нашихъ азіатскихъ областей представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ или сильно гористыя или пустынныя мѣстности, труднопроходимыя и малообитаемыя. Только на западѣ мы соприкасаемся съ культурными и густонаселенными странами, сношенія съ которыми могутъ оказать болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на нашу народохозяйственную жизнь.

При огромномъ протяженіи страны, какъ съ запада на востокъ, такъ и съ сѣвера на югъ, мы должны были бы ожидать чрезвычайнаго разнообразія физико-географическихъ условій отдѣльныхъ ея областей. Дѣйствительно, они какъ мы увидимъ, впослѣдствіи, весьма разнообразны, однакоже не настолько, какъ можно было-бы ожидать. Почти всѣ наиболѣе населенныя культурныя и, слѣдовательно, наиболѣе важныя съ народохозяй-

ственной точки зрѣнія области Россіи лежатъ въ предѣлахъ сѣверной половины умѣреннаго пояса. За исключеніемъ обширныхъ пространствъ Сибири, лежащихъ къ сѣверу отъ полярнаго круга, всѣ остальныя области обладаютъ физико-географическими признаками, составляющими общую принадлежность всѣхъ умѣренныхъ странъ, а потому и различія, существующія между ними, ограничены сравнительно неширокими рамками. Въ послѣдовательной смѣнѣ физико-географическихъ областей мы наблюдаемъ одну и ту же правильность, какъ въ европейской, такъ и въ азіатской Россіи: азіатскія тундры, лѣса, степи и пустыни являются непосредственнымъ продолженіемъ соотвѣтствующихъ полосъ Европейской Россіи. И только тамъ, гдѣ обширныя равнины смѣняются высокими и многочисленными цѣпями горъ (какъ въ восточной Сибири), нарушается послѣдовательность этихъ горизонтальныхъ физико-географическихъ зонъ.

При изученіи народнаго хозяйства нашей страны мы должны считаться не только съ физико-географическими, но и съ культурно-историческими особенностями отдѣльныхъ областей. Въ этомъ отношеніи мы не должны забывать, что многія и весьма обширныя, притомъ, области Имперіи имѣютъ очень мало общаго съ культурной исторіей русскаго народа. Многія изъ этихъ областей, только недавно вошедшихъ въ составъ Имперіи, цѣлыя тысячи лѣтъ жили своей особой, совершенно самостоятельной культурой.

Вся общественная и въ частности хозяйственная жизнь этихъ областей построена на своихъ особыхъ основаніяхъ.

Все это дѣлаетъ для насъ необходимымъ подвергнуть каждую изъ такихъ областей самостоятельному разсмотрѣнію.

Нашъ обзоръ мы начинаемъ съ той области, которой въ нашей народохозяйственной жизни, принадлежитъ безусловно господствующее и опредѣляющее значеніе, т. е. Европейской Россіи.

Физико-географическій обзоръ Европейской Россіи.

Изученіе физико-географическихъ условій любой страны находитъ себѣ наиболѣе полное и законченное выраженіе въ установленіи физико-географическихъ районовъ т. е. въ подраздѣленіи ея территоріи на рядъ такихъ областей, изъ которыхъ каждая характеризуется опредѣленной совокупостью физико-географическихъ условій. Попытки дѣленія территоріи Европейской Россіи на различнаго рода районы довольно многочислены и разнообразны, такъ, напримѣръ Н. М. Сибирцеву принадлежитъ подраздѣленіе Европейской Россіи на районы по почвеннымъ условіямъ; Кеппенъ дѣлитъ Европейскую Россію на рядъ областей по ботаническимъ признакамъ; Броуновъ въ основу своего дѣленія кладетъ климатическія различія. Всѣ эти дѣленія и нѣкоторыя другія, которыхъ я не перечисляю, основаны на какомъ-либо одномъ признакѣ. Есть, однако, попытки раздѣленія территоріи Россіи по совокупности нѣсколькихъ, наиболѣе существенныхъ физико-географическихъ признаковъ; такого рода попытки принадлежатъ, напримѣръ, Танфильеву и Круберу. Я не буду одробно останавливаться на разсмотреніи и сра-

внительной оцѣнкѣ каждой изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ попытковъ; укажу только на то, что дѣленія Европейской Россіи на физико-географическіе районы по одному какому-либо признаку имѣютъ для насъ, конечно, меньшее значеніе по сравненію съ тѣми дѣленіями, которыя основываются на суммѣ признаковъ. Даже, будучи вполнѣ правильными и представляя большую научную цѣнность каждое въ своей спеціальной области (дѣленіе Сибирцева въ почвовѣдѣніи, дѣленіе Броунова въ климатологіи и т. д.), эти дѣленія не могутъ насъ удовлетворить, такъ какъ не даютъ намъ болѣе или менѣе полнаго представленія о совокупности наиболѣе существенныхъ физико-географическихъ особенностяхъ каждаго отдѣльнаго района; они даютъ намъ только отдѣльныячерты его физіономіи. Мы должны поэтому предпочесть тѣ изъ предлагаемыхъ намъ дѣленій, которыя стремятся учесть возможно большее количество физико-географическихъ признаковъ и дать возможно болѣе полное изображеніе физико-географическихъ условій каждаго отдѣльнаго района. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что результаты этого рода попытокъ имѣютъ, конечно, много общаго съ подраздѣленіями первой категоріи, такъ какъ комбинаціи признаковъ, которыя кладутся въ ихъ основу, состоятъ все изъ тѣхъ же основныхъ элементовъ физико-географической среды, какъ климатъ, почва, растительный міръ и т. д. Особенно много общихъ чертъ находимъ мы между дѣленіями Танфильева по суммѣ признаковъ и Сибирцева — по почвѣ, что и вполнѣ понятно, такъ какъ почва, являясь продуктомъ сложнаго взаимодѣйствія мѣстныхъ физико-географическихъ условій: материн-

ской породы, климата, растительнаго и животнаго міра, съ наибольшей полнотой отражаетъ на себѣ всю ихъ совокупность и можетъ служить, такимъ образомъ, въ качествѣ признака, который одинъ можетъ иногда замѣнить собою сложную комбинацію многихъ признаковъ.

Вотъ почему во многихъ случаяхъ районы, устанавливаемые различными авторами и различно ими называемые, территоріально почти вполнѣ совпадаютъ. Вотъ почему и вопросъ о томъ, какіе именно признаки должны быть положены въ основу дѣленія, въ значительной мѣрѣ утрачиваютъ свою остроту. Взаимная обусловленность отдѣльныхъ элементовъ физико географической среды, такимъ образомъ, значительно упрощаетъ нашу задачу. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ придерживаться дѣленія Европейской Россіи на физико-географической области, предложеннаго Танфильевымъ съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя вноситъ въ него Круберъ.

Какое бы дѣленіе мы, однако, ни взяли, вездѣ мы прежде всего встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же подраздѣленіемъ Европейской Россіи на двѣ крупныя области; на сѣверную и южную, на лѣсную и степную, или нечерноземную и черноземную. Различіе между этими двумя областями на столько глубоко, что ни одна изъ предпринимавшихся попытокъ дѣленія Европейской Россіи на физико-географическія области не могла его игнорировать и всѣ онѣ удѣляютъ ему наибольшее вниманіе. Поэтому и мы остановимся прежде всего на этомъ подраздѣленіи, которое, какъ вы сейчасъ увидите, находится въ непосредственной и

тѣсной связи съ геологическимъ прошлымъ восточно европейской равнины.

Въ образованіи поверхности Европейской Россіи, какъ вы знаете, весьма видное участіе принималъ грандіозный ледникъ, который въ послѣтретичную эпоху охватывалъ большую часть восточно-европейской равнины и простирался на югъ почти въ плоть до сѣверныхъ предѣловъ современной черноземной области, а мѣстами и еще южнѣе (на западѣ по среднему теченію Днѣпра до широтъ Кременчуга, а на востокъ по среднему теченію Дона и его притокамъ Хопру и Медвѣдицѣ до устья послѣдней). Дѣятельности этого ледника въ огромномъ большинствѣ случаевъ и обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ материнскія породы, которыя одѣваютъ поверхность Европейской Россіи.

Сползая съ горныхъ хребтовъ Сѣверной Норвегіи и съ Кольско-Финляндско-Олонецкаго плато, грандіозный ледникъ, мощность котораго достигала, какъ предполагаютъ, 2 тысячъ футовъ, въ своемъ движеніи на югъ долженъ былъ значительно видоизмѣнить и рельефъ страны и строеніе горныхъ породъ, образующихъ ея поверхность. Оказывая на эти породы огромное давленіе сглаживая ихъ неровности, отрывая и сдвигая ихъ обломки, онъ измельчалъ, истиралъ, перемѣшивалъ ихъ и увлекалъ въ своемъ движеніи. Массы такого увлекаемаго ледникомъ матеріала образовавшагося отъ разрушенія первозданныхъ горныхъ породъ, образовывали большею частью гряды, бугры и т. п. сгруженныя отложенія, называемыя обыкновенно моренами. Эти моренные наносы, представляющіе собою большею часть смѣсь

глины и песку съ валунами и хрящемъ или щебнемъ, и одѣваютъ собою большую часть сѣверной области Европейской Россіи, скрывая подъ собой болѣе древнія породы.

Распространеніе ледника не было процессомъ постояннымъ и не прерывнымъ: онъ то надвигался, охватывая все большія пространства, то отступалъ, освобождая поверхность земли отъ ледяного покрова, пока, наконецъ, не долженъ былъ совсѣмъ отступить, благодаря смягченію европейскаго климата. Какъ эти временныя регрессіи, такъ и окончательное отступленіе ледника, являвшіяся результатомъ таянія ледяного покрова, сопровождались образованіемъ огромныхъ массъ воды, мощныхъ водныхъ потоковъ, которые, стекая съ ледника, наводняли всю южную область современной Европейской Россіи. Эти ледниковыя воды, протекая по поверхности моренныхъ наносовъ, освобождавшихся изъ-подъ ледника, подвергали ихъ болѣе или менѣе значительному размыву и сортировкѣ. Размывая сгруженныя отложенія мореннаго матерала, они увлекали въ своемъ теченіи не только глину, песокъ и щебень, но даже и довольно крупные обломки горныхъ породъ и разносили этотъ матеріалъ по поверхности восточноевропейской равнины. Тамъ, гдѣ теченіе было сильно и быстро, изъ ледниковыхъ водъ могли осаждаться только болѣе крупныя части наносовъ: галечникъ и хрящъ; тамъ гдѣ оно нѣсколько ослабѣвало—осаждался уже песокъ; еще далѣе ледниковыя воды, по мѣрѣ того какъ ихъ теченіе ослабѣвало и замедлялось, оставляли уже глину и тонкую ледниковую муть. Благодаря этой дѣятельности талыхъледниковыхъ водъ, благодаря этой сор-

тировкѣ моренныхъ отложеній, которую онѣ производили въ своемъ теченіи, и произошли тѣ совершенно различныя материнскія породы, которыя одѣваютъ поверхность сѣверной и южной полосъ Европейской Россіи [1]).

Въ сѣверной половинѣ мы находимъ различнаго рода валунныя или моренныя образованія: глины, суглинки, супески и другія, представлявшія собою большею частью смѣсь валуновъ, хряща и песка болѣе или менѣе плотно связанную при посредствѣ глинистыхъ частицъ. Эти ледниковые наносы образуютъ въ большинствѣ случаевъ сгруженныя отложенія съ неровной повехрностью: гряды, бугры, валы и т. п. и придаютъ мѣстности холмистый характеръ (такъ называемый моренный ландшафтъ). На югѣ мы находимъ мягкіе осадки, слагающіеся изъ наиболѣе тонкихъ частицъ моренаго матеріала, осаждавшихся изъ ледниковыхъ водъ, или навѣянныя атмосферныя отложеніи (пыль, осаждавшаяся изъ воздуха), также тѣсно связанныя своимъ происхожденіемъ съ дѣятельностью ледника и носящія названіе ледниковаго лесса (нѣмец. Löss). Происхожденіе послѣдняго профессоръ Сибирцевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ [2]):

„Надъ холоднымъ выпуклымъ полемъ громаднаго сѣвернаго глетчера дилювіальной эпохи

---

[1]) Не всѣ эти породы обяааны своимъ происхожденіемъ дѣятельности ледника; мѣстами ледниковыя отложенія смѣняются выходами болѣе древнихъ геологическихъ пластовъ, мѣстами—позднѣйшими послѣтретичными образованіями, но въ общемъ ледниковые наносы господствуютъ на всемъ протяженіи Европ. Россіи.

[2]) Н. М. Сибирцевъ „Почвовѣдѣніе“, вып. I, стр. 21.

стояло высокое атмосферное давленіе, концентрически ослабѣвавшее къ его окраинамъ. Антициклоническое распредѣленіе изобаръ вызывало соотвѣтственную систему постоянныхъ вѣтровъ, направленныхъ къ периферіи занятаго льдомъ пространства и дальше на югъ и юго-западъ. Эти вѣтры были опускающіеся, нисходящіе, и потому динамически нагрѣвающіеся [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ сухіе. Имъ до извѣстной степени аналогичны нынѣшніе фены швейцарскихъ долинъ, переваливающіе съ южныхъ склоновъ Альпъ на сѣверные. Еще болѣе сходства съ древними ледниковыми вѣтрами представляютъ зимніе фены на западномъ берегу Гренландіи. Благодаря этимъ вѣтрамъ, температура нерѣдко повышается въ концѣ ноября до $+10^0$ и выше, при чемъ снѣгъ отъ сухости воздуха „слизывается“, а вода въ лужахъ быстро испаряется. Представимъ себѣ теперь, что великій ледникъ отступаетъ и постепенно, начиная съ юга, освобождаются отъ ледяного покрова пустынныя моренныя пространства. Надъ влажными толщами валунныхъ глинъ, щебней, песковъ и проч. пробѣгаютъ въ одномъ и томъ же направленіи токи сухого и относительно теплаго воздуха (фены); они быстро осушаютъ поверхность и выдуваютъ изъ моренныхъ массъ ледниковую пыль, отлагая ее дальше къ югу“.

Кромѣ типичнаго лесса атмосфернаго или эоловаго происхожденія, мы находимъ на югѣ цѣлый рядъ лессовидныхъ породъ, образовавшихся или путемъ осажденія изъ ледниковыхъ водъ, или

---

[1]) Динамическое нагрѣваніе равно 1^0 или нѣсколько менѣе при опусканіи воздуха на 100 метровъ (примѣч. Н. М. Сибирцева).

путемъ позднѣйшаго намыва и т. п. Но всѣ эти породы имѣютъ много общаго, какъ съ навѣяннымъ лессомъ, такъ и между собою: всѣ онѣ лишены валуновъ, состоятъ изъ тончайшихъ частицъ мелкозема и большею частью суглинисты. Въ то время, какъ моренные наносы характеризуются преобладаніемъ неразложенныхъ грубо-зернистыхъ элементовъ, которые связаны или цементированы глиною, въ лессѣ, наоборотъ, преобладаютъ тонкочастичные и болѣе разложенные элементы, глинистыя части рыхлы, перемѣшаны съ тонкимъ пескомъ и проникнуты углекислой известью [1])".

Таковы въ общихъ чертахъ основныя различія материнскихъ породъ, одѣвающихъ поверхность сѣверной и южной части восточно-европейской равнины. Эти различія представляютъ для насъ большой интересъ, такъ какъ именно ими генетически обусловливаются всѣ наиболѣе существенныя физико-географическія особенности той и другой полосы.

Прежде всего они даютъ намъ наиболѣе вѣроятное объясненіе того, почему сѣверная часть Европейской Россіи представляетъ собой лѣсистую страну, а южная—имѣетъ степной характеръ. Какъ полагаютъ, первоначально вслѣдъ за освобожденіемъ отъ ледяного покрова поверхность восточно-европейской равнины одѣвалась тундровой растительностью, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ климатъ становился теплѣе, она смѣнялась на югѣ степной, травяной растительностью, а на сѣверѣ—лѣсной. Развитіе этихъ двухъ растительныхъ фор-

---

[1]) Сибирцевъ, Ilid. см. стр. 120.

мацій стояло въ тѣсной связи со свойствами поверхностныхъ материнскихъ породъ. Замѣчено, что лѣсъ не мирится съ породами, богатыми различнаго рода минеральными солями, а между тѣмъ материнскія породы, одѣвающія южную часть Европейской Россіи, отличаются значительно болѣе высокимъ содержаніемъ солей, чѣмъ породы сѣверной области. Это вполнѣ естественно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что климатъ южной области съ самаго начала былъ значительно суше, благодаря сухимъ и теплымъ вѣтрамъ, дувшимъ съ сѣвера (см. выше), почему и осадковъ здѣсь было меньше; ледниковыя воды также, благодаря равнинному рельефу страны не задерживались и быстро стекали по проложеннымъ ими русламъ. Въ этихъ условіяхъ выщелачиваніе (вымываніе) солей изъ южныхъ лессовыхъ и лессовидныхъ породъ происходило лишь въ слабыхъ размѣрахъ, а потому здѣсь, въ южной области и не могло имѣть мѣста значительное развитіе лѣсной растительности. И въ настоящее время лѣса въ степной полосѣ встрѣчаются, главнымъ образомъ, или по склонамъ овраговъ и балокъ, гдѣ почва и подпочва конечно, подвергаются наибольшему выщелачиванію, или по берегамъ рѣкъ или же, наконецъ, на третичныхъ пескахъ. На лессѣ и лессовидныхъ породахъ лѣса появляются только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ихъ выщелачиванія. Въ сѣверной области—наоборотъ, условія сложились гораздо благопріятнѣе для развитія лѣсной растительности: материнскія породы здѣсь по самой природѣ своей были менѣе соленосны и гораздо легче подвергались выщелачиванію, такъ какъ состояли изъ сравнительно плохо разложен-

ныхъ и крупно-зернистыхъ элементовъ. Волнистый рельефъ страны способствовалъ скопленію ледниковыхъ водъ, заполнявшихъ собою всѣ впадины и задерживавшихся тамъ на долгое время. Климатъ былъ холоднѣе и болѣе влажный, чѣмъ на югѣ. Весьма естественно, что въ этихъ условіяхъ материнскія породы подверглись сильному выщелачиванію, и лѣсная растительность получила здѣсь преобладающее развитіе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе полагать, что въ то время, какъ сѣверная область европейской Россіи издавна была страною сплошныхъ лѣсовъ, южная область, какъ и теперь, всегда представляла собою степи [1]). Другое весьма важное и существенное различіе между сѣверомъ и югомъ заключается въ характерѣ почвеннаго покрова, который, какъ выше уже отмѣчено было, находится въ непосредственной зависимости отъ особенностей материнской породы, климата и растительнаго покрова мѣстности.

Фактъ общеизвѣстный, что на сѣверѣ преобладаютъ свѣтлыя почвы, а на югѣ—болѣе или менѣе темно-окрашенныя. Это различіе окраски объясняется различнымъ содержаніемъ въ тѣхъ и другихъ почвахъ перегноя, или такъ называемаго „гумуса“, который представляетъ собой продуктъ неполнаго разложенія органическихъ остатковъ, содержащихся въ почвѣ, и сообщаетъ ей болѣе или менѣе темную окраску. Казалось бы,

---

[1]) На это указываютъ и нѣкоторые другіе признаки: напр. отсутствіе въ лѣсахъ Таврическаго полуострова бѣлки, которая, вообще говоря, принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ животныхъ.

что на сѣверѣ, въ лѣсной полосѣ количество растительныхъ остатковъ, содержащихся въ почвѣ и устилающихъ ея поверхность, должно быть больше, чѣмъ на югѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе перегноя должно быть выше въ сѣверныхъ почвахъ, чѣмъ въ южныхъ. На самомъ дѣлѣ мы наблюдаемъ какъ разъ обратное. Это странное на первый взглядъ явленіе находитъ себѣ полное объясненіе во всей совокупности физико-географическихъ особенностей той и другой полосы, служитъ какъ бы наглядньмъ выраженіемъ этихъ особенностей и представляетъ поэтому для насъ особенный интересъ.

Дѣйствительно, непосредственными наблюденіями установлено, что количество остатковъ растительности въ лѣсу гораздо больше, чѣмъ въ степи, но зато и характеръ этихъ остатковъ и условія ихъ разложенія здѣсь совершенно иныя. Большая часть этихъ остатковъ состоитъ изъ надземныхъ органовъ растеній, изъ стволовъ, сучьевъ, листьевъ и хвои, которые разлагаются при свободномъ доступѣ воздуха и влаги, поэтому разложеніе ихъ идетъ весьма быстро и энергично и достигаетъ высшихъ степеней окисленія. Подземные остатки растительныхъ организмовъ, которые для почвообразовательныхъ процессовъ имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ остатки надземные, состоятъ въ лѣсу, главнымъ образомъ, изъ древесныхъ корней. Эти послѣдніе разлагаются также довольно быстро. Какъ показали наблюденія, въ древесныхъ корняхъ сгниваетъ прежде всего сердцевина, благодаря чему туда легко проникаетъ воздухъ и влага, которые ускоряютъ процессъ разложенія и доводятъ его опять-таки до

высшихъ степеней окисленія. Помимо особаго характера растительности и растительныхъ остатковъ, большое вліяніе на почвообразовательные процессы въ сѣверной лѣсной полосѣ оказываетъ сама по себѣ сравнительно высокая влажность почвъ и материнскихъ породъ этой полосы, болѣе сильная и оживленная циркуляція почвенной влаги.

Мы уже видѣли, что разложеніе органическихъ остатковъ на сѣверѣ отличается своею быстротою и полнотою; накопленіе гумуса, который является продуктомъ *неполнаго* разложенія этихъ остатковъ, происходитъ здѣсь поэтому слабо и медленно, а высшія степени окисленія, которыхъ достигаетъ здѣсь разложеніе остатковъ, приводятъ къ образованію подвижныхъ перегнойныхъ кислотъ особаго типа (креновой и апокреновой); способныхъ образовать съ минеральными элементами почвы легко растворимыя соединенія. Эта особенность почвообразовательныхъ процессовъ, происходящихъ въ сѣверныхъ почвахъ, имѣетъ огромное значеніе. Благодаря этой способности перегнойныхъ кислотъ образовывать легкорастворимыя, подвижныя соединенія, масса минеральныхъ составныхъ частей почвы, вступающихъ въ соединеніе съ креновой и апокреновой кислотами, выщелачиваются, т. е. растворяются въ просачивающейся черезъ почву водѣ и уносятся ею. Это выщелачиваніе бываетъ иногда настолько сильно, что подъ верхнимъ задернѣлымъ, очень неглубокимъ, слоемъ почвы образуется слой почти лишенный минеральныхъ солей и состоящій изъ аморфной, бѣлесоватой, порошкообразной массы кремнезема, такъ называемый подзолъ. Отсюда и господствующія почвы сѣверной полосы получили названіе *дерново-подзо-*

листыхъ. Въ общихъ чертахъ строеніе этихъ почвъ слѣдующее. Верхній слой или „горизонтъ“—дернистъ и имѣетъ болѣе или менѣе темную окраску, въ зависимости отъ количества перегноя; этотъ слой представляетъ собой, говоря словами профессора Сибирцева, „магазинъ органическихъ остатковъ“, въ немъ заготовляются подвижныя перегнойныя кислоты, которыя потомъ, проходя съ водою черезъ ниже лежащіе горизонты почвы, выщелачиваютъ изъ нихъ растворимыя минеральныя вещества. Въ зависимости отъ того, насколько сильно идетъ этотъ процессъ выщелачиванія, слѣдующій горизонтъ почвы оказывается болѣе или менѣе оподзоленнымъ, а въ зависимости отъ степени оподзоленія различаются почвы дерновыя, подзолистыя и подзолъ (высшая степень оподзоленія). Чѣмъ болѣе оподзолена почва, тѣмъ бѣднѣе она необходимыми для растеній питательными веществами. Кромѣ того, дерново-подзолистыя почвы различаются еще по соотношенію между песчаными и глинистыми частицами (глинистые пески, супеси, суглино-супеси, суглинки, тяжелыя глинистыя почвы). Все это дѣлаетъ почвенный покровъ сѣверной области очень пестрымъ и разнообразнымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ почвы сѣверной области принадлежатъ къ дерново-подзолистому типу. Въ общемъ, почвы эти бѣдны легко растворимыми и усвояемыми растеніемъ минеральными веществами, сильно страдаютъ избыткомъ влаги и недостаткомъ провѣриванія, не подвергаясь обработкѣ, быстро дичаютъ. Какъ вполнѣ очевидно на основаніи предыдущаго, всѣ эти свойства ихъ представляютъ собою естественный результатъ физико-географическихъ осо-

бенностей лѣсной области. Совершенно иныя физико-географическія условія находимъ мы въ южной области, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно иное направленіе получаютъ здѣсь и почвообразовательные процессы.

Господствующею материнскою породою здѣсь является лессъ; порода, какъ мы уже знаемъ, мелкоземистая и богатая солями, особенно известью. Древесная растительность здѣсь или отсутствуетъ, или сосредоточена по берегамъ рѣкъ, склонамъ овраговъ, на выходахъ третичныхъ песковъ или другихъ болѣе древнихъ материнскихъ породъ и имѣетъ характеръ рѣдкихъ лѣсныхъ острововъ, разбросанныхъ среди сплошныхъ травяныхъ степей. Климатъ болѣе теплый и менѣе влажный, чѣмъ на сѣверѣ; во многихъ мѣстностяхъ ощущается недостатокъ атмосферныхъ осадковъ; но даже и тамъ, гдѣ ихъ выпадаетъ не меньше, чѣмъ въ сѣверной лѣсной области, ощущается скорѣе недостатокъ, чѣмъ избытокъ влаги, такъ какъ благодаря открытому характеру мѣстности, снѣга быстро стаиваютъ и по оврагамъ и балкамъ стекаютъ въ рѣки; лѣтніе дожди часто выпадаютъ въ формѣ сильныхъ ливней и также сравнительно мало увлажняютъ почву, которая, кромѣ того, подвергается изсушающему вліянію знойныхъ вѣтровъ. Подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ всѣхъ этихъ условій почвообразовательные процессы складываются здѣсь совершенно иначе, чѣмъ на сѣверѣ. Хотя масса растительныхъ остатковъ, покрывающихъ поверхность почвы и содержащихся въ ея верхнихъ горизонтахъ, сравнительно невелика, однако, здѣсь наблюдается гораздо болѣе значительное накопленіе перегноя. Надземные

остатки и здѣсь разлагаются, конечно, довольно быстро и полно, но подземныя части растеній, состоящія изъ мягкихъ, тонкихъ и густо переплетающихся между собою травяныхъ корней, разлагаются въ средѣ маловлажной и при слабомъ доступѣ воздуха; поэтому разложеніе ихъ идетъ медленно и часто не достигаетъ высшихъ степеней окисленія. Благодаря этому въ верхнемъ почвенномъ горизонтѣ сравнительно быстро накопляется продуктъ неполнаго разложенія органическихъ остатковъ—гумусъ, т. е. вещество состоящее изъ индифферентныхъ органоминеральныхъ соединеній или изъ солей темноцвѣтныхъ и сравнительно малоподвижныхъ гуминовыхъ кислотъ. Благодаря малой растворимости этихъ солей, а также благодаря недостатку влаги, въ почвахъ южной области и не наблюдается такого сильнаго выщелачиванія верхнихъ почвенныхъ горизонтовъ, которое составляетъ характерную особенность дерново-подзолистыхъ почвъ. Темно-цвѣтныя почвы южной области, пріобрѣтающія благодаря высокому содержанію гумуса болѣе или менѣе интенсивную черную окраску, отличаются отъ сѣверныхъ дерново-подзолистыхъ почвъ и своимъ богатствомъ и своимъ плодородіемъ. Онѣ богаты, такъ какъ содержатъ въ себѣ большой запасъ необходимыхъ для растенія питательныхъ веществъ; въ то же время онѣ плодородны, такъ какъ представляютъ собой хорошо разложенный минеральный субстратъ и содержатъ въ себѣ много веществъ въ формѣ легкоусвояемыхъ растительными корнями соединеній.

Все вышеизложенное рисуетъ намъ, конечно, только въ самыхъ общихъ и довольно грубыхъ чертахъ генезисъ сѣверной лѣсной и южной степ-

ной областей Евр. Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ установить и ихъ наиболѣе существенныя физико-географическія различія. Но физико-географическими особенностями различіе между этими двумя областями не исчерпывается. Онѣ обладаютъ также весьма важными культурно-историческими различіями, притомъ такими, которыя на первый взглядъ находятся въ рѣшительномъ противорѣчіи съ совокупностью ихъ физико-географическихъ условій.

Вопреки широко распространенному мнѣнію, что человѣкъ при своемъ населеніи по землѣ и съ переходомъ къ осѣдлому образу жизни избираетъ или наиболѣе доступныя для обработки, или наиболѣе плодородныя пространства, южная черноземно степная область, несмотря на свой открытый и равнинный характеръ, не смотря на плодородіе своей почвы, принадлежитъ большею своею частью къ числу наиболѣе поздно заселенныхъ областей Европейской Россіи. Раньше всего населеніе достигло сравнительно высокой плотности въ южной, главнымъ образомъ, въ юго-западной части, лѣсной области и оттуда уже происходило его разселеніе по южнымъ и юго-восточнымъ окраинамъ восточно-европейской равнины. Это явленіе, которое на первый взглядъ можетъ казаться весьма страннымъ и стоящимъ какъ бы въ противорѣчіи съ физико-географическими преимуществами южной области, находитъ себѣ объясненіе какъ разъ именно въ естественно-историческихъ свойствахъ степныхъ равнинъ вообще и въ географическомъ положеніи южно рус. степей въ частности.

Степь имѣетъ свою особую культурную исторію, она создаетъ свою самостоятельную культуру.

Прежде всего она воспитываетъ въ человѣкѣ миграціонные инстинкты. Необъятный просторъ степной равнины уже самъ по себѣ влечетъ человѣка къ постоянному передвиженію, но еще болѣе это влеченіе къ кочеванію усиливается и закрѣпляется тѣми хозяйственными условіями, въ которыхъ живетъ степной человѣкъ. Основу его хозяйственной дѣятельности составляютъ скотоводство. Во многихъ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ недостатокъ почвенной и атмосферной влаги затрудняетъ или даже дѣлаетъ невозможнымъ земледѣльческое хозяйство, скотоводство является единственною основою всего хозяйственнаго быта. Здѣсь сама природа указываетъ человѣку вести пастушескій, кочевой образъ жизни. Первобытное скотоводство неизбѣжно связано съ кочеваніемъ; когда весь подножный кормъ въ окрестностяхъ той или другой стоянки съѣденъ скотомъ, кочевникъ необходимо долженъ передвинуться со своимъ скотомъ на новое пастбище. Каждая смѣна временъ года сопровождается новымъ передвиженіемъ, часто на очень значительное разстояніе, въ зависимости отъ расположенія пастбищъ, соотвѣтствующихъ различнымъ сезонамъ. Но степь не только порождаетъ и воспитываетъ миграціонные инстинкты, она въ то же время благопріятствуютъ образованію обширныхъ и многичисленнныхъ обществъ. Жители степныхъ равнинъ не испытываютъ на себѣ разообщающаго вліянія горъ или другихъ какихъ-либо препятствій, изолирующихъ отдѣльныя человѣческія группы, заставляющихъ ихъ вести замкнутый, обособленный образъ жизни. Въ степи отдѣльныя группы легко приходятъ въ соприкосновеніе между собою, и такъ какъ ихъ образъ

жизни, ихъ привычки и вообще вся ихъ культура вполнѣ однородны, то онѣ легко сближаются между собою, соединяются въ болѣе крупныя общества, иногда въ цѣлыя обширныя орды. Такимъ образомъ, условія общественной жизни въ степи благопріятствуетъ образованію многочисленныхъ обществъ, обладающихъ большою силою взаимнаго сцѣпленія и въ то же время чрезвычайно подвижныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предѣльная плотность населенія, какую допускаетъ степь въ условіяхъ кочевого быта, весьма невелика: два—три человѣка на квадр. версту составляютъ уже нерѣдко крайній предѣлъ этой плотности, по достиженіи котораго степь не можетъ уже прокормить кочевниковъ съ ихъ стадами. Само собою понятно, что это обстоятельство въ высшей степени увеличиваетъ подвижность степныхъ ордъ, которыя приростомъ населенія постоянно вынуждаются къ расширенію своихъ территорій. Когда та или иная территорія, переполнена населеніемъ, кочевники или должны перейти отъ первобытнаго скотоводства къ осѣдлому земледѣлію или избавиться отъ избытка населенія путемъ переселенія на какую-нибудь новую, никѣмъ еще не занятую или плохо защищаемую территорію.

Поэтому степныя области и являются нерѣдко въ исторіи своего рода лабораторіями народовъ, выбрасывающими изъ себя одну орду за другой. Во всякомъ случаѣ, таково именно было значеніе степныхъ областей центральной Азіи, въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ высылавшихъ одну за другой обширныя орды кочевниковъ, то на востокъ, въ сосѣднія области Китая, то на западъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи степи Монголіи и Джун-

гаріи черезъ посредство западно-сибирскихъ степей сливаются съ южно-русской степной областью.

Эта сплошная полоса степей, пересѣкающая на протяженіи тысячъ верстъ материкъ Евразіи, представляла собой какъ бы широкую дорогу самой природой созданную для кочевниковъ, изъ областей центральной Азіи стремившихся на западъ. Какъ разсказываетъ намъ китайская лѣтопись, около 20 вѣковъ тому назадъ какой-то народъ, который лѣтопись называетъ хунъ-ху, появившись изъ глубины степныхъ областей, потѣснилъ племена, жившія отъ него на западъ. Это былъ, повидимому, одинъ изъ начальныхъ моментовъ движенія извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ „великаго переселенія народовъ“, а въ народѣ, давшемъ ему толчекъ и носившемъ названіе хунъ-ну, мы съ большою вѣроятностью можемъ видѣть появившихся значительно позднѣе въ Европѣ гунновъ. О первоначальныхъ стадіяхъ этого движенія намъ почти ничего не извѣстно, да подробное разсмотрѣніе послѣдняго и не входитъ въ нашу задачу. Исторически установленъ тотъ фактъ, что спустя четыре-пять вѣковъ послѣ момента, отмѣченнаго китайскою лѣтописью, т. е. около IV вѣка нашей эры, гунны появились на берегахъ Волги и потѣснили жившихъ къ западу отъ нея аллановъ и готовъ. Ихъ стремительнымъ напоромъ и было вызвано то огромное и бурное движеніе, которое въ исторіи Европы носитъ названіе „великаго переселенія народовъ“, подъ давленіемъ котораго пала Римская Имперія и которымъ дано было новое направленіе исторіи европейскихъ народовъ. Волны этого движенія улеглись нескоро; только въ VIII—IX вв. по Р. Х. населеніе Западной Европы

болѣе или менѣе прочно осѣло на своихъ мѣстахъ; для восточной Европы успокоеніе наступило еще позднѣе, такъ какъ за гуннами послѣдовалъ цѣлый рядъ кочевыхъ племенъ, вторгавшихся одно за другимъ въ степную область восточно-европейской равнины. Сначала печенеги, потомъ половцы, потомъ татары вплоть до конца XIV в. продолжали опустошать своими набѣгами степную область и не позволяли сложиться и упрочиться здѣсь осѣдлой жизни. Движеніемъ кочевниковъ уничтожено было земледѣльческое населеніе, обитавшее на южной окрайнѣ восточно-европейской равнины, которое нѣкогда кормило своимъ хлѣбомъ древнюю Грецію; славянскія же племена, населявшія западную часть степной области, были отброшены на сѣверъ, въ предѣлы лѣсной полосы. И только съ теченіемъ времени вновь начался процессъ разселенія славянъ отсюда на югъ и юго-востокъ, только значительно позднѣе степная область была колонизована опять осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ томъ, какое огромное значеніе имѣлъ этотъ процессъ для нашей народохозяйственной жизни, пока же мы можемъ отмѣтить только, что въ значительной мѣрѣ наши историческія судьбы были предопредѣлены физико-географическими особенностями восточно-европейской равнины и ея географическимъ положеніемъ.

Выше мы намѣтили въ общихъ чертахъ основное подраздѣленіе Европейской Россіи на лѣсную и степную области. Необходимость выяснить культурно-историческія особенности каждой изъ этихъ областей и связать послѣднія съ ихъ физико-географическими особенностями ихъ географическимъ

положеніемъ отвлекла насъ нѣсколько въ сторону. Теперь мы должны возратиться опять къ обзору физико-географическихъ условій отдѣльныхъ частей Европейской Россіи, на этотъ разъ—обзору болѣе подробному. Въ этомъ обзорѣ мы будемъ придерживаться географичеческаго порядка, идя съ сѣвера на югъ.

Полоса тундры.

Сѣверную часть лѣсной области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣверную окрайну Европейской Россіи составляетъ полоса тундры. По сравненію съ другими частями лѣсной области, эта полоса представляетъ такія большія особенности, что могла бы быть выдѣлена даже въ самостоятельную область. Прежде всего она отличается устройствомъ своей поверхности и характеромъ одѣвающихъ ее материнскихъ породъ. Къ западу отъ Бѣлаго моря полоса тундры представляетъ собою возвышенное плато, поверхность котораго слагается преимущественно изъ наиболѣе древнихъ (архейскихъ) горныхъ породъ. Къ востоку отъ Бѣлаго моря поверхность тундры низменна и равнина и слагается изъ послѣтретичныхъ отложеній морской трансгрессіи, такъ какъ эта часть нашей сѣверной окраины въ послѣтретичную эпоху еще была покрыта водами Ледовитаго океана, изъ-подъ которыхъ освободилась только съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ другихъ частей сѣверной области, поверхность полосы тундры не связана своимъ происхожденіемъ съ дѣятельностью скандинавно-русскаго ледника, она слагается не изъ моренныхъ наносовъ, а изъ другихъ горныхъ по-

родъ и имѣетъ также по преимуществу равнинный, а не моренный рельефъ. Климатъ полосы тундры чрезвычайно суровый. Средняя температура года здѣсь почти повсемѣство ниже 0°. Благодаря краткости лѣтняго періода и низкой температурѣ воздуха, почва не успѣваетъ оттаять на всю глубину промерзшаго стоя; потому здѣсь повсюду существуетъ вѣчно-мерзлый горизонтъ, лежащій иногда на очень незначительной глубинѣ: (нерѣдко не болѣе 8 верш.) и содержащій грунтовыя воды въ твердомъ видѣ. Весьма характерны для полосы тундры также рѣзкія колебанія температуры воздуха въ теченіе сутокъ: лѣтомъ температура колеблется нерѣдко отъ 3° до 25°. Присутствіе вѣчно мерзлаго горизонта почвы является основною причиною полнаго безлѣсія тундры; здѣсь могутъ расти только такія растенія, которыя не нуждаются въ значительной глубинѣ укорненія, какъ напр. небольшіе кустарники, травы (по преимуществу многолѣтнія), лишаи, мхи, клюква, брусника, морошка и др. Такимъ образомъ, тундра, представляющая собой на всемъ своемъ протяженіи безлѣсное, равнинное пространство, лишь весьма условно и съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ можетъ быть причисляема къ сѣверной лѣсной области. При всей скудости своей природы полоса тундры не лишена, однако нѣкотораго разнообразія. Различаютъ тундру бугристую, песчаную, глинистую и каменистую. Бугристая тундра представляетъ собой равнинное, болотистое пространство, усѣянное какъ бы гиганскими кочками—буграми до $1^1/_2$—2 саж. вышины, состоящими изъ мохового торфа. Каменистая тундра (гл. обр. на западѣ) одѣта преимущественно лишайниками, песчаная и глинистая—

мхами. Встрѣчаются нерѣдко пространства, совершенно лишенныя растительности — „лысая тундра". Какъ извѣстно, въ полосѣ тундры „существованіе человѣка тѣсно связано съ возможностью разведенія оленя, который не только перевозитъ обитателя тундры съ мѣста на мѣсто, но и питаетъ и одѣваетъ его. Со своей стороны существованіе оленя тѣснѣйшимъ образомъ связано съ оленьимъ мхомъ или ягелемъ, служащимъ въ зимнее время единственной пищей оленя, отыскиваемой имъ подъ снѣгомъ, такъ что для человѣка нѣтъ надобности приготовлять запасы корма для своего скота. Ростъ ягеля чрезвычайно медленный, не болѣе 5 миллим. въ годъ.—а это обстоятельство имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для жизни человѣка на сѣверѣ. Медленный ростъ ягеля и необходимость щадить пастбище главнымъ образомъ и заставляютъ человѣка вести здѣсь кочевой образъ жизни". [1])

Южные предѣлы полосы тундры не имѣютъ опредѣленной, ясно выраженной границы. Сначала, среди безлѣсной равнины появляются отдѣльныя, довольно чахлыя деревца, которыя далѣе по направленію къ югу смыкаются уже въ небольшіе острова; еще далѣе начинаются болѣе обширные острова высокоствольнаго лѣса, мало по малу переходящіе въ сплошную тайгу, среди которой разбросаны отдѣльные острова тундры. Здѣсь, на границѣ между полосою тундры и полосою тайги, происходитъ постоянная борьба, между лѣсомъ и тундрою. Образующійся нерѣдко въ лѣсу слой торфа влечетъ обыкновенно за собой образованіе

---

[1]) Г. И. Танфильевъ. Физико-геогр. области. Европейской Россіи. стр. 24.

горизонта вѣчно-мерзлой почвы, а вслѣдъ за тѣмъ и гибель древесной растительности. Въ этихъ случаяхъ тундра, какъ бы надвигается на лѣсъ, все глубже и шире врывается въ тайгу, отнимая у нея все новыя пространства. Но по мѣрѣ того, какъ въ направленіи къ югу климатъ становится все болѣе теплымъ, образованіе вѣчно мерзлаго горизонта становится все менѣе возможнымъ, а господство лѣса надъ тундрою все болѣе прочнымъ. Южною климатическою границею тундры считаютъ обыкновенно іюльскую изотерму 12^0.

Полоса болотъ и тайги.

Къ югу отъ полосы тундры простирается обширная область, которая характеризуется господствомъ дерновоподзолистыхъ почвъ, сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ и широкимъ развитіемъ моховыхъ болотъ. Это полоса болотъ и тайги. Она простирается въ своей западной части нѣсколько южнѣе Петербурга, охватывая все побережье Балтійскаго моря и образуетъ значительные отвѣтвленія и острова южнѣе Новгорода и Вологды. Къ востоку отъ Нижняго Новгорода она простирается еще южнѣе (до параллели Н. Новгорода), и здѣсь ея южная граница почти на всемъ своемъ протяженіи непосредственно соприкасается съ южной черноземной областью. Среди материнскихъ породъ полосы болотъ и тайги почти повсемѣстно господствуютъ моренные наносы. [1]) Почти повсемѣстно мы нахо-

[1]) Исключеніе составляетъ ея сѣверо-восточная окраина, гдѣ моренныя отложенія вытѣсняются морскими наносами, и гористыя мѣстности Урала, гдѣ на дневную поверхность выходятъ болѣе древнія породы.

димъ здѣсь характерный моренный ландшафтъ, слагающійся изъ невысокихъ и большею частью продолговатыхъ возвышенностей: хребтовидныхъ грядъ, бугровъ и „уваловъ", перемежающихся съ углубленіями, котловинами. Иногда, впрочемъ, этотъ то сильно выраженный, то нѣсколько сглаженный моренный ландшафтъ смѣняется болѣе или менѣе обширными равнинными пространствами. Благодаря частой и рѣзкой измѣнчивости рельефа, а также благодаря различію материнскихъ породъ, почвенный покровъ полости болотъ и тайги отличается своею пестротою. Въ зависимости отъ механическаго состава материнскихъ породъ (валунныя болѣе или менѣе песчанистыя глины, валунные супески и пески и т. д.) мы наблюдаемъ здѣсь цѣлый рядъ переходовъ отъ тяжелыхъ глинистыхъ почвъ къ легкимъ супескамъ и пескамъ. Въ зависимости отъ интенсивности процессовъ оподзоливанія (которая въ свою очередь обусловливается особенностями материнскихъ породъ, рельефа и т. д.) мы находимъ цѣлый рядъ переходовъ отъ дерновыхъ (слабо оподзоленныхъ) почвъ къ типичнымъ, ярко выраженнымъ подзоламъ. Въ общемъ въ болѣе обширной южной части полосы болотъ и тайги господствуютъ дерновые и подзолистые суглинки, на сѣверо-западѣ ея (Олонецкая губернія)—дерновые и подзолистые супески, а на сѣверо-востокѣ (восточная часть Вологодской губерніи и сосѣднія части Архангельской губерніи) широко развиты перемежающіеся между собою пески, тяжелыя глины и отчасти суглинки. Характерно для полосы болотъ и тайги широкое развитіе моховыхъ болотъ. Послѣднія занимаютъ здѣсь почти повсемѣстно обширныя пространства

не только по долинамъ рѣкъ, берегамъ озеръ, но и на водораздѣлахъ.

Климатъ полосы болотъ и тайги суровый и континентальный. На сѣверо-восточной ея окраинѣ (къ сѣверо-востоку отъ верхняго теченія Камы и Вычегды) среднія температуры года спускаются ниже 0^0 (до $-2^0 - 4^0$); наиболѣе обширная средняя часть полосы имѣетъ среднія температуры года 0^0—3^0; и только на юго-западной окраинѣ онѣ достигаютъ 4^0. Эта разница среднихъ годовыхъ температуръ обусловливается главнымъ образомъ сильнымъ пониженіемъ зимнихъ температуръ въ направленіи съ запада на востокъ. Такъ, напримѣръ, среднія температуры *января*, очень мало измѣняющіяся съ сѣвера на югъ (такъ что изотермы этого мѣсяца имѣютъ почти меридіональное направленіе), на западѣ, въ области озеръ [1]), составляютъ обычно -7^0—10^0, а на востокѣ падаютъ до -16^0—18^0 и ниже. Весеннія и осеннія температуры измѣняются въ томъ же направленіи (на западѣ выше, на востокѣ ниже), но обнаруживаютъ уже гораздо болѣе слабыя колебанія; лѣтнія же температуры при еще менѣе замѣтныхъ колебаніяхъ обнаруживаютъ обратную правильность: онѣ увеличиваются не только съ сѣвера на югъ, но также (хотя и очень немного) съ запада на востокъ. Такимъ образомъ,

---

[1]) Круберъ справедливо отмѣчаетъ, что сѣверо-западная окраина Европейской Россіи (т. е. Кольскій полуостровъ и сѣверная часть Олонецкой губ. вмѣстѣ съ Финляндіей) по совокупности своихъ физико-географическихъ особенностей могли бы быть выдѣлены въ особый районъ; однако, для нашего бѣглаго обзора, не претендующаго на большую подробность, въ этомъ не представляется безусловной необходимости. Черты сходства этой части полосы болотъ и тайги съ остальными ея частями все же достаточно велики.

восточная часть полосы отличается гораздо большею годовою амплитудою (т. е. обладаетъ болѣе континентальнымъ климатомъ): на западѣ разница между средними температурами января и іюля составляетъ не болѣе 25°, въ средней части полосы — около 30°, а на востокѣ доходитъ до 35°.

Весьма большое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что лѣтомъ во всей полосѣ устанавливается довольно высокая температура. Такъ среднія температуры іюня—августа колеблются большею частью въ слѣдующихъ предѣлахъ:

	Іюнь.	Іюль.	Августъ.
Въ сѣв. части. . . .	13°—13,5°	16°—17°	14°—15°
Въ южн. „	14,5°—16,5°	17°—18,5°	14,5°—16,5°

Благодаря такой сравнительно высокой температурѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, здѣсь повсемѣстно, даже въ сѣверо-восточной части полосы, несмотря на очень низкую среднюю температуру года, возможно земледѣліе. Вегетаціонный періодъ отличается, однако, своею краткостью, такъ что не всѣ хлѣба и не вездѣ здѣсь могутъ вызрѣвать; только ячмень доходитъ до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ лѣсной полосы. Если измѣрять продолжительность вегетаціоннаго періода числомъ тѣхъ дней, когда средняя температура сутокъ стоитъ не ниже 6° (т. е. возможенъ ростъ культурныхъ знаковъ), то у сѣверныхъ предѣловъ полосы болотъ и тайги этотъ періодъ длится всего около 125 дней, а въ ея южной части до 150—160 дней.

Но особенно вредно отражаются на мѣстномъ земледѣліи частые заморозки; въ сѣверной части полосы послѣдніе весенніе заморозки бываютъ иногда даже въ первыхъ числахъ іюня, а первые осенніе въ

послѣднихъ числахъ іюля. Эта краткость вегетаціоннаго періода и связанная съ нею необезпеченность земледѣльческаго труда накладываютъ, конечно, на всю хозяйственную жизнь края своеобразную печать.

Полоса суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ.

Какъ уже выше было отмѣчено, сѣверная лѣсная область къ востоку отъ Нижняго Новгорода почти нигдѣ (за исключеніемъ Урала) не простирается южнѣе средняго теченія Волги и нижняго теченія Камы и непосредственно соприкасается здѣсь съ южною черноземною областью. Въ западной же своей части лѣсная область простирается значительно южнѣе (до Калуги, Чернигова, Кіева и Житомира), но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣняетъ и свой характеръ. Обширныя моховыя болота почти исчезаютъ и уступаютъ мѣсто озерамъ въ высокихъ и сухихъ берегахъ; лѣсная растительность становится разнообразнѣе: къ хвойнымъ породамъ примѣшиваются въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ лиственныя породы. Эта перемѣна происходитъ весьаа постепенно и незамѣтно. Признаки, характерные для полосы болотъ и тайги, нигдѣ вполнѣ не исчезаютъ; повсюду въ предѣлахъ лѣсной области наблюдается господство хвойныхъ, повсюду, хотя бы спорадически, встрѣчаются моховыя болота. Съ другой стороны и лиственныя породы не состовляютъ исключительной принадлежности юго-западной части лѣсной области а далеко проникаютъ въ ея глубь и на востокъ и на сѣверъ. Это обстоятельство даетъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ отрицать самую возможность и цѣлесообразность выдѣленія изъ лѣсной области ея юго-западной части въ особый районъ. Я пола-

гаю, однако, что для такого выдѣленія имѣется достаточно основаній. Главнѣйшую особенность югозападной частью лѣсной области составляетъ ея менѣе континентальный, болѣе теплый и болѣе влажный климатъ. Средняя температура года колеблется здѣсь въ предѣлахъ отъ 4° до 7°; разница среднихъ температуръ января и іюля составляетъ 25°—30°, нерѣдко менѣе (до 22°); средняя температура января въ наиболѣе восточной части полосы не опускается ниже 10°, а на западѣ поднимается до 4°; май и сентябрь имѣютъ среднія температуры почти повсемѣстно выше 11° (и до 14°), а среднія температуры іюля составляютъ въ большинствѣ случаевъ 18°—19°. Такимъ образомъ, полоса суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ не только имѣетъ болѣе теплое лѣто, но отличается также значительно большею продолжительностью вегетаціоннаго періода, которая достигаетъ здѣсь 180—200 дней. Годовое количество осадковъ здѣсь въ огромномъ большинствѣ случаевъ замѣтно больше, чѣмъ въ полосѣ болотъ и тайги. На сѣверо-востокѣ послѣдней количество осадковъ падаетъ ниже 400 миллиметровъ, а въ остальныхъ ея частяхъ колеблется между 400—500 миллиметровъ, лишь иногда (главнымъ ооразомъ на западѣ) возвышаясь надъ этимъ уровнемъ, Въ полосѣ суходоловъ и смѣшаныхъ лѣсовъ годовое количество осадковъ повсемѣстно перевышаетъ 500 миллиметровъ, а мѣстами поднимается до 600 миллиметровъ и выше. Климатическими особенностями не исчерпываются существенныя различія между этими двумя частями сѣверной лѣсной области. Хотя и тамъ и здѣсь господствующія материнскія породы обязаны своимъ происхожденіемъ дѣятельности ледника, однако,

характеръ ледниковыхъ отложеній въ юго-западной части области иной, чѣмъ въ сѣверо-восточной, На юго-западной окраинѣ полосы суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ, въ бассейнахъ Нѣмана и Вислы, ледниковыя отложенія состоятъ изъ двухъ моренъ (нижней и верхней) и приближаются къ типу сѣверо-германскихъ ледниковыхъ наносовъ; въ прибалтійскомъ краѣ морена одна, но валунныя глины имѣютъ иной характеръ, чѣмъ въ средней Россіи (болѣе свѣтлая окраска, часто мергелисты; въ своей средней части полоса суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ отличается сложность моренныхъ наносовъ, въ которыхъ валунныя глины неправильно перемежаются съ щебнями, хрящевиками, песками и т. д.; и, наконецъ, по всей юго-восточной окраинѣ полосы (вдоль сѣверныхъ предѣловъ черноземной, степной области) на ряду съ типичными моренными отложеніями широко развиты сортированные (дифференцированные) дилювіальные наносы: пески, глины, лессовидные суглинки и т. п. Такимъ образомъ, материнскія породы полосы суходоловъ отличаются разнообразіемъ своего строенія и своихъ свойствъ, въ то время, какъ полосы болотъ и тайги отличается ихъ однообразіемъ (здѣсь почти повсемѣстно господствуетъ красно-бурая валунная песчанистая глина, иногда покрываемая верхневалунною супесью и верхневалунными песками) [1]) Различіе такихъ важныхъ, вліятельныхъ почвообразователей, какими являются материнская порода и климатъ, должно, конечно, самымъ существеннымъ образомъ отражаться на ха-

[1]) По характеру ледниковыхъ отложеній однороденъ съ полосою болотъ и тайги только примыкающій къ ней сѣверо-восточный уголъ полосы суходоловъ. См. Н. М. Сибирцевъ. Почвовѣдѣніе, 1, стр. 27—34.

рактерѣ почвеннаго покрова. Къ сожалѣнію дѣло изученія русскихъ почвъ (особенно въ неземской Россіи, къ которой принадлежитъ большая часть полосы суходоловъ) такъ мало пока подвинулось впередъ, что въ настоящее время не могутъ быть еще подведены итоги тѣмъ различіямъ, которыя существуютъ въ этомъ отношеніи между полосою суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ и полосою болотъ и тайги. Мы можемъ пока отмѣтить только, что въ отличіе отъ южной части полосы болотъ и тайги, гдѣ наиболѣе широко развиты суглинистыя почвы, здѣсь господствуютъ дерново-подзелистыя супеси; въ полѣсьи (см. ниже) господствуютъ песчаныя почвы; по юго-восточной окраинѣ полосы часто встрѣчаются дерновые суглинки на лессовидныхъ породахъ. Весьма существенную особенность полосы суходоловъ состовляетъ, конечно, и отмѣченное уже выше сравнительно слабое развитіе моховыхъ болотъ. Обширныя сплошныя пространства торфяники занимаютъ здѣсь только въ сѣверной части Прибалтійскаго края и по сѣверо-западной окраинѣ полосы, смѣжной съ полосой болотъ и тайги; въ остальныхъ ея частяхъ они встрѣчаюгся спорадически. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ тѣсной зависимости отъ почвенныхъ (а также и климатическихъ) особенностей полосы суходоловъ находятся также и тѣ измѣненія характера древесной растительности, которыя находятъ себѣ здѣсь выраженіе въ болѣе широкомъ распространеніи лиственныхъ породъ. Эта примѣсь лиственныхъ (и особенно, широколиственныхъ) породъ постепенно убываетъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Равнымъ образомъ и другія особенности полосы суходоловъ—климатическія и поч-

венныя нарастаютъ въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, образуя рядъ постепенныхъ переходовъ отъ полосы болотъ и тайги къ полосѣ суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ. Представляется поэтому весьма затруднительнымъ установить вполнѣ точное и опредѣленное разграниченіе этихъ двухъ физико-географическихъ районовъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи, конечно, о проведеніи какой-либо линейной границы; можно говорить развѣ только о выдѣленіи болѣе или менѣе типичныхъ частей районовъ и о переходной между ними полосѣ. Грубо схематично возможно было бы намѣтить предѣлы этой промежуточной, переходной полосы, принявши за ея юго-западную границу линію, идущую отъ Рижскаго залива черезъ южныя части Псковской губерніи на Тверь и Москву, а за сѣверо-восточную—линію Петрозаводскъ—Вологда—Нижній Новгородъ, Эта послѣдняя линія довольно близко совпадаетъ съ крайнимъ юго-восточнымъ предѣломъ продолжительности снѣжнаго покрова болѣе 160 дней и изогіетой 500 милиметровъ, а намѣченная юго-западная граница переходной полосы является въ то же время крайнимъ предѣломъ болѣе или менѣе значительнаго распространенія торфяныхъ болотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ намѣченныя нами границы довольно близко подходятъ и къ крайнимъ сѣверо-восточнымъ предѣламъ распространенія нашихъ главныхъ фруктовыхъ деревьевъ; яблони и груши. Граница яблони находится ближе къ сѣвернымъ предѣламъ переходной полосы; граница груши почти совпадаетъ съ ея южными предѣлами [1]).

[1]) Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить также то обстоятельство, что восточная часть отграниченной такимъ образомъ полосы

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, однако, что и послѣ выдѣленія описанной выше переходной полосы, юго-западная часть лѣсной области, которой мы даемъ названіе полосы суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ, обладаетъ въ различныхъ своихъ частяхъ довольно существенными особенностями. Во всякомъ случаѣ, необходимо выдѣлить въ качествѣ особаго физико-географическаго района *округъ Полѣсья*, охватывающій бассейны правыхъ притоковъ Днѣпра: Припяти и Березины. Главныя особенности этого округа заключаются въ особомъ характерѣ поверхности, материнскихъ породъ, почвеннаго покрова и растительности. Полѣсье представляетъ собою обширную низменную равнину, поверхность, которой слагается изъ диллювіальныхъ отложеній озернаго періода, прикрывающихъ собою породы ледниковой эпохи и еще болѣе древнихъ возрастовъ. По этой плоской равнинѣ, лишенной значительныхъ уклоновъ, текутъ большія, многоводныя рѣки и раскинулись обширныя травяныя и трост-

---

суходоловъ и смѣшанныхъ лѣсовъ была областью наиболѣе древняго разселенія восточныхъ славянъ. Отсюда руская колонизація съ трудомъ и лишь весьма постепенно проникала на сѣверовостокъ въ предѣлы полосы болотъ и тайги, почвенныя и климатическія условія которой и до сихъ поръ не допускаютъ болѣе или менѣе значительной плотности и населенія. Аналогичное явленіе наблюдается въ исторіи колонизаціи Германіи въ эпоху Римской Имперіи. Такъ напримѣръ, Гардъ, изслѣдуя направленіе укрѣпленной римской границы между Рейномъ и Дунаемъ, отмѣчаетъ то обстоятельство, что она нигдѣ не вдается въ область хвойныхъ лѣсовъ, принимая для обхода ихъ иногда совершенно неожиданное направленіе. Мѣста сплошного обитанія хвойныхъ лѣсовъ, повидимому, особенно неблагопріятны для поселенія человѣка и лѣса эти послѣдними падаютъ подъ сѣкирой поселенца.

никовыя болота. Рѣки, имѣющія въ своихъ верховьяхъ болѣе значительное паденіе, а потому и болѣе быстрое теченіе, здѣсь—въ предѣлахъ полѣсской низменности замедляютъ свое теченіе, широко разливаются и отлагаютъ наносы, которые впослѣдствіи затрудняютъ стокъ воды и содѣйствуютъ заболачиванію мѣстности. На всемъ пространствѣ Полѣсья господствуютъ песчаныя почвы, малосвязныя, весьма бѣдныя питательными веществами и перегноемъ (въ этомъ отношеніи они уступаютъ даже дерновоподзолистымъ почвамъ), но отличающіяся большою водо—и воздухопроницаемостью, малою влагоемкостью и большою теплопроводностью, что въ условіяхъ мѣстнаго орошенія и климата нѣсколько повышаетъ ихъ производительныя качества. Обширные смѣшанные лѣса, состоящіе преимущественно изъ сосны, ели и дуба съ примѣсью березы, липы, граба и нѣкоторыхъ другихъ породъ, одѣваютъ полѣсскую равнину, придавая мѣстности весьма лѣсистый характеръ. Что касается климатическихъ условій, то по сравненію съ сосѣдними частями полосы суходоловъ округъ Полѣсья никакими существенными особенностями не отличается.

Описанная выше область лѣсовъ и дерновоподзолистыхъ почвъ, какъ уже сказано, охватываетъ всю сѣверную часть Европейской Россіи. Ея южная граница идетъ въ направленіи съ запада на востокъ, начинаясь на юго-восточной окраинѣ Царства Польскаго (въ Люблинской губерніи), на Житомиръ, Кіевъ, Черниговъ, Калугу, Рязань и Нижній Новгородъ [1]); отсюда, совпадая съ теченіемъ

[1]) Между Рязанью и Нижнимъ Новгородомъ граница лѣсной области образуетъ длинный и узкій выступъ къ югу по теченію рѣки Цны.

Волги, она идетъ до Казани, далѣе, образуя выгнутую къ сѣверу кривую, на Уфу, откуда круто поварачиваетъ на югъ, огибаетъ южную оконечность Уральскаго хребта и вновь круто мѣняетъ направленіе, поворачивая на сѣверо-востокъ, на Челябинскъ и Ирбитъ.

Переходъ отъ лѣсной области къ степной совершается въ общемъ довольно быстро: на протяженіи полутораста, ста верстъ, а нерѣдко и еще скорѣе, характеръ мѣстности вполнѣ мѣняется. Но, конечно, и въ этомъ переходѣ мы наблюдаемъ извѣстную постепенность. Здѣсь мы видимъ результаты многовѣковой борьбы между двумя растительными формаціями: между лѣсомъ и степью, борьбы, которая кончается побѣдой лѣса. Есть много основаній предполагать, что въ доисторическія, весьма отдаленныя отъ насъ времена, травяныя степи южной области простирались на сѣверъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ настоящее время. Но по мѣрѣ того, какъ въ опредѣленныхъ съ лѣсною областью частяхъ степной полосы почвы и подпочвы, благодаря нѣсколько иному характеру материнскихъ породъ, а можетъ быть, и благодаря большей влажности климата, сравнительно быстро выщелачивались, древесная растительность постепенно надвигалась не степи, лѣсная формація побѣждала степь, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось и направленіе почвообразовательныхъ процессовъ, измѣнялись и почвы. Тамъ, гдѣ лѣсъ сравнительно недавно поселился на участкахъ черноземной степи, мы наблюдаемъ постепенную деградацію чернозема, т. е. измѣненія его физическаго строенія и химическаго состава и убываніе гумуса. Тамъ, гдѣ лѣсъ поселился очень дав-

но, почва успѣла уже конечно, настолько измѣниться, что ничѣмъ не напоминаетъ о черноземѣ, и только характеръ подпочвы даетъ указанія, что здѣсь нѣкогда должны были залегать степи. Процессъ выщелачиванія почвенныхъ солей и надвиганія лѣса на степь наблюдается не только здѣсь, онъ происходитъ почти повсемѣстно въ степной области, но предѣлы, которыхъ онъ достигаетъ, не вездѣ одинаковы, и сѣверная и южная части степной области въ этомъ отношеніи далеко не однородны. Это обстоятельство давно обращало на себя вниманіе русскихъ изслѣдователей, которые обычно и подраздѣляли южную степную область на двѣ полосы: на полосу лѣсо-степи или предстепья и полосу сплошныхъ степей. Такъ какъ главнымъ основаніемъ этого подраздѣленія служитъ различная степень лѣсистости, а она въ свою очередь обусловливается энергіей процесса выщелачиванія, то Танфильевъ и предложилъ принять за границу между этими двумя полосами линію, соединяющую мѣста съ глубиной выщелачиванія почвъ не болѣе 50 сантиметровъ [1]), предполагая, что, какъ общее правило, къ сѣверу отъ этой линіи почвы выщелочены на глубину не менѣе 50 сантиметровъ, къ югу—не болѣе. На картѣ, составленной Танфильевымъ, линія эта, начинаясь у нашей западной границы немного южнѣе Кашинева, идетъ на Чигиринъ, затѣмъ, дѣлая небольшой изгибъ къ сѣверу,—на Полтаву, далѣе-

[1]) Глубина выщелачиванія опредѣляется при посредствѣ реакціи на соляную кислоту; если при дѣйствіи соляной кислоты на образчикъ почвы происходитъ вскипаніе, то почва еще не выщелочена, если вскипанія не происходитъ, то она считается уже выщелоченной.

пересѣкая Харьковскую и Воронежскую губерніи— на Саратовъ, потомъ вверхъ по Волгѣ до Самары, оттуда на востокъ до Бузулука, гдѣ круто поворачиваетъ на сѣверъ, направляясь на Бугурусланъ, Белебеевъ и Стерлитамакъ. При всей условности такого разграниченія полосы предстепья отъ полосы степей, оно имѣетъ за себя очень многое. Въ основу его положенъ дѣйствительно существенный признакъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно отличается опредѣленностью; кромѣ того, очерченная выше граница почти вполнѣ совпадаетъ съ нѣкоторыми важными климатическими линіями (изогіетой лѣта 150 миллиметровъ и изотермой іюля 22°, см. ниже).

Полоса предстепья охватываетъ, такимъ образомъ, всю сѣверную часть степной области отъ западной границы Европейской Россіи до Уральскаго хребта. Въ большей своей части она имѣетъ тотъ же равнинный, слегка волнистый рельефъ, который составляетъ характерную черту всей степной области, но поверхность ея сильно изорвана и изборождена многочисленными оврагами. Послѣдніе своимъ происхожденіемъ тѣсно связаны съ рѣками и рѣчками предстепья, которыя въ толщахъ лесса прорыли себѣ глубокія ложа. Отъ ихъ долинъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ высокихъ правыхъ береговъ и отвѣтвляются овраги, далеко врѣзающіеся въ глубь водораздѣла, дающіе отъ себя многочнсленныя отвѣтвленія и разрастающіяся нерѣдко въ обширныя и сложныя системы взаимно связанныхъ между собою враговъ. Глубоко прорѣзая толщи материнскихъ породъ, овраги сильно дренируютъ (т. е. осушаютъ) почвы и подпочвы предстепья, отвлекая грунтовыя воды и

облегчая стокъ дождевой воды въ рѣки. На сильно размытыхъ и выщелоченныхъ склонахъ овраговъ, такъ же какъ и по долинамъ рѣкъ, находитъ себѣ первый пріютъ лѣсная растительность. По образному выраженію профессора Краснова: „въ балкахъ [1]) и на берегахъ рѣчныхъ долинъ формируетъ свою армію лѣсъ, затѣмъ уже отсюда выползая на ровную и цѣлинную степь и въ буквальномъ смыслѣ надвигаясь на нее и пуская на нее свои отпрыски".

Какъ степень лѣсистости, такъ и другіе физико-географическіе признаки въ различныхъ частяхъ предстепья представляютъ не мало разнообразія и дѣлаютъ необходимымъ подраздѣленіе этой полосы на нѣсколько округовъ. Общія всѣмъ этимъ округамъ черты заключаются въ повсемѣстномъ преобладаніи черноземныхъ почвъ надъ всѣми другими, въ перемежаемости лѣса и степи, въ выщелачиваніи почвъ и подпочвъ на глубину не менѣе 50 сантиметровъ, въ колебаніяхъ годового количества осадковъ между 400—500 миллиметрами, а лѣтняго—между 150—200 миллиметрами и въ средній температурѣ іюля 20^0—22^0. Различія наблюдаются главнымъ образомъ въ строеніи материнскихъ породъ, въ степени лѣсистости, въ средней годовой температурѣ и средней температурѣ зимнихъ мѣсяцевъ, отчасти также въ устройствѣ поверхности. Въ качествѣ особаго подраздѣленія южной степной области выдѣляется иногда (Танфильевъ) полоса доисторическихъ степей, составляющая сѣверную окраину этой области. Выдѣляется она, главнымъ образомъ, на томъ основаніи

---

[1]) Т. е. оврагахъ.

что отличается своей высокой лѣсистостью и господствомъ нечерноземныхъ лессовыхъ почвъ (сѣрыя лѣсныя земли, дерновые и слабоподзолистые суглинки на лессѣ, деградированные черноземы). Однако, въ виду того, что полоса этихъ почвъ не широка, предрывиста и по совокупности остальныхъ физико-географическихъ признаковъ (материнскія породы, рельефъ, климатъ) отъ смежныхъ частей предстепья ничѣмъ существенно не отличается, правильнѣе было бы присоединить ее къ послѣднему. Болѣе значенія имѣетъ подраздѣленіе предстепья на округа въ широтномъ направленіи [1]).

Прежде всего долженъ быть выдѣленъ *юго-западный округъ*, охватывающій ту часть предстепья, которая заключена между нашей западной границей и теченіемъ Днѣпра. Въ его составъ входитъ, такимъ образомъ, Авратынская возвышенность и верхнія части бассейновъ Днѣпра и Буга. Рельефъ округа довольно холмистый, особенно съ западной его части. Господствующій въ составѣ почвеннаго покрова средній суглинистый черноземъ, довольно часто перемежается съ сѣрыми лѣсными или дерновыми суглинками, что вполнѣ согласуется съ довольно высокой лѣсистостью района. Въ составѣ лѣсной растительности, какъ и повсемѣстно въ полосѣ предстепья, господствуютъ лиственныя породы (сосновые лѣса встрѣчаются лишь спорадически на прирѣчныхъ пескахъ), главнымъ образомъ дубъ. кленъ, ясень, липа и другія; характерно присутствіе нѣкоторыхъ

[1]) Это дѣленіе также предложено Тафильевымъ и дополнено А. А. Крубероиъ.

западно-европейскихъ широколиственныхъ формъ (бука, граба). Климатъ округа болѣе теплый, чѣмъ другихъ частей предстепья. и довольно влажный. Средняя температура года 8°—9°. января 4°—6°; годовое количество осадковъ нерѣдко выше 500 миллиметровъ.

Пространство на востокъ отъ Днѣпра и до теченія Суры составляетъ второй округъ предстепья, который мы назовемъ *средне-чернозем*ными [1]). Онъ охватываетъ южную часть средне-русской возвышенности и окаймляющія ее съ востока и запада Окско-Донскую и Днѣпровскую низменности. Это наименѣе лѣсистая часть предстепья. Повидимому нѣкогда лѣса занимали здѣсь (особенно близъ сѣверной окраины) гораздо болѣе обширныя площади, но благодаря высокой плотности населенія лѣса истреблены и округъ сильно распаханъ. Почвенный покровъ слагается преимущественно изъ средняго суглинистаго чернозема, который по длинамъ рѣкъ уступаетъ мѣсто супесчаному черноземy, а въ восточной половинѣ округа переходитъ нерѣдко въ тучный черноземъ. По всей сѣверной окраинѣ тянется довольно широкая полоса сѣрыхъ лѣсныхъ суглинковъ. Средняя температура года 5°—8°, температура января 6°—13°, температура іюля 20°—22°. Годовое количество осадковъ большею частью больше 500 миллиметровъ, лѣтнее—150—200 миллиметровъ. Пространство между теченіемъ Суры и Волги обладаетъ такими существенными физико-географическими особенностями,

---

[1]) А. А. Круберъ, у котораго я заимствую это подраздѣленіе, называетъ его средне-земледѣльческимъ, но мнѣ представляется болѣе правильнымъ не вносить въ названія физико-географическихъ районовъ терминовъ экономическихъ.

что съ полнымъ правомъ эта часть предстепья можетъ быть выдѣлена въ особый округъ—*Волжско-Сурскій* Онъ расположенъ на Приволожской возвышенности и обладаетъ значительно болѣе сложнымъ рельефомъ чѣмъ два предыдущіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находится внѣ предѣловъ распространенія скандинаво-русскаго ледника и въ качествѣ материнскихъ породъ наряду съ ледниковыми отложеніями здѣсь выступаютъ нерѣдко болѣе древнія образованія третичной эпохи. Въ связи съ этимъ и почвенный покровъ отличается своимъ равнообразіемъ. Наряду съ суглинистымъ и супесчаннымъ черноземомъ здѣсь широко развиты пески и дерновоподзолистыя супески. Своей лѣсистосью Волжско-Сурскій округъ превосходитъ всѣ остальныя части предстепья, при чемъ кромѣ лиственныхъ лѣсовъ здѣсь встрѣчаются обширные сосновые лѣса на третичныхъ пескахъ. Такимъ образомъ, степной характеръ мѣстности здѣсь нарушается больше, чѣмъ гдѣ-либо. Климатъ округа уже гораздо болѣе континентальный; средняя температура года 4—5° температура января 13°, температура іюля 20—22°. Количество осадковъ нѣсколько меньше, чѣмъ въ западныхъ частяхъ предстепья и большею частью колеблется въ предѣлахъ 400—500 мм.

Крайне восточное звено полосы Предстепья составляетъ *Заволожскій округъ*, ограниченный на западѣ теченіемъ Волги, на сѣверѣ—Камы, на востокѣ—Бѣлой и на югѣ теченіемъ Самары. Отроги южнаго Урала дѣлаютъ поверхность округа довольно холмистой. По размѣрамъ лѣсистости Заволжье уступаетъ Волжско-Сурскому округу Предстепья, но превосходитъ оба западныхъ окру-

га; особенно лѣсиста его сѣверная окраина. Почвенный покровъ довольно пестрый и слагается изъ перемежающихся между собой сѣрыхъ лѣсныхъ суглинковъ, среднихъ суглинистыхъ черноземовъ, и тучныхъ черноземовъ, которые пользуются здѣсь широкимъ распространеніемъ. Долина Волги окаймлена широкой полосой супесчанныхъ черноземовъ и дерновоподзолистыхъ супесей. Климатъ округа болѣе континентальный и нѣсколько болѣе холодный и сухой, чѣмъ въ другихъ частяхъ предстепья. Средняя температура года 3—4°, температура января 14—16°, іюля 20—21°. Годовое количество осадковъ около 400 мм.; близъ сѣверо-восточной окраины немного болѣе, а въ остальной части менѣе 400 мм.

Полоса *сплошныхъ степей* охватываетъ почти всю южную окраину восточно-европейской низменности. Начинаясь у нашей западной границы не широкою полосою въ 150—200 в., она простирается на востокъ, постепенно расширяясь до Ергеней и теченія Волги (выше Царицына), гдѣ ширина ея достигаетъ 600 верстъ, и перебрасывается затѣмъ выше Саратова на лѣвый берегъ Волги. Здѣсь она тянется не широкой полосой (не болѣе 150 верстъ), не спускаясь южнѣе Общаго Сырта, огибаетъ южные отроги Уральскаго хребта и далѣе простирается вдоль его восточныхъ склоновъ на сѣверо-востокъ, сливаясь здѣсь со степной полосой западно-сибирской низменности. Рельефъ степной полосы однообразно-равнинный, не нарушаемый ни сколько-нибудь значительными всхолмленіями [1]) ни тѣмъ широкимъ развитіемъ овраговъ, которое

[1]) За немногими исключеніями, вродѣ Донецкаго края.

наблюдается въ полосѣ Предстепья. Въ качествѣ материнской породы преобладаетъ лессъ, но мѣстами его смѣняютъ продукты вывѣтриванія и болѣе древнихъ коренныхъ породъ. Климатъ степной полосы теплый; въ большей ея части, къ западу отъ Волги, средняя температура года составляетъ 7—10°, температура іюля—22—24°, средняя температура января различна и сильно понижается съ запада на востокъ, но только къ сѣверо-востоку отъ Дона она падаетъ ниже—10°, на западъ отъ Днѣпра она составляетъ—2°—5°, а на Таврическомъ полуостровѣ поднимается до 0°. На востокъ отъ Волги климатъ степной полосы становится значительно континентальнѣе и суровѣе; средняя температура года здѣсь 3°—4°, температура іюля 20°—22°, температура января ниже—14°. Годовое количество осадковъ въ степной полосѣ почти вездѣ меньше 400 мм., а лѣтнее почти нигдѣ [1]) не превышаетъ 150 мм., а мѣстами [2]) падаетъ ниже 100 мм. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти осадки распредѣляются по времени весьма не равномѣрно: нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дождей и въ большинствѣ случаевъ они выпадаютъ въ формѣ кратковременныхъ, но сильныхъ ливней. Дождевыя воды при этомъ образуютъ мощные потоки, размывающіе поля и заносящіе ихъ иломъ, но слабо увлажняющіе почвы. Влажность почвы поэтому здѣсь сильно колеблется и нерѣдко падаетъ до того минимума, при которомъ наступаетъ уже засуха. Характерную черту климата полосы

---

[1]) За исключеніемъ смежныхъ частей Полтавской, Екатеринославской и Харьковской губ.

[2]) На востокѣ, по среднему теченію Дона и по Волгѣ.

сплошныхъ степей составляетъ постоянное господство восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Лѣтомъ эти сухіе и знойные вѣтры—„суховѣи“ являются нерѣдко для обитателей степи настоящимъ бѣдствіемъ; они вызываютъ засуху и губятъ посѣвы, распыляютъ почву и несутъ съ собой на огромныя разстоянія тучи черноземной пыли; бываютъ случаи, когда сильные вихри выдуваютъ изъ земли не давшіе еще ростковъ сѣмена или заносятъ поля мощнымъ слоемъ черноземной пыли.

Лѣсная растительность въ полосѣ сплошныхъ степей почти совершенно отсутствуетъ; лѣса встрѣчаются здѣсь только спорадически. Однако, и дѣвственная ковыльная степь, которая нѣкогда была здѣсь господствующей растительной формаціей, сохранилась лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, такъ какъ въ настоящее время степная полоса сильно распахана. Почвенный покровъ ея преимущественно черноземный. Преобладаетъ средній суглинистый черноземъ, но на южной окраинѣ полосы повсемѣстно его смѣняетъ сначала шоколадный черноземъ, а затѣмъ каштановые суглинки. И та, и другая почва характерны для сухихъ степей, которыя благодаря засушливости климата (а иногда также и благодаря свойствамъ материнскихъ породъ) обладаетъ сравнительно скуднымъ растительнымъ покровомъ. Растительность этихъ степей въ серединѣ лѣта обычно сильно выгораетъ, что, конечно, неблагопріятно отражается на накопленіи перегноя. Особенно значительно понижается количество перегноя (по сравненію съ типичными черноземами) въ каштановыхъ почвахъ. Въ общемъ, по своему составу почвы эти довольно богатыя, но сравнительно слабо разложенныя, мало вывѣтрѣ-

лыя. При достаточномъ количествѣ осадковъ или при искусственномъ орошеніи они могутъ быть, однако, довольно плодородными. Такимъ образомъ, южная окраина полосы сполошныхъ степей обладаетъ довольно существенными физико-географическими особенностями, которыя могутъ служить основаніемъ для выдѣленія изъ нея особаго круга сухихъ степей. Эти физико-географическія особенности являются результатомъ постепеннаго нарастанія признаковъ жаркаго и засушливаго континентальнаго климата и представляютъ собой какъ бы переходъ къ области пустыни. На крайнемъ юго-востокѣ Европейской Россіи къ климатическимъ особенностямъ присоединяются еще и особенности материнскихъ породъ и заставляютъ насъ выдѣлить эту часть восточно-европейской низменности въ особую физико-географическую область Арало-Каспійскую.

Арало-Каспійская область охватываетъ все сѣверо-восточное побережье Каспійскаго моря и простирается на западъ до Ергеней и теченія Волги, а на сѣверъ до южныхъ склоновъ Общаго Сырта. По своему геологическому возрасту это наиболѣе молодая часть суши въ Европейской Россіи. Еще въ послѣ-третичную эпоху она представляла собой дно обширнаго морского бассейна, который охватывалъ не только этотъ юго-восточный уголъ Европейской Россіи, но и весь современный Туркестанъ. Поэтому и материнскія породы, одѣвающія ея поверхность, представляютъ собой осадки морского дна, состоящіе изъ соленосныхъ глинъ, изобилующихъ раковинами морскихъ моллюсковъ, или изъ песковъ. Климатъ области жаркій и сухой. Средняя температура года 7^0—10^0, температура января

—6°—13°, іюля,. 24°. Годовое количество осадковъ 200—300 мм., а въ южной части менѣе 200 мм.; количество лѣтнихъ осадковъ большею частью 50—100 мм., нерѣдко и менѣе 50 мм. Поверхность Арало-Каспійской низменности представляетъ собой плоскую равнинную степь, одѣтую скудной типчаковой, полынной и другой свойственной сухимъ степямъ растительностью, усѣянную многочисленными солонцами. Растительность оживаетъ главнымъ образомъ весной и осенью; лѣтомъ она сильно выгораетъ и превращается въ сухія былинки, развѣваемыя вѣтромъ. Поэтому и почвы этихъ сухихъ степей особенно бѣдны перегноемъ. За исключеніемъ сѣверной окраины, гдѣ встрѣчаются каштановыя почвы, повсемѣстно господствуютъ свѣтлобурые суглинки и супеси, перемежающіеся мѣстами съ сыпучими песками, образующими нерѣдко подвижные песчаные холмы— „барханы“, и „сорами“, т. е. углубленіями, заполненными жидкимъ, черноватымъ иломъ, сильно пропитаннымъ солью. За исключеніемъ Волги область лишена сколько-нибудь значительныхъ постоянныхъ текучихъ водъ, но богата соляными озерами.

Населеніе.

Подробное демографическое описаніе Европейской Россіи не входитъ въ мою задачу. Я долженъ буду остановиться лишь на тѣхъ явленіяхъ, которыя имѣютъ наиболѣе существенное значеніе для пониманія особенностей нашей народо-хозяйственной жизни, прежде всего на процессѣ разселенія русскаго народа, на процессѣ постепенной колонизаціи восточно-европейской низменности. Въ IX—XIII в.в. славянская колонизація, исходнымъ пунктомъ которой была Новгородская область, направлялась преимущественно на сѣверо-востокъ въ бассейны Онѣги, Сѣверной Двины и Печоры. Далѣе на востокъ: въ бассейнъ Камы и Вятки, въ Приуралье новгородцы проникаютъ позднѣе. Въ концѣ этого періода (въ XII—XIII в.в.) населеніе Кіевской Руси подъ напоромъ кочевниковъ окончательно покидаетъ предѣлы степной области и колонизуетъ лѣсистыя пространства между Окой и верхнимъ теченіемъ Волги.

„Древняя исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны", говоритъ русскій историкъ [1]). Повсюду стучалъ топоръ въ черныхъ дикихъ лѣ-

---

[1]) См. Соколовскій. „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юга—восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ", 161.

сахъ, шла повсемѣстная расчистка и распашка лѣсовъ. Повсюду ставились дворы и починки, разраставшіеся въ деревни, сельца, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ отыскивались оазисы плодородной земли, чистился и выжигался лѣсъ и заводилось хлѣбопашество. Эта великая колонизаціонная работа, охватывавшая все обширное пространство восточно-европейской низменности и продолжавшаяся тысячилѣтія, не оконченная даже и въ настоящее время, составляютъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ въ исторіи грандіозной борьбы человѣка съ природой. И этотъ подвигъ совершенъ исключительно силами русскаго земледѣльца... Это была; по крайней мѣрѣ въ историческое время, исключительно земледѣльческая колонизація... Въ источникахъ XII—XVI в.в. нигдѣ мы не находимъ данныхъ, которыя бы доказывали, что русскіе колонизовали ту или другую мѣстность сѣверо-восточной низменности, находясь на степени звѣроловческой или калой-либо иной ступени культуры, кромѣ земледѣльческой". Такими чертами рисуетъ намъ историкъ первый періодъ славянской колонизаціи восточно-европейской равнины, тотъ періодъ, когда русскій народъ все еще оставался въ предѣлахъ лѣсной области, въ которой его заставляли замкнуться бурныя событія восточно-европейской исторіи X—XIV в.в. Однако, съ теченіемъ времени населенія изъ предѣловъ лѣсной области начинаетъ мало-по-малу предвигаться на югъ, колонизуя сѣверную окраину степной полосы. Въ XV в. русскія поселенія распространились уже до предѣловъ современной Орловской губерніи, но новые татарскіе набѣги заставили населеніе отхлынуть снова

назадъ. Однако, это былъ уже одинъ изъ послѣднихъ моментовъ той борьбы, которая происходила на южной окраинѣ русскаго государства между осѣдлой и кочевой культурой.

Вплоть до XVI в., такимъ образомъ, вся южная область современной Европейской Россіи представляла собой безлюдную степь—„дикое поле". Только съ начала XVI столѣтія, т. е. 400 лѣтъ тому назадъ, начинается постепенное и медленное, но уже непрерывное заселеніе черноземной области. По мѣрѣ того, какъ русскія поселенія продвигаются вглубь степей, вслѣдъ за ними возникаютъ одна за другой цѣлый рядъ укрѣпленныхъ линій, прикрывающихъ съ юга и востока вновь колонизуемыя области. Такъ, въ серединѣ XVI в. возникаетъ „Тульская" линія, идущая съ Путивля черезъ Брянскъ, Тулу и Ряжскъ на Шацкъ (сѣверная часть Тамбовской губ.) и образующая собой южную границу осѣдлаго населенія этого періода. Во второй половинѣ XVI в. и первой половинѣ XVII в. происходитъ постепенное заселеніе южныхъ частей современныхъ Тульской и Рязанской губ., большей части Орловской и Курской и сѣверныхъ частей Воронежской, Тамбовской и Пензинской губ. (т. е. большей части средне-черноземнаго округа). Въ то же время покореніе Казани открываетъ для русской колонизаціи среднее Поволжье, Камскій край и Приуралье, но колонизація Нижняго Поволжья (южнѣе Симбирска) и всей юго-восточной части степной полосы происходитъ весьма туго, несмотря на паденіе Астраханскаго царства и на то, что южные предѣлы государства достигаютъ къ этому времени низовьевъ Дона, Терека и Каспійскаго моря. Въ серединѣ XVII в. южная грани-

ца осѣдлаго населенія намѣчается обширною линіею укрѣпленій протянувшеюся отъ Ахтырки (сѣверная часть Харьковской губ.) черезъ Бѣлгородъ, Коротякъ, Тамбовъ и Симбирскъ на Манзелинскъ (западная часть Уфимской губ.). Во второй половинѣ XVII в. широко развивается малороссійская колонизація современныхъ Полтавской, Харьковской и южной части Воронежской губерній; великорусская же колонизація направляется главнымъ образомъ на востокъ, въ сѣверную часть бассейна Дона съ его притоками [1]) и въ Поволжье. Однако, здѣсь колонизаціонный процессъ идетъ крайне медленно; сравнительно малоблагопріятныя физико-географическія условія (сухой климатъ, безводье) и разбои степныхъ кочевниковъ (башкиръ, калмыкъ, киргизъ) удерживаютъ населеніе долгое время отъ дальнѣйшаго движенія на юго-востокъ. Вплоть до конца XVIII столѣтія осѣдлое населеніе почти не продвигалось на востокъ отъ Волги южнѣе теченія р. Иргиза, хотя здѣсь по теченію р. Урала и на востокъ отъ его поверхность, начиная со второй четверти XVIII в., обширная оборонительная линія съ многочисленными крѣпосцами и укрѣпленіями. Что касается западной части степной полосы, то здѣсь только къ концу XVIII в. Россія расширяетъ свои предѣлы до береговъ Чернаго и Азовскаго морей (пріобрѣтенія Азова, Кинбурна, Крымскаго полуострова), а вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и возможность колонизаціи этой окраины.

---

[1]) Нижнее теченіе Дона было колонизовано значительно ранѣе, уже къ концу XVI стол. Здѣсь образовалось довольно многочисленное казачье населеніе, которое довольно долго сохраняло свою независимость отъ Московскаго государства.

Такимъ образомъ, заселеніе большей части полосы сплошныхъ степей (къ востоку отъ низовьевъ Днѣпра) и всей Арало-Каспійской области происходитъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Къ этому времени колонизаціонныя силы русскаго народа оказываются уже почти совершенно исчерпанными. Заселеніе Новороссійскихъ степей идетъ такъ туго и встрѣчаетъ такія препятствія, въ недостаткѣ, что правительство, стремяющееся форсировать колонизацію этой окраины, равно какъ и нижняго Повольжья оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ искуственному привлеченію иностранныхъ колонистовъ. При помощи разнаго рода льготъ сюда привлекаются сначала южные славяне: сербы болгары, затѣмъ нѣмцы (преимущественно сектанты) и др.

Однако, этотъ колонизаціонный процессъ, который окрашиваетъ собой всю предшествующую исторію русскаго народа, который является существеннымъ элементомъ его историческаго развитія, не прекратился окончательно. Колонизаціонная волна въ XVIII в. и началѣ XIX в., въ значительной мѣрѣ, вѣроятно, благодаря слабому приросту населенія (см. ниже) временно упала, но вновь со стихійною силою поднялась во второй половинѣ XIX в., послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. И въ наши дни мы являемся еще свидѣтелями огромнаго переселенческаго движенія на востокъ за предѣлы Европейской Россіи [1]).

Постепенный ростъ русскаго государства нашелъ себѣ выраженіе, однако, не только въ колонизаціи

[1]) Таковы присоединенныя послѣ конца XVII в. вся лежащая къ западу отъ Днѣпра часть Европейской Россіи, Польша, Финляндія, Кавказъ и нѣкоторыя части Туркестана.

слабо населенныхъ пространствъ, но и въ присоединеніи областей, имѣвшихъ уже болѣе или менѣе высокую плотность населенія.

Въ общемъ ростъ населенія Россіи происходилъ слѣдующимъ образомъ [1]).

	Численность населенія въ милл. челов.		
	Областей, входившихъ въ составъ Россіи при Петрѣ I.	Областей присоединенныхъ послѣ Петра I.	Всего.
Около 1725 г.	13,0	—	13
„ 1762 „	19,0	—	19
„ 1796 „	29,0	7,0	36
„ 1815 „	30,5	14,5	45
„ 1852 „	39,0	28,0	67
„ 1897 „	65,0	64,0	129

Такимъ образомъ, за весь этотъ почти 175-лѣтній періодъ населеніе Россіи увеличилось почти въ 10 разъ, а за 100 лѣтъ съ 1796 г. по 1897 г.—болѣе, чѣмъ въ 3,5 разъ, болѣе, чѣмъ на 90 милл. человѣкъ [2]). Но изъ этихъ 93 милл. чел. 57 милл. приходится на долю прироста областей присоединенныхъ послѣ Петра I, и лишь 36 милл.—на долю прироста Петровскихъ областей, населеніе которыхъ увеличилось за 100 лѣтъ въ 2,25 раза. Этотъ сравнительно медленный ростъ населенія старыхъ

---

[1]) См. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры".

[2]) Этотъ приростъ гораздо меньше прироста населенія Соединенныхъ Штатовъ, которое за 100 лѣтъ увеличилось въ 16 разъ. Но все-же, по сравненію съ большею частью западно-европейскихъ государствъ, это приростъ очень крупный.

областей объясняется отчасти временною задержкой естественнаго прироста, а отчасти отливомъ населенія въ позднѣе присоединенныя области.

Въ XVIII и началѣ XIX в. тяжесть крѣпостного строя, не дававшаго простора для развитія производительныхъ силъ населенія, и цѣлый рядъ другихъ неблагопріятныхъ явленій нашей государственной жизни, гнетущимъ образомъ отразились на приростѣ населенія: въ 1722—42 гг., средній ежегодный приростъ населенія составлялъ всего 0,7%, въ 1742—62 г.—0,9%, въ 1815—52 г., онъ былъ ниже 0,8% (современный приростъ населенія Россіи 1,5%). Плотность населенія возростала, такимъ образомъ, весьма медленно: въ 1796 г. въ областяхъ Петровской Россіи приходилось въ среднемъ на кв. версту 2,2 чел., въ 1815 г.—2,3 чел., въ 1852 г.—2,9 чел. [1]). Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости приростъ населенія значительно увеличился: за 45 лѣтъ, протекшіе съ времени девятой ревизіи до первой всеобщей переписи населенія (1851—97 гг.), населеніе Петровской Россіи увеличилось на 67%. Особенно значительный приростъ имѣла въ этомъ періодѣ Сибирь, населеніе которой увеличилось вдвое. Населеніе же Европейскихъ областей возросло только на 55% (т. е. приблизительно въ 1,5 раза).

Болѣе подробное разсмотрѣніе движенія населенія во всей Европейской Россіи показываетъ, что въ различные моменты пореформеннаго періода и въ различныхъ областяхъ приростъ населенія происходилъ весьма неравномѣрно.

---

[1]) Если исключить Сибирь, то на пространствѣ европейскихъ областей средняя плотность населенія достигала всего 10 чел. на кв. версту.

Сопоставленіе свѣдѣній о численности населенія за 1863, 1886 и 1897 гг. даетъ намъ слѣдующіе результаты [1]).

	Приростъ населенія [2]).	
	Съ 1863 по 1886 г.	Съ 1886 по 1897 г.
I. Столичныя губ.	41,0%	17,0%
II. Сѣверная губ.	27,4%	8,5%
III. Западныя губ.	50,3%	15,0%
IV. Центр.-Промышлен. губ.	11,4%	5,8%
V. Средне-Черноозем. губ. .	37,0%	0,5%
VI. Юго Западныя губ. . . .	43,0%	28,0%
VII. Новорос. и Восточ. . . .	34,0%	43,0%
VIII. Предкавказье.	—	44,0%

Такимъ образомъ, какъ показываетъ эта таблица, первый періодъ, обнимающій собою 23 года (1863—86) отличается болѣе или менѣе равномѣр-

---

[1]) Свѣдѣнія эти далеко не однородны; за 1897 г. это данныя переписи населенія, а за 1888 и 1868 г. это полицейскія свѣдѣнія, собранныя и опубликованныя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Послѣднія весьма не точны, конечно, и для точнаго учета движенія населенія не пригодны, но для нащей цѣли, для того, чтобы уловить общій характеръ движенія населенія, они достаточны.

[2]) Въ составъ II группы губерній входятъ: Архангельская, Олонецкая, Новгородская, Вологодская, Пермская и Вятская, въ III—Прибалтійскія, Литовскія, Минская, Могилевская, Витебская и Псковская, въ IV—Калужская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Костромская и Нижегородская; въ V—Полтавская, Черниговская, Орловская, Курская, Харьковская, Воронежская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Казанская, Симбирская и Саратовская; въ VI—Волынская, Подольская и Кіевская; въ VII всѣ остальныя изъ числа 50 губ. Европейской Россіи.

нымъ приростомъ населенія въ различныхъ частяхъ Европейской Россіи; за исключеніемъ центральныхъ, промышленныхъ и западныхъ губерній, во всѣхъ остальныхъ районахъ средній ежегодный приростъ населенія держится въ предѣлахъ отъ 1,2% до 1,9%. Въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ онъ значительно ниже (0,5%), а въ западныхъ (главнымъ образомъ, въ литовскихъ и бѣлорусскихъ) нѣсколько выше (2,2%). Во второмъ періодѣ, охватывающемъ конецъ 80-хъ и большую часть 90-хъ гг., обнаруживаются между отдѣльными областями уже гораздо болѣе глубокія различія. Въ юго-западныхъ, новороссійскихъ и восточныхъ губ. приростъ населенія увеличивается и значительно превосходитъ уровень естественнаго прироста (2,8%—4,3% ежегодно). Быстро растетъ и населеніе Предкавказья—въ среднемъ на 4,4% ежегодно. Но за то во всѣхъ остальныхъ районахъ приростъ населенія ослабѣваетъ. Особенно низко падаетъ онъ въ губерніяхъ сѣверныхъ (около 0,8%), центрально-промышленныхъ (около 0,6%), и среднечерноземныхъ; въ послѣднихъ населеніе за десятилѣтіе 1886—96 гг. почти не увеличивается.

Это сопоставленіе наглядно показываетъ намъ, что процессъ разселенія даже въ предѣлахъ Европейской Россіи продолжается по наше время и отличается довольно высокой интенсивностью. За 30-лѣтіе, предшествовавшее первой всеобщей переписи (1867—97 г.г.), населеніе большей части центральныхъ губерній увеличилось на 20—40%, между тѣмъ какъ губерніи южной и восточной окраины имѣли гораздо болѣе высокій приростъ, далеко превосходящій размѣры естественнаго. Такъ, въ Екатеринославской губ. населеніе увеличилось

на 65 %, въ Уфимской—на 71%, Астраханской—74%, Херсонской—82%, Бессарабской—84%, Оренбургской—91%. Таврической—119%, Донской—155%. Кубанской области—220%. Но населеніе не только расплывалось по окраинамъ Европейской Россіи; широкою волною оно отливало и за ея предѣлы. При отсутствіи правильной и полной статистики переселенческаго движенія мы не можемъ точно учесть размѣры отлива населенія. Но то обстоятельство, что дѣйствительный приростъ населенія въ Европейской Россіи сильно отстаетъ отъ естественнаго, указываетъ, что переселенческое движеніе во внѣ-европейскія области въ пореформенномъ періодѣ приняло весьма обширные размѣры [1]). На то же указываетъ съ другой стороны и быстрый ростъ населенія азіатскихъ губ. и областей. За 30-лѣтіе 1867—97 г.г. населеніе Сибири увеличилось на 72%, въ частности Томской губ.—на 146%; населеніе Туркестана увеличилось на 194%, въ частности Акмолинской области на 200%, а Семипалатинской—228%.

Какъ мы видимъ изъ всего предыдущаго, этотъ процессъ разселенія не представляетъ собой новаго явленія въ жизни русскаго народа; онъ составляетъ лишь непосредственное продолженіе болѣе ранняго колонизаціоннаго движенія, которое красной нитью проходитъ черезъ всю нашу исторію. Благодаря этому постоянному растеканію населенія, плотность его въ старыхъ областяхъ нашего государства растетъ гораздо медленнѣе, нежели

---

[1]) Естественный приростъ населенія (перевѣсъ рожденій надъ смертями) за 10-лѣтіе 1886—96 гг. составлялъ около 15%, а дѣйствительное его увеличеніе всего 10,3%.

плотность населенія окраинъ, безпредѣльный просторъ которыхъ въ теченіе ряда столѣтій поглощаетъ милліоны населенія и все еще далекъ не только отъ насыщенія, но хотя бы отъ той плотности, которую имѣютъ эти старыя области. Если мы опять вернемся къ Петровской Россіи и сравнимъ плотность населенія 200 лѣтъ тому назадъ и теперь (точнѣе въ концѣ XIX в.), то увидимъ, что въ центрѣ населеніе увеличилось не болѣе, чѣмъ въ 1,5 раза, въ западной части Предстепья (между Днѣпромъ и Дономъ) и въ Среднемъ и Нижнемъ Поволжья въ 4—5 разъ, а въ средней части Предстепья (верхняя часть бассейна Дона) и въ юго-восточной части степной полосы, входившей въ составъ Петровской Россіи, въ 10—11 разъ. Въ этомъ размѣщеніи населенія, какъ говоритъ П. Н. Милюковъ, „прекратилось дѣйствіе историческихъ причинъ, оттѣснившихъ русское населеніе на сѣверъ и державшихъ его въ этомъ положеніи въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ. Въ 200—300 лѣтъ результатъ дѣйствія этихъ причинъ, конечно, не могъ вполнѣ изгладиться, и населеніе не успѣло еще разселиться по Россіи сообразно естественнымъ богатствамъ ея различныхъ мѣстностей. Но съ каждымъ годомъ процессъ разрушенія послѣдствій, созданныхъ исторіей, быстро идетъ впередъ. Настоящее все болѣе стремится оторваться отъ прошлаго“...

Невозможно, конечно, измѣрить—насколько плотность населенія соотвѣтствуетъ естественнымъ богатствамъ той или иной области. Степень этого соотвѣтствія—понятіе условное и находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда разнообразныхъ причинъ. Но Милюковъ правъ въ томъ отношеніи, что,

повидимому, многія области даже Европейской Россіи могутъ вмѣстить еще большое количество населенія прежде чѣмъ эксплоатація ихъ естественныхъ богатствъ станетъ интенсивной хотя бы въ такой же мѣрѣ, какъ въ другихъ, давно заселенныхъ, областяхъ. Чтобы въ этомъ убѣдится, достаточно взглянуть на плотность населенія отдѣльныхъ физико-географическихъ областей Европейской Россіи. Такъ, на 1 кв. версту приходится [1]):

Въ полосѣ	тундры	0,3 чел.
„ „	болотъ и тайги	13,5 „
„ „	суходолов. и смѣш. лѣс.	40,8 „
„ „	предстепья западн . . .	59,4 „
„ „	„ вост. [2]) . .	28,8 „
„ „	степной.	24,9 „
„ области	Арало-Каспійской. . . .	5,8 „

Если нельзя ожидать значительнаго прироста населенія въ полосѣ болотъ и тайги, если и можно быть увѣреннымъ, что въ ближайшемъ будущемъ она не сравняется плотностью населенія съ полосой суходоловъ, то нельзя того же сказать о восточномъ Предстепьи и степной полосѣ. Несомнѣнно, что здѣсь и въ недалекомъ будущемъ возможна была бы гораздо болѣе высокая плотность населенія, не исключая, вѣроятно, и западной части степной полосы, гдѣ въ 1897 году плотность населенія уже почти невсемѣстно превыша-

---

[1]) Плотность населенія вычислена по даннымъ переписи 1897 г. при чемъ взяты поуѣздныя свѣдѣнія. Полнаго совпаденія границъ уѣздовъ и физико-географическихъ районовъ, конечно, быть не можетъ.

[2]) На востокъ отъ Суры.

ла 30 человѣкъ на кв. версту. Во всякомъ случаѣ, въ нашей современной намъ общественно-хозяйственной дѣйствительности ничто не указываетъ на близкое прекращеніе колонизаціоннаго движенія. Наоборотъ, переселенческое движеніе за Уралъ въ началѣ XX вѣка достигаетъ давно невиданныхъ размѣровъ.

Конечно, земледѣльческая колонизація степныхъ областей Европейской Россіи не можетъ быть въ настоящее время въ такой же мѣрѣ интенсивной, такъ какъ здѣсь нѣтъ уже того земельнаго простора, какой имѣется еще на болѣе отдаленныхъ окраинахъ. Но все же нельзя считать ее и вполнѣ прекратившеюся. Постепенная ликвидація крупнаго землевладѣнія, дробленіе обширныхъ земельныхъ владѣній и переходъ ихъ въ руки крестьянъ во многихъ мѣстахъ степной области еще поддерживаютъ эту земледѣльческую колонизацію, медленную, безшумную и какъ бы скрытую, не привлекающую къ себѣ вниманіе широтою и интенсивностью движенія.

Описанный выше процессъ земледѣльческой колонизаціи, на протяженіи многихъ вѣковъ проходящій черезъ всю исторію русскаго народа, игралъ, несомнѣнно, огромную роль въ судьбахъ его историческаго развитія. Онъ оказывалъ и посейчасъ оказываетъ еще большое вліяніе на политическій и соціальный строй нашей жизни. Но здѣсь насъ интересуетъ, конечно, только его вліяніе, которое проявлялось въ области общественно-хозяйственныхъ отношеній.

Народо-хозяйственное значеніе этого колонизаціоннаго процесса опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ огромнымъ расширеніемъ поприща сельско-

хозяйственной дѣятельности русскаго народа, которое такимъ путемъ достигалось, и которое, въ свою очередь, оказывало могущественное противодѣйствіе образованію въ странѣ такъ называемаго „избыточнаго земледѣльческаго населенія". При данныхъ физико-географическихъ условіяхъ и при опредѣленномъ уровнѣ развитія производительныхъ силъ, который находитъ себѣ выраженіе въ господствѣ тѣхъ или иныхъ системъ хозяйства, каждая территорія можетъ вмѣстить лишь опредѣленное количество земледѣльческаго населенія. Если плотность населенія переходитъ этотъ предѣлъ и если, по тѣмъ или инымъ причинамъ, при этомъ не происходитъ измѣненіе въ системахъ хозяйства, то образуется избыточное земледѣльческое населеніе, т. е. такое, которое при данныхъ условіяхъ не можетъ найти себѣ мѣста въ сельскохозяйственной дѣятельности. Само собой понятно, что постоянный отливъ населенія изъ какой-либо мѣстности препятствуетъ образованію въ ней избыточнаго земледѣльческаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятствуетъ сохраненію общественно-хозяйственнаго status quo (если только онъ не принимаетъ слишкомъ обширныхъ размѣровъ и не влечетъ за собой обезлюдненія данной мѣстности). Наоборотъ, ростъ избыточнаго населенія является однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ факторовъ, вызывающихъ преобразованіе общественно-хозяйственныхъ отношеній. Путемъ измѣненія системъ земледѣлія или путемъ развитія промышленности и торговли, или еще чаще тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ, населеніе можетъ увеличить емкость обитаемой имъ территоріи. Если же ему не удается удовлетворительно разрѣшить эту за-

дачу, то наступаютъ признаки перенаселенія, признаки болѣе или менѣе острой общественно-хозяйственной депрессіи.

Въ старомъ московскомъ государствѣ наибольшую плотность населенія имѣла центральная область. Въ Московской губерніи петровскаго времени, которая охватывала не только современную Московскую губернію, но также и смежныя части Тверской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской губ., на кв. версту приходилось въ среднемъ около 25 человѣкъ. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ плотность населенія была не выше 7 человѣкъ на кв. версту. Уже и въ то время населеніе центральной области не могло существовать однимъ земледѣліемъ; оно въ широкихъ размѣрахъ прибѣгало къ различнаго рода внѣ земледѣльческимъ промысламъ и снабжало другія области государства не только своими издѣліями, но и довольно многочисленными отхожими промышленниками. Съ тѣхъ поръ, т. е. за два столѣтія, плотность населенія въ этой центральной области увеличилась не особенно значительно. Въ большей части уѣздовъ, входящихъ въ составъ этой территоріи, приходилось въ 1897 г. на кв. версту 30—50 чел. и лишь въ очень немногихъ плотность населенія была выше этого уровня. Но за то, какъ мы уже видѣли, плотность населенія сильно увеличилась въ другихъ, главнымъ образомъ, южныхъ областяхъ страны, гдѣ она въ настоящее время въ очень многихъ уѣздахъ или сравнялась съ плотностью населенія центральной области, или иногда даже превосходитъ ее. Болѣе благопріятныя физико-географическія условія допускаютъ здѣсь и болѣе высокую плотность

земледѣльческаго населенія. Однако, и здѣсь во многихъ мѣстахъ предѣлъ емкости территоріи, отвѣчающій современнымъ общественно-хозяйственнымъ условіямъ, какъ мы выше видѣли, уже достигнутъ, и отсюда въ концѣ XIX в. происходитъ отливъ населенія въ отдаленныя и слабо населенныя области страны. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы ни въ одной изъ областей нашей страны не наблюдалось признаковъ земледѣльческаго перенаселенія и чтобы совсѣмъ не происходило перемѣщенія нѣкоторой части производительныхъ силъ въ промышленность и торговлю, но само собой очевидно, что описанный выше процессъ земледѣльческой колонизаціи замедляетъ прогрессивное развитіе общественнаго раздѣленія труда, ослабляетъ процессъ общественно-хозяйственной дифференціаціи и удерживаетъ русскій народъ на стадіи экстенсивной земледѣльческой культуры. Результатъ этого процесса мы видимъ и въ существующемъ распредѣленіи населенія Россіи по занятіямъ.

По даннымъ переписи 1897 г. самодѣятельное населеніе Россіи распредѣлялось по занятіямъ слѣдующимъ образомъ:

Въ земледѣліи, скотоводствѣ, охотѣ и рыболовствѣ	18,245	тыс. ч.
„ горной и обрабатывающей промышленности	5,170	„ „
„ транспортѣ и торговлѣ	2,346	„ „
Поденщики и чернорабочіе	1,120	„ „
Прочіе [1]).	6,320	„ „

[1]) Сюда входитъ главнымъ образомъ населеніе, не принимающее участія въ хозяйственной дѣятельности: администрація, войско,

Уже при первомъ взглядѣ на эти данныя бросается въ глаза подавляющее преобладаніе сельско-хозяйственнаго населенія надъ прочими категоріями. Однако, наша перепись даетъ далеко не точное представленіе о занятіяхъ населенія, благодаря тому, что учетъ самодѣятельнаго населенія былъ весьма не полный. Признакомъ самодѣятельности въ экономическомъ смыслѣ является активное участіе въ хозяйственной дѣятельности, но при обработкѣ данныхъ нашей переписи въ составь самодѣятельнаго или „самостоятельнаго“ населенія включался только глава семьи, а не всѣ ея рабочіе члены[1]), и этотъ пріемъ долженъ былъ повести къ особенно сильному пріуменьшенію численности сельскаго самодѣятельнаго населенія. Здѣсь этому содѣйствовала однородность хозяйственной дѣятельности всѣхъ членовъ семьи, въ то время какъ профессіональная дифференцированность городского населенія дѣйствовала въ противоположномъ направленіи.

Исправить этотъ недостатокъ матеріаловъ нашей первой переписи населенія не представляется въ настоящее время никакой возможности. Мы можемъ только косвеннымъ путемъ приблизительно учесть размѣры возможной въ данномъ случаѣ ошибки. Мы не впадемъ въ большое преувеличеніе, если предположимъ, что вся та часть несамостоятельнаго населенія, живущаго сельскимъ хо-

---

флотъ, свободныя профессіи, пенсіонеры и рантье, а также прислуга и всѣ не указавшіе занятія.

[1]) Весьма возможно, что предпочтеніе, оказанное термину „самостоятельный“, и послужило причиной этой путаницы.

зяйствомъ, которая находится въ рабочемъ или полурабочемъ возрастѣ, принимаетъ активное участіе въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. При этомъ мы можемъ основываться на томъ вполнѣ вѣроятномъ предположеніи, что тѣ члены земледѣльческой семьи, которые посвящаютъ свой трудъ исключительно или главнымъ образомъ промышленности, торговлѣ и другимъ неземледѣльческимъ занятіямъ, не вошли при обработкѣ данныхъ переписи въ число несамостоятельныхъ членовъ семьи, получающихъ средства къ жизни отъ сельскаго хозяйства, а всего вѣроятнѣе, фигурируютъ въ составѣ самостоятельнаго населенія другихъ профессій. Съ другой стороны, трудно предположить, чтобы несамостоятельные, но работоспособные члены земледѣльческой семьи, но занятые въ промышленности или какихъ-либо другихъ неземледѣльческихъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности, не принимали бы активнаго участія и въ сельскомъ хозяйствѣ. Исходя изъ этихъ предположеній, мы можемъ причислить къ составу самодѣятельнаго сельско-хозяйственнаго населенія все взрослое (т. е. находящееся въ рабочемъ или полурабочемъ возрастѣ) мужское населеніе, живущее сельскимъ хозяйствомъ. Мы имѣли бы много основаній причислить сюда и все взрослое женское населеніе этой группы, но, если мы даже ограничимся только той его частью, которая живетъ наемнымъ трудомъ въ области сельскаго хозяйства и хозяйственная самодѣятельность которой не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію, то и тогда получимъ слѣдующій результатъ, далеко превосходящій данныя переписи:

Рабочее (17—59 л.) мужское населеніе, живущее сельск. хозяйств.	22	милл. чел.
Полурабочее (15—16 и 59 л.) мужское населеніе, живущее сельскимъ хозяйствомъ	4	„ „
Рабочее женское населеніе, живущее наемнымъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ	0,75	„ „
	26,75	„ „

Такимъ образомъ, по этому приблизительному подсчету численность самодѣятельнаго сельско-хозяйственнаго населенія на 8,5 милл. человѣкъ, или на 47% превосходитъ данныя переписи. То обстоятельство, что мы почти совсѣмъ не принимали въ расчетъ женское населеніе, даетъ намъ основаніе думать, что въ дѣйствительности самодѣятельное сельско-хозяйственное населеніе еще многочисленнѣе. Но, какъ выше уже сказано, учесть его болѣе или менѣе точно мы теперь уже не можемъ и должны только имѣть въ виду, что итоги первой переписи пріуменьшаютъ его въ очень сильной степени (не менѣе чѣмъ въ 1,5 раза). Тѣмъ не менѣе и эти данныя при сопоставленіи съ данными западно-европейскихъ переписей обнаруживаютъ весьма характерное отличіе нашего общественно-хозяйственнаго строя отъ такового въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ. Преобладаніе сельско-хозяйственнаго населенія надъ другими профессіональными группами наблюдается и въ цѣломъ рядѣ другихъ странъ (Австрія, Италія, Франція, и др.), но нигдѣ, кромѣ Венгеріи, это преобладаніе не выражено такъ рѣзко, какъ въ Россіи. Если мы возьмемъ только ту

часть населенія, которая принимаетъ непосредственное участіе въ хозяйственной дѣятельности („производительное“ въ узкомъ смыслѣ этого слова), то распредѣленіе его по профессіональнымъ группамъ въ различныхъ странахъ будетъ слѣдующее:

	% НАСЕЛЕНІЯ ЗАНЯТАГО ВЪ:		
	Сельскомъ хозяйствѣ.	Горной и об-раб. промыш.	Торговлѣ и транспортѣ.
Соедин. Корол. . .	15,5	69,5	15,0
Германія	41,4	45,3	13,8
Франція	50,6	48,4	11,0
Соедин. Штаты. . .	47,1	31,6	21,4
Австрія	66,3	25,4	8,3
Италія	65,1	26,8	8,1
Венгерія	79,7	15,6	4,7
Россія	78,1	15,1	6,8

Такимъ образомъ, даже при очень неполномъ учетѣ сельско-хозяйственнаго населенія оказывается, что въ Россіи ему принадлежитъ такое подавляющее преобладаніе, какого мы не находимъ почти ни въ одной изъ другихъ культурныхъ странъ [1]), это преобладаніе настолько сильно, что невольно рождается сомнѣніе: можетъ ли въ дѣйствительности быть таковымъ распредѣленіи *производительныхъ силъ* населенія, такъ какъ трудно допустить, чтобы въ этомъ видѣ оно соотвѣтствовало потребностямъ населенія въ продуктахъ сель-

[1]) Изъ этого правила не составляютъ исключенія и тѣ страны, которыя отсутствуютъ въ вышеприведенной таблицѣ, какъ напр. Бельгія, Голландія, Швеція Норвегія, Данія.

скаго хозяйства съ одной стороны и въ продуктахъ другихъ отраслей хозяйственной дѣятельности съ другой. Но само собой понятно, что никакая, даже самая совершенная, перепись населенія и не можетъ дать намъ точнаго представленія о дѣйствительномъ распредѣленіи *производительныхъ силъ* населенія между различными отраслями хозяйственной дѣятельности [1]), такъ какъ одно и то же лицо нерѣдко соединяетъ въ себѣ различныя профессіи. Въ особенности это относится къ сельско-хозяйственному населенію, которое не малую долю своихъ производительныхъ силъ затрачиваетъ на различнаго рода неземледѣльческія работы и въ своемъ и въ чужомъ хозяйствѣ. Тамъ, гдѣ сохранились домашніе промыслы, гдѣ населеніе большую часть своихъ потребностей въ устройствѣ жилища, одеждѣ, хозяйственномъ инвентарѣ и различнаго рода утвари удовлетворяетъ своимъ домашнимъ трудомъ, тамъ учесть распредѣленіе производительныхъ силъ между добывающей и обрабатывающей промышленностью невозможно даже приблизительно. Въ такихъ случаяхъ рѣзкое преобладаніе сельско-хозяйственнаго населенія знаменуетъ собой не только преобладаніе земледѣльческихъ занятій, но также и слабое развитіе общественнаго раздѣленія труда; оно указываетъ на то, что болѣе или менѣе значительная часть населенія, имѣющая своимъ главнымъ занятіемъ земледѣліе, соединяетъ съ нимъ и другія отрасли хозяйственной дѣятельности. Этотъ апріорный выводъ въ большой мѣрѣ приложимъ и къ русской обще-

---

[1]) Она даетъ только распредѣленіе людей по ихъ главнымъ или наиболѣе для нихъ характернымъ занятіямъ.

ственно-хозяйственной дѣйствительности. Данныя переписи населенія показываютъ, что значительная часть сельско-хозяйственнаго населенія наряду съ земледѣліемъ, скотоводствомъ, лѣсоводствомъ и другими тому подобными отраслями занимается также и промысловой дѣятельностью въ области обрабатывающей промышленности, торговли и транспорта. Несмотря на очевидную неполноту регистраціи побочныхъ занятій, населеніе, имѣющее какіе-либо вспомогательные заработки, по даннымъ переписи 1897 г. составляетъ по отношенію ко всему самодѣятельному сельско-хозяйственному населенію—18,6%, а если взять только населеніе съ неземледѣльческими побочными занятіями — 12,7%. Если мы все это населеніе, занятое различными отраслями обрабатывающей промышленности, торговли и транспорта, какъ побочнымъ промысломъ, присоединимъ къ чисто промышленному и торговому населенію, то общій его итогъ увеличится немного менѣе, чѣмъ въ полтора раза, а для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей даже болѣе. Такимъ образомъ, въ обрабатывающей промышленности, торговлѣ и транспортѣ наряду съ населеніемъ, хозяйственная дѣятельность котораго вполнѣ обособилась отъ земледѣлія, видное участіе принимаетъ также и земледѣльческое населеніе. Всего менѣе замѣтно его участіе въ торговлѣ: въ общей массѣ торговаго населенія, лица, занимающіяся торговлей какъ подсобнымъ къ сельскому хозяйству промысломъ, составляютъ всего 9,4%. Но въ обрабатывающей промышленности участіе сельскохозяйственнаго населенія уже гораздо выше, оно составляетъ здѣсь 25,4%, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ достигаетъ почти 40% (въ обра-

боткѣ дерева—36,5%, въ строительномъ дѣлѣ—39,5%). Наконецъ, въ транспортѣ это населеніе составляетъ 32,4%, т. е. почти—треть.

Это данныя указываютъ на то, что соединеніе различныхъ видовъ хозяйственной дѣятельности въ одномъ лицѣ составляетъ у насъ широко распространенное явленіе. Но одними этими данными признаки, указывающіе на слабое развитіе общественнаго раздѣленія труда, далеко не исчерпываются. Есть еще и другая форма соединенія различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности въ одномъ цѣломъ; это—соединеніе ихъ уже не въ отдѣльномъ лицѣ, а въ семьѣ-хозяйствѣ. Данныя земско-статистическихъ переписей показываютъ, что лишь незначительная часть крестьянскихъ дворовъ занимается исключительно земледѣліемъ или только промысломъ; большая ихъ часть соединяетъ и то и другое. Въ качествѣ примѣра я приведу здѣсь данныя по двумъ губерніямъ: промышленной—Ярославской и земледѣльческой—Воронежской [1]).

Изъ каждыхъ 100 дворовыхъ занимаются:

	Въ Ярославской г.	Въ Воронежской г.
Только промыслами	5,7	3,9
„ земледѣліемъ	24,1	27,3
И земледѣл., и промысл. . . .	68,4	69,6

[1]) См. П. А. Вихляева „очерки русской сельско-хозяйственной дѣйствительности.

Правда, подъ понятіе промысловой дѣятельности здѣсь подводятся не только различнаго рода ремесла, кустарныя производства и т. п., но также и всѣ, самые разнообразные виды сторонних (внѣ собственнаго хозяйства) заработковъ, какъ, напримѣръ, наемъ на сельско-хозяйственныя работы, въ прислугу и мн. др.; но если даже исключить ту часть „промышленнаго“ населенія, которая представляетъ собою наемныхъ сельско хозяйственныхъ рабочихъ, то все же еще значительная часть его останется на долю неземледѣльческихъ промысловыхъ занятій. Въ Воронежской губ., напримѣръ, внѣ земледѣлія занято около четверти всего „промышленнаго“ населенія, а въ Тверской болѣе 90%. Какъ показываютъ бюджетныя изслѣдованія (т. е. описанія крестьянскихъ бюджетовъ), различнаго рода „промыслы“ въ экономіи нашего крестьянскаго хозяйства имѣютъ огромное значеніе. По разсчетамъ извѣстнаго земскаго статистика Ф. А Щербины въ среднемъ доходѣ крестьянскаго двора доходы отъ сельскаго хозяйства составляютъ 70%, отъ различнаго рода „промысловъ“—30%; въ среднемъ бюджетѣ крестьянскаго двора Воронежской губ. доходы отъ земледѣлія и скотоводства составляютъ 75%, а отъ „промыловъ“—25% въ бюджетѣ западно-сибирскаго крестьянскаго хозяйства промысловые доходы составляютъ около трети. Но особенно крупное значеніе имѣютъ они въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральныхъ промышленныхъ губерній; такъ, напримѣръ, въ бюджетѣ кустаря, занимающагося изготовленіемъ подносовъ, изъ села Загорья Московской губ. доходы отъ промысла составляютъ 57%, въ бюджетѣ гончара изъ Гжели—56%, въ бюджетѣ бочара изъ Александров-

скаго уѣзда Владимірской губ.—43%, въ бюджетѣ дмитровскаго (Московской губ.) башмачника—56% (въ томъ числѣ 9% отъ извоза, 34% отъ башмачнаго ремесла и 13% отъ различныхъ случайныхъ промысловыхъ заработковъ) и т. д. Число такихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить, но они не внесли бы ничего существенно новаго.

Описанныя выше явленія имѣютъ между собою то общее, что всѣ они указываютъ на слабое развитіе у насъ общественно-хозяйственной дифференціаціи, на широко распространенное въ массахъ населенія соединеніе различныхъ видовъ хозяйственной дѣятельности въ одномъ лицѣ или въ одномъ хозяйствѣ. Послѣднее составляетъ характерную особенность нашего народно-хозяйственнаго строя и стоитъ въ непосредственной связи съ условіями, задерживавшими и ослаблявшими у насъ нарастаніе избыточнаго сельско-хозяйственнаго населенія. Описанный выше процессъ внутренней колонизаціи сыгралъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно выдающуюся роль и наложилъ свою печать на развитіе промысловой дѣятельности населенія. Несомнѣнно въ тѣсной связи съ нимъ стоитъ широкое развитіе такъ называемыхъ „отхожихъ“ промысловъ. Насколько широко развитъ у насъ отходъ сельскаго хозяйства населенія на временные заработки—показываютъ свѣдѣнія о количествѣ выдаваемыхъ ежегодно паспортовъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи въ среднемъ количество лицъ, бравшихъ паспорта, по отношенію ко всему взрослому населенію обоего пола составляло 12,7%, при чемъ три четверти общаго количества составляли краткосрочные паспорта (3 и 6 мѣсяцевъ) и одну чет-

верть—паспорта на годъ и болѣе. Въ частности въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ населеніе, выбиравшее паспорта, составляло 33% всего взрослаго населенія, въ средне-черноземныхъ губ.—21%, въ сѣверныхъ губ.—19%, въ малороссійскихъ—15%, въ остальныхъ районахъ (прибалтійскій, сѣверо-западный, юго-западный и южный)—7—10%. Какъ выше уже было сказано, между развитіемъ отхожихъ промысловъ и процессомъ внутренней колонизаціи нашей страны существуетъ тѣсная связь. Въ различныя времена и въ различныхъ мѣсностяхъ связь эта находила и находитъ себѣ разнообразное выраженіе. Такъ, напримѣръ, переселенію крестьянъ изъ центральныхъ губерній въ южныя и юго-восточныя степи Европейской Россіи, а также, въ Предкавказье нерѣдко предшествовало развитіе сельско-хозяйственнаго отхода въ этомъ именно направленіи. Уходившіе сначала временно, на лѣтнія работы, главнымъ образомъ, на уборку хлѣбовъ,—крестьяне нерѣдко перебирались потомъ совсѣмъ на новыя мѣста и обзаводились тамъ собственнымъ хозяйствомъ, увлекая своимъ примѣромъ и своихъ односельчанъ. Съ другой стороны и въ настоящее время существованіе обширнаго отхода на сельско-хозяйственныя работы обусловливается неравномѣрностью разселенія. Районъ, изъ котораго исходитъ массовое движеніе отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, протянулся широкой полосой отъ западной границы Европейской Россіи до средняго теченія Волги, вдоль сѣверной окраины чернозема и охватываетъ губерніи Волынскую, Подольскую, Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тульскую, Ря-

занскую, Тамбовскую, Нижегородскую, Пензенскую Симбирскую, Казанскую и сѣверную половину Саратовской. Въ этомъ районѣ средняя плотность населенія (по даннымъ 1897 г.) 52 чел. на 1 кв. версту, а пашня составляетъ 58% территоріи. Отсюда широкая волна сельско-хозяйственнаго отхода разливается по всему югу и юго-востоку Европейской Россіи и по степямъ Предкавказья (губерніи Бессарабская, Херсонская, Таврическяя, Екатеринославская, южныя части Саратовской и Самарской, восточная часть Уфимской, Оренбургская, Ставропольская, области Донская, Кубанская, Тверская). Въ этомъ районѣ, привлекающемъ къ себѣ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, средняя плотность населенія составляетъ 23 чел. на 1 кв. версту, а пашня—42% территоріи. Такимъ образомъ, въ первомъ районѣ на 1 кв. версту запашки приходится около 90 человѣкъ, а во второмъ—55, т. е. почти вдвое меньше. Равнымъ образомъ, и на развитіи промышленнаго отхода сказались условія разселенія. Процессъ внутренней колонизаціи не только сопровождался разсѣяніемъ населенія по огромному пространству нашей страны, но, ослабляя приростъ избыточнаго сельско-хозяйственнаго населенія, онъ тѣмъ самымъ оказывалъ могущественное противодѣйствіе агломераціи населенія, сосредоточенію его въ крупныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ. Наша крупная промышленность развивалась и развивается, такимъ образомъ, по мѣткому выраженію П. А. Вихляева, въ разрѣженной общественно-хозяйственной средѣ, и наши промышленные центры питаются поэтому въ значительной мѣрѣ притокомъ рабочихъ рукъ изъ деревни. Цѣлый рядъ отраслей город-

ской промышленности, имѣющихъ сезонный характеръ, какъ, напримѣръ, строительное дѣло, извозъ и др., обслуживаются отхоже-промысловымъ населеніемъ, уходящимъ изъ дому лишь временно на эти сезонныя работы. Въ меньшей степени допускаетъ примѣненіе такого временнаго наемнаго труда фабрично-заводская промышленность, но за то, весьма нерѣдко, рабочіе, хотя бы и круглый годъ работующіе на фабрикѣ или заводѣ, сохраняютъ тѣсную хозяйственную связь съ деревней, со своей семьей, занимающейся земледѣліемъ, а потому ихъ положеніе по существу своему имѣетъ много общаго съ положеніемъ отхожихъ промышленниковъ.

Я упомянулъ о слабомъ развитіи у насъ городской жизни. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сопоставить между собой относительную численность населенія крупныхъ городскихъ поселеній въ Россіи и другихъ странахъ. Такъ, населеніе городовъ, имѣющихъ свыше 10 тысячъ жителей, въ Англіи составляетъ 54% всего населенія этой страны, въ Германіи—38%, во Франціи—24%, въ Россіи же всего 9,5%. А все городское населеніе Россіи по даннымъ переписи 1897 г. составляло около 13%. Но отъ наиболѣе промышленныхъ странъ Западной Европы Россія отличается не только малочисленностью, но и особымъ составомъ своего городского населенія. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, если сопоставимъ профессіональный составъ населенія русскихъ и германскихъ городовъ.

	Россія.		Германія.	
Свободныя профессіи, администрація, войско и т. п.	42,8%		35,5%	
Горная и обрабатыв. промышленность.	28,9%	52,1%	43,2%	63,6%
Торговля и транспортъ	17,6%		20,4%	
Поденщики и чернорабочіе	5,6%		—	
Сельско-хозяйственное населеніе . .	5,1%		1,0%	

Такимъ образомъ, въ составѣ населенія русскихъ городовъ по сравненію съ германскими гораздо болѣе видное участіе принимаетъ „непроизводительное“, т. е. не принимающее непосредственнаго участія въ хозяйственной дѣятельности населеніе; здѣсь выше также и процентъ сельско-хозяйственнаго населенія, но за то ниже процентъ населенія промышленнаго и торговаго. Иными словами, русскіе города въ большей мѣрѣ, чѣмъ германскіе, являются бюрократическими центрами и въ меньшей — центрами торгово-промышленными [1]). Очевидно, ко многимъ русскимъ городамъ приложима еще та характеристика ихъ, которая была сдѣлана проф. Дитятинымъ, и имѣла въ виду города 60-хъ годовъ. „Во многихъ изъ сотенъ уѣздныхъ городовъ,—говоритъ онъ,—вовсе не существуетъ торговаго класса; представителями капитализма явля-

[1]) А между тѣмъ германскіе города далеко не являются наиболѣе промышленными и въ этомъ отношеніи сильно отличаются, напримѣръ, отъ англійскихъ городовъ, занимая промежуточное положеніе между этими послѣдними и русскими городами.

ются два-три купца третьей гильдіи; промышленность вырождается въ нихъ въ ремесла и обыкновенно ограничивается тѣми предметами, которые удовлетворяютъ несложныя потребности мѣстныхъ обывателей да развѣ крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень, а торговля состоитъ въ мелочномъ торгѣ".

Описанныя выше явленія народонаселенія заставляютъ насъ предположить, что въ нашей странѣ мы должны найти и слабое развитіе крупнаго, капиталистическаго производства. Послѣднее предполагаетъ гораздо болѣе широкое и глубокое проникновеніе въ народо-хозяйственную жизнь общественнаго раздѣленія труда, гораздо болѣе сильную общественно-хозяйственную дифференціацію. Не только историческій опытъ другихъ странъ, но и статистическія данныя о составѣ нашихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ показываютъ, что крупная капиталистическая промышленность плохо мирится съ непостояннымъ, временнымъ характеромъ наемнаго труда. Такъ, данныя фабричной инспекціи Московскаго округа за 11-лѣтній періодъ 1883—93 гг., охватывающія 1263 фабрики и завода, показываютъ, что только 18% рабочихъ уходили лѣтомъ на родину, а 82% работали круглый годъ. Перепись рабочихъ, произведенная фабричными инспекторами во Владимірской губ. въ 1897 г., показала, что изъ взрослыхъ рабочихъ (старше 12 лѣтъ) уходили лѣтомъ на полевыя работы 13%, а изъ женщинъ-работницъ—8%. Изъ общаго числа всѣхъ переписанныхъ рабочихъ болѣе трети (38%), было такихъ, у которыхъ родители работали уже на фабрикѣ, и болѣе половины изъ нихъ имѣли при себѣ работающихъ на фабрикѣ дѣтей. Свѣдѣ-

нія, собранныя Главной Фабричной Инспекціей по 9 округамъ за 8-лѣтній періодъ (1886—93 г.) и охватившія болѣе 12,5 тысячъ фабрикъ и заводовъ и болѣе 760 тыс. рабочихъ, показали, что только 28% рабочихъ отвлекались домой на полевыя работы, а 72% работали круглый годъ. Эти данныя показываютъ, что крупная капиталистическая промышленность плохо мирится съ непостоянствомъ рабочаго и лишь въ ограниченной степени допускаетъ соединеніе въ одномъ лицѣ различныхъ видовъ хозяйственной дѣятельности, требуя отъ своего рабочаго большей спеціализаціи и постоянства работы. Сопоставляя съ этимъ положеніемъ то обстоятельство, что наше промышленное населеніе сравнительно немногочисленно и что значительная часть его занимается въ то же время сельско-хозяйственнымъ трудомъ, мы уже отсюда могли бы заключить, что крупное капиталистическое производство у насъ слабо развито, что оно поглощаетъ лишь незначительную, сравнительно, часть производительныхъ силъ населенія. Мы можемъ, однако, воспользоваться и болѣе непосредственнымъ и наглядным способомъ опредѣленія того соотношенія, которое существуетъ между различными формами хозяйства въ нашей народо-хозяйственной дѣйствительности, если за мѣрило развитія капиталистическаго производства возьмемъ относительную численность населенія, живущаго наемнымъ трудомъ. Такъ, въ Германіи рабочіе, занятые только въ болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ (имѣющихъ болѣе 6 чел. рабочихъ), составляютъ 68% всего промышленнаго населенія; въ Россіи же по изслѣдованію 1900—01 г. рабочіе промышленныхъ заведеній,

подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи (тоже болѣе крупныхъ, но съ нѣкоторыми изъятіями), составляютъ 33% [1]). Изслѣдованіе 1900—01 г., однако, далеко не охватываетъ всего числа наемныхъ рабочихъ нашей обрабатывающей промышленности, такъ какъ надзоръ фабричной инспекціи не распространяется на нѣкоторыя губерніи и области имперіи, на нѣкоторыя отрасли промышленности и на значительное количество мелкихъ промышленныхъ предпріятій. Поэтому правильнѣе будетъ воспользоваться данными первой всеобщей переписи населенія [2]).

По этимъ даннымъ наемные рабочіе обрабатывающей промышленности составляютъ 50,2% всего промышленнаго населенія (т. е. значительно меньше, чѣмъ въ Германіи рабочіе однихъ только крупныхъ предпріятій, обнимающихъ собой не болѣе двухъ третей общаго числа промышленныхъ рабочихъ). Такимъ образомъ, данныя переписи 1897 г. позволяютъ установить болѣе или менѣе приблизительно, что крупное капиталистическое производство поглощаетъ около половины производительныхъ силъ нашего промышленнаго населенія; другая же ихъ половина находитъ себѣ приложеніе въ мелкомъ трудовомъ хозяйствѣ. Что касается другихъ профессіональныхъ группъ, то въ составѣ населенія, занятаго торговлей и транспортомъ, наемные рабочіе составляютъ всего 26,6%, а въ сельскомъ хозяйствѣ, лѣсоводствѣ, охотѣ и рыболовствѣ—14,9%. Эти данныя показываютъ, что

[1]) См. В. В. „Очерки экономическаго строя Россіи".

[2]) Данныя эти, правда, не отличаются особенной точностью но могутъ во всякомъ случаѣ дать общее представленіе объ относительной численности наемныхъ рабочихъ.

въ другихъ отрасляхъ народно-хозяйственной жизни значеніе крупнаго, капиталистическаго, т. е. основаннаго на наемномъ трудѣ, хозяйства еще гораздо меньше, чѣмъ въ области горной и обрабатывающей промышленности. Здѣсь необходимо, однако, сдѣлать двѣ оговорки. Матеріалы переписи 1897 г., и въ отношеніи учета наемныхъ рабочихъ не обладающіе безусловной точностью, не даютъ уже совсѣмъ никакой возможности учесть рабочихъ домашней формы крупной промышленности. Между тѣмъ эта категорія рабочихъ у насъ, по всей вѣроятности, довольно обширна; сплошь и рядомъ, напримѣръ, кустари, имѣющіе на первый взглядъ характеръ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, на самомъ дѣлѣ работаютъ на капиталиста-предпринимателя, исполняя его заказы у себя на дому. Получая отъ него необходимое сырье, а иногда и орудія производсва, не имѣя поэтому никакихъ притязаній на предпринимательскую прибыль и процентъ на капиталъ, вознаграждаемые при сдачѣ своихъ издѣлій только заработною платой, эти кустари по существу представляетъ собою наемныхъ рабочихъ предпринимателя. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что при переписи населенія въ составъ наемныхъ рабочихъ они не попали, да врядъ ли это было бы желательно. Типичныхъ рабочихъ капиталистической промышленности, работающихъ не на дому у себя, а на фабрикѣ, не слѣдуетъ смѣшивать съ рабочими домашней формы крупной промышленности, но желательно было бы имѣть учетъ тѣхъ и другихъ отдѣльно [1]), и я считаю необходи-

[1]) Эту задачу и не можемъ выполнить общая перепись населенія, а необходима спеціальная промышленная перепись.

мымъ это оговорить. Какое, однако, значеніе имѣетъ это обстоятельство для сдѣланнаго нами выше вывода о преобладаніи у насъ мелкой формы хозяйства, т. е. хозяйства не капиталистическаго, а трудового типа? Конечно, это должно измѣнить нашъ выводъ, но не во всѣхъ отношеніяхъ. Развитіе домашней формы крупной промышленности вноситъ капиталистическій принципъ въ область распредѣленія, но мало или совсѣмъ не отражается на технологіи производства. Продуктъ, производимый домашней формой крупной промышленности, распредѣляется какъ и въ типичномъ капиталистическомъ предпріятіи: мелкій промышленникъ, ставшій въ положеніе наемнаго рабочаго, получаетъ только заработанную плату; но техническая организація производства не измѣняется; оно по прежнему остается мелкимъ, раздробленнымъ и разсѣяннымъ, по прежнему господствуетъ ручной трудъ и въ слабой степени примѣняется его раздѣленіе; производительность труда остается на томъ же низкомъ уровнѣ, какъ и прежде. Могутъ быть, конечно, введены черезъ посредство предпринимателя нѣкоторыя техническія улучшенія, но существа промышленной организаціи, свойственной мелкому разрозненному производству, они не мѣняютъ.

Другая оговорка, которую необходимо здѣсь сдѣлать, относится къ сельско-хозяйственному населенію. Въ его средѣ мы особенно часто наблюдаемъ соединеніе въ одномъ лицѣ и мелкаго самостоятельнаго производителя и наемнаго рабочаго. Лица, живущія исключительно наемнымъ сельскохозяйственнымъ трудомъ, сравнительно немногочислены и капиталистическое сельско-хозяйствен-

ное производство значительную часть своей потребности въ рабочей силѣ удовлетворяетъ трудомъ крестьянъ. т. е. мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ. Поэтому по количеству наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ врядъ ли возможно съ достаточной увѣренностью судить объ относительномъ значеніи капиталистическаго хозяйства въ области сельско-хозяйственнаго производства и въ этомъ отношеніи намъ необходимо опереться на какія-нибудь иныя данныя. Самое правильное было бы положить въ основаніе нашихъ расчетовъ данныя о землепользованіи, о распредѣленіи всей площади землевладѣнія между мелкимъ и крупнымъ хозяйствомъ. Къ сожалѣнію, прямыхъ и точныхъ данныхъ по этому вопросу мы не имѣемъ и должны прибѣгнуть къ косвеннымъ и грубо-приблизительнымъ пріемамъ расчета. При этомъ мы возьмемъ только площадь сельско-хозяйственныхъ угодій, т. е. исключимъ всѣ лѣса и неудобныя земли, и будемъ считать, что 1) всѣ казенныя и удѣльныя оброчныя статьи эксплуатируются мелкимъ хозяйствомъ, такъ какъ почти всѣ онѣ цѣликомъ находятся въ арендѣ у крестьянъ, а если нѣкоторая ихъ часть и арендуется лицами другихъ сословій, то нерѣдко передается затѣмъ крестьянамъ же мелкими участками; 2) изъ общаго количества частновладѣльческихъ земель около половины находится въ пользованіи мелкихъ хозяевъ такъ какъ до 50% ихъ сдается въ аренду крестьянамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ мелкими участками и на короткій срокъ; кромѣ того 11% участновладѣльческихъ земель составляютъ владѣнія, размѣромъ своимъ не превышающія 100 дес.; 3) всѣ крестьянскія надѣльныя земли

также эксплуатируются мелкимъ хозяйствомъ, такъ какъ, если среди крестьянъ и встрѣчаются крупные хозяева, ведущіе свое хозяйство на капиталистическихъ началахъ, т. е. при помощи наемныхъ рабочихъ, то они составляютъ незначительное меньшинство [1]). Изъ вышеизложеннаго само собой очевидно, что всѣ эти основанія расчета могутъ дать только грубо-приблизительный результатъ; однако, они не являются произвольными и находятъ себѣ, какъ это вы увидите впослѣдствіи [2]), достаточное оправданіе въ данныхъ какъ офиціальной, такъ и земской статистики.

Произведенный на вышеизложенныхъ основаніяхъ разсчетъ показываетъ, что изъ всей площади сельско-хозяйственныхъ угодій въ Европейской Россіи, составляющей 156 милл. дес., въ пользованіи мелкаго хозяйства находится около 127 милл. дес. [3]), или около 81%. (Почти то же самое получимъ мы, если будемъ принимать въ расчетъ не всю площадь сельско-хозяйственныхъ угодій, а одну только пашню). Если даже и слѣдуетъ быть можетъ признать въ этомъ подсчетѣ нѣкоторое преувеличеніе относительнаго значенія мелкаго

---

[1]) Въ Воронежской губ. крестьянскіе дворы, прибѣгавшіе къ найму рабочихъ, составляли по даннымъ земской переписи 5,3%, въ Тверской—5,6%, въ Таврической—13%, но, конечно, далеко не всѣ эти хозяйства можно назвать предпріятіями капиталистическими.

[2]) См. главу о землевладѣніи и землепользованіи.

[3]) Расчетъ этотъ слѣдующій: 1) площадь казенныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ статей около 6 милл. дес.; 2) площадь частновладѣльческихъ сельско-хозяйственныхъ угодій—54,7 милл. дес., изъ этого количества въ пользованіи мелкихъ хозяйствъ около 27 милл. дес.; 3) площадь надѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ угодій—95,5 милл. дес.

сельско-хозяйственнаго производства, то во всякомъ случаѣ онъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этому послѣднему въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ принадлежитъ рѣшительное преобладаніе.

Теперь подведемъ итоги. Все вышеизложенное позволяетъ намъ составить себѣ нѣкоторое общее представленіе о состояніи производительныхъ силъ нашей страны. Описанныя выше явленія народонаселенія свидѣтельствуютъ о томъ, что наше общественное хозяйство въ значительной мѣрѣ сохранило еще существенныя черты того примитивнаго народно-хозяйственнаго строя, который характеризуется слабымъ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда, преобладаніемъ сельско-хозяйственнаго населенія, господствомъ мелкаго хозяйства и неразрывно связанной съ нимъ раздробленностью производительныхъ силъ и средствъ производства и которому обычно присвоивается весьма употребительное, хотя и не особенно удачное названіе натурально-хозяйственнаго строя. Основною причиною, которая содѣйствуетъ удержанію въ нашемъ народномъ хозяйствѣ элементовъ этого натурально-хозяйственнаго строя, являются, какъ мы выше видѣли, условія разселенія, т. е. тѣ историческія и физико-географическія условія, которыя содѣйствовали и содѣйствуютъ разсѣянію населенія по обширному пространству нашей страны, которыя, если и не вполнѣ устраняютъ, то значительно ослабляютъ приростъ избыточнаго сельско-хозяйственнаго населенія и задерживаютъ плотность населенія даже Европейской Россіи на такомъ низкомъ уровнѣ, который другими европейскими странами превзойденъ уже нѣсколько столѣтій

назадъ, который Англія уже превосходила въ концѣ XVII в., Германія достигла въ концѣ XVI в., а Франція еще гораздо ранѣе [1]).

Образованіе избытка земледѣльческаго населенія не находится, однако, въ исключительной зависимости отъ движенія населенія. Помимо интенсивности прироста населенія и увеличенія его плотности и другія общественно-хозяйственныя причины могутъ нарушать равновѣсіе между землей и производительными силами народа и вызывать явленія земледѣльческаго перенаселенія. Таково, напримѣръ, можетъ быть вліяніе упадка домашней промышленности, когда сельское населеніе вынуждено бываетъ все болѣе и болѣе сосредоточивать свои производительныя силы въ земледѣліи или вліяніе черезъ-чуръ быстраго роста государственнаго хозяйства и налоговъ, обгоняющаго ростъ народнаго благосостоянія, и т. д. Плотность населенія, т. е. отношеніе его къ территоріи, даетъ лишь самое общее представленіе о соотношеніи, существующемъ между производительными силами населенія и землей.

Соотношеніе это можетъ сильно видоизмѣняться подъ вліяніемъ различныхъ соціальныхъ условій и въ зависимости отъ послѣднихъ на его основѣ могутъ складываться и развиваться весьма различныя общественно-хозяйственныя отношенія. Въ ряду этихъ условій особенно крупное значеніе принадлежитъ условіями землевладѣнія и землепользованія, къ обзору которыхъ мы и переходимъ.

---

[1]) Уже въ началѣ 14 в. она была населена плотнѣе, чѣмъ современная Европейская Россія.

Землевладѣніе и землепользованіе.

Современныя условія землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи непосредственно связаны своимъ происхожденіемъ съ реформой 1861 г. Подробное разсмотрѣніе условій освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не входитъ въ мою задачу, тѣмъ болѣе, что основныя черты реформы 1861 г. вамъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны, но я считаю необходимымъ напомнить вамъ нѣкоторыя изъ обстоятельствъ этой реформы, которыя въ данномъ случаѣ имѣютъ для насъ наибольшее значеніе. Наиболѣе важнымъ для насъ въ настоящій моментъ является вопросъ о томъ, каковы были условія крестьянскаго землевладѣнія, созданныя реформой 1861 г., т. е. какъ великъ былъ размѣръ надѣленія крестьянъ землей и насколько хорошо онъ былъ согласованъ съ трудовыми силами крестьянскаго населенія и съ его потребностями. Основной принципъ надѣленія крестьянъ землей заключался въ томъ, что они должны были получить въ надѣлъ то количество земли, которымъ пользовались до освобожденія. Однако, примѣненіе этого принципа было оставлено цѣлымъ рядомъ ограничительныхъ условій. Великорусскія губерніи Европейской Россіи раздѣлены были на три полосы: нечерноземную, черноземную

и степную [1]). Въ первыхъ двухъ устанавливались для каждой отдѣльной мѣстности двѣ нормы надѣла: высшая и низшая, при чемъ послѣдняя была въ три раза меньше первой; въ мѣстностяхъ же степной полосы устанавливалась одна норма, такъ называемый „указанный надѣлъ". Бывшіе помѣщичьи крестьяне могли сохранить находившіеся въ ихъ пользованіи земельныя угодья въ ихъ дореформенномъ размѣрѣ въ томъ лишь случаѣ, если этотъ ихъ размѣръ не превышалъ высшей нормы или указнаго надѣла, установленнаго для данной мѣстности. Въ противномъ случаѣ помѣщикъ имѣлъ право отрѣзать отъ дорсформенныхъ крестьянскихъ угодій весь этотъ излишекъ. Равнымъ образомъ онъ имѣлъ право отрѣзать въ свою пользу часть крестьянскихъ угодій въ томъ случаѣ, если за ихъ выдѣломъ въ его собственность оставалось бы менѣе трети всей земли—въ первыхъ двухъ полосахъ и менѣе половины—въ степной полосѣ. Надѣлы крестьянъ, въ свою очередь не могли быть уменьшаемы ниже размѣровъ указаннаго надѣла или низшей нормы, установленной для данной мѣстности Въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ дореформенные надѣлы были ниже этихъ нормъ, они должны были получить прирѣзку за счетъ помѣщичьей или государственной земли, или ихъ повинности соотвѣтственнымъ образомъ уменьшались. Однако, крестьянамъ предостав-

---

[1]) Подъ дѣйствіе этого „великорусскаго положенія" подошло всего 34 губерніи. Особыя „положенія" были изданы для губерній; 1) Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 2) Кіевской, Подольской и Волынской; 3) Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской.

влено было право вмѣсто полнаго надѣла, подлежащаго выкупу, безвозмездно получать уменьшенный надѣлъ въ размѣрѣ одной четверти нормальнаго.

Такимъ образомъ, размѣры крестьянскихъ надѣловъ находились въ зависимости отъ цѣлаго ряда мѣстныхъ условій, изъ которыхъ многія не стояли ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи ни къ трудовымъ силамъ крестьянскаго населенія, ни къ его потребностямъ. Соотвѣтствіе полученнаго надѣла тѣмъ и другимъ было, слѣдовательно дѣломъ случая. Въ общемъ же размѣры надѣленія крестьянъ землей были далеко недостаточны какъ для полнаго использованія производительныхъ силъ населенія, такъ и для удовлетворенія его потребностей.

Между рабочими силами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и полученными ими надѣлами не могло быть надлежащаго соотвѣтствія уже по тому, что и дореформенные размѣры ихъ землепользованія (служившіе отправной точкой реформы) были разсчитаны лишь на часть ихъ рабочей силы; болѣе или менѣе значительную часть своего труда бывшіе помѣщичьи крестьяне посвящали обработкѣ владѣльческой земли и это сокращало, конечно, размѣры ихъ собственнаго хозяйства и ихъ землепользованія; въ особенности важное значеніе имѣло это обстоятельство для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ эпохѣ освобожденія крестьянъ предшествовало развитіе барщиннаго хозяйства, результатомъ котораго было сокращеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія. Кромѣ того, перечисленныя выше условія, ограничивавшія права

крестьянъ на ихъ дореформенные надѣлы, привели къ уменьшенію общихъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія, такъ какъ количество „отрѣзковъ“ въ пользу помѣщиковъ значительно превышало количество „отрѣзковъ“, полученныхъ крестьянами. Правда, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ размѣры крестьянскаго землепользованія послѣ 1861 года увеличились по сравненію съ дореформенными, но это были главнымъ образомъ малонаселенныя сѣверныя и восточныя губерніи, или губерніи, не подходившія подъ дѣйствіе „великороссійскаго положенія“, въ которыхъ частное землевладѣніе было представлено преимущественно лицами иныхъ національностей[1]). Въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ размѣры крестьянскаго землепользованія увеличились въ общемъ на 6,3%, въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ—на 20%, а въ среднемъ для всѣхъ 17 губерній, въ которыхъ крестьянскіе надѣлы были увеличины, прибавка земли составляла около одной шестой части (16,5%) ихъ дореформеннаго землепользованія. Для крестьянъ всѣхъ остальныхъ губерній реформа 1861 г. принесла съ собой болѣе или менѣе значительное сокращеніе размѣровъ ихъ землепользованія. Сильнѣе всего это сокращеніе было въ губ. Полтавской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской и нѣкоторыхъ другихъ. Въ общемъ крестьяне этихъ

---

[1]) Изъ числа губерній великорусскаго положенія сюда должны войти: Вологодская, Олонецкая, Петроградская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Астраханская, Смоленская и Могилевская, изъ числа остальныхъ: Кіевская, Волынская, Подольская, Херсонская, Минская, Гродненская, Ковенская и Виленская.

27 губерній [1]), благодаря перевѣсу отрѣзковъ надъ прирѣзками, потеряли 4,0 милл. десятинъ или 16,0/0% своихъ дореформенныхъ надѣловъ. А въ конечномъ итогѣ землепользованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ всей Европейской Россіи сократилось въ 1861 году на полтора милліона десятинъ или 4,1% прежняго надѣла. Большое вліяніе на уменьшеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказало примѣненіе 123 статьи Положенія, которою допускалось, при условіи согласія со стороны крестьянъ „дареніе“ имъ надѣла въ размѣръ одной четверти нормальнаго. Крестьяне нерѣдко соблазнялись этой возможностью получить землю безъ выкупа, питая въ то же время непоколебимую увѣренность, что и остальная земля помѣщика отъ нихъ не уйдетъ и выходили на „дарственный“ надѣлъ, впослѣдствіи получившій гораздо болѣе заслуженное названіе „нищенскаго“ надѣла [2]).

Таковы были въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ условія надѣленія землей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

---

[1]) Въ общій расчетъ не входятъ губерніи: Астраханская, Бессарабская и Область Войска Донского, о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній, а также Прибалтійскія губерніи, въ которыхъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости въ 1816—19 гг. безъ земли. Въ настоящее время земельное устройство крестьянъ регламентируется здѣсь спеціальными законами 40, 50 и 60-хъ годовъ.

[2]) По своему существу такого рода сдѣлка между помѣщикомъ и его бывшими крестьянами имѣла очень мало общаго съ дареніемъ и, по справедливому замѣчанію проф. Ходскаго, представляла собою скорѣе выкупъ помѣщикомъ въ свою вѣчную и полную собственность трехъ четвертей крестьянскаго надѣла за безвозмездную отдачу имъ одной четвертой его части.

Болѣе благопріятны были условія надѣленія для бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, которые по положенію 1863 года должны были получить полностью всѣ земли, находившіяся въ ихъ пользованіи до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, и надѣлы которыхъ ни въ какомъ случаѣ не подлежали ограниченію ниже установленной для данной мѣстности высшей нормы надѣла[1]).

Что касается государственныхъ крестьянъ, то они по особому положенію 1866 года должны были сохранить всѣ находившіяся въ ихъ пользованіи земли, а въ тѣхъ случаяхъ, когда эти земли не были опредѣленно отграничены отъ земель, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, должны были получить надѣлъ, соотвѣтствующій размѣрамъ ихъ фактическаго землепользованія, не свыше, однако, 8 десятинъ на душу въ малоземельныхъ уѣздахъ и 15 десятинъ на душу въ многоземельныхъ уѣздахъ. Благодаря тому обстоятельству, что государственные крестьяне въ гораздо меньшей степени, чѣмъ помѣщичьи и удѣльные, отвлекались отъ собственнаго хозяйства, ихъ дореформенные надѣлы, конечно, въ большей степени соотвѣтствовали ихъ рабочимъ силамъ; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они полнѣе, чѣмъ крестьяне другихъ разрядовъ, сохранили размѣры своего дореформеннаго землепользованія, то и послѣ реформы 1861 года они оказались наилучше обезпеченными землей за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, весьма немного-

---

[1]) Исключеніе составляли лишь тѣ случаи, когда дорформенные надѣлы были ниже этой нормы и не имѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ въ фактическомъ пользованіи крестьянъ излишковъ земли противъ того количества, которое полагалось имъ по табели.

численныхъ категорій крестьянъ [1]). Такъ, средній надѣлъ на ревизскую душу (въ 49 губерніяхъ) составлялъ: у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—3,6 десят., у бывшихъ удѣльныхъ—4,81 десят., у бывшихъ государственныхъ—5,92 десят. Наиболѣе многочисленную группу составляли бывшіе помѣщичьи крестьяне (44,9% общаго числа ревизскихъ душъ), почти такова же (43,1%) была и численность бывшихъ государственныхъ крестьянъ; бывшіе удѣльные составляли всего 4%.

Всѣ вышеприведенныя данныя заставляютъ насъ придти къ тому заключенію, что, повидимому, въ очень многихъ случаяхъ крестьянскіе надѣлы, полученные ими въ 1861 году, не соотвѣтствовали ни трудовымъ силамъ, ни потребностямъ нашего земледѣльческаго населенія. Трудно и болѣе того—невозможно вполнѣ точно опредѣлить размѣры этого несоотвѣтствія, но—разумѣется само собой—очень важно составить себѣ о немъ хотя бы приблизительное представленіе. Для этого мы можемъ воспользоваться остроумнымъ разсчетомъ проф. Ходскаго, который онъ приводитъ въ „Статистическихъ итогахъ крестьянской реформы“ [2]). Ходскій исходитъ изъ того предположенія, что средній для каждой мѣстности надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можно принять за *рабочую норму крестьянской поземельной собственности* для данной мѣстности. „Правительство, говоритъ

---

[1]) Эти разряды, на разсмотрѣніи которыхъ мы особо не останавливаемся, составляли всего 8,1% общаго числа ревизскихъ душъ (главнымъ образомъ казаки, колонисты, инородцы), но имъ принадпежало 18,5% надѣльныхъ земель; въ среднемъ на душу приходилось 12 десятинъ.

[2]) Л. В. Ходскій „Земля и земледѣлецъ“, часть вторая, гл. XI.

онъ, старалось по возможности предоставить государственнымъ крестьянамъ земли въ размѣрѣ рабочихъ силъ, чтобы крестьяне, обрабатывая землю, могли съ нея кормиться сами и отбывать разные государственные и мѣстные платежи и повинности... Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ и государственные крестьяне могли не располагать достаточнымъ количествомъ земли и помѣщичьи могли имѣть въ своемъ распоряженіи больше земли, чѣмъ было нужно на покрытіе самыхъ насущныхъ нуждъ, но едва ли мы ошибемся, если примемъ, что средняя норма надѣльной земли у бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ соотвѣтствовала средней рабочей силѣ крестьянской семьи и могла хорошо обезпечивать ея существованіе". На этомъ основаніи все крестьянское населеніе, надѣленное въ размѣрѣ средняго надѣла мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ, Ходскій считаетъ получившимъ достаточное земельное обезпеченіе, населеніе, получившее болѣе крупные надѣлы; онъ считаетъ надѣленнымъ съ избыткомъ, а крестьянъ съ меньшими надѣлами относитъ въ группу недостаточно надѣленныхъ.

Точность и правильность этого разсчета умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основу его положены среднія *погубернскія* величины надѣловъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. При большой протяженности многихъ русскихъ губерній мѣстныя условія въ различныхъ частяхъ одной и той же губерніи могутъ быть настолько различны, что средній для всей губерніи размѣръ надѣла государственныхъ крестьянъ не будетъ вездѣ одинаково пригоднымъ мѣриломъ достаточности

земельнаго обезпеченія. Правильнѣе было бы дѣлать такой расчетъ для каждаго уѣзда, а еще лучше для каждой волости отдѣльно, но—по справедливому замѣчанію Ходскаго—эта работа потребовала бы огромнаго количества вычисленій и „все же отвѣтила бы только приблизительно на интересующій насъ вопросъ". Для нашей цѣли вполнѣ достаточно и того грубо-приблизительнаго погубернскаго расчета, который даетъ проф. Ходскій. Въ результатѣ этого разсчета оказывается, что изъ общаго числа 21,279 тысячъ ревизскихъ душъ [1]) 6,943 тысячи ревизскихъ душъ или 32,6% получили щедрые надѣлы, 8,430 тысячь ревизскихъ душъ или 39,7%—достаточные и 5,906 тысячъ ревизскихъ душъ или 27,7% были недостаточно надѣлены землей. Особенно высокъ былъ процентъ недостаточно надѣленныхъ землей среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ эта группа составляла 42,6% общаго числа ревизскихъ душъ, а щедронадѣленные только 13,9%.

Изъ числа бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ — наоборотъ, около половины (50,7%) получили „щедрые" надѣлы и только 13,7%—недостаточные.

Эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже въ самый моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости образовался обширный по своей численности контингентъ малоземельныхъ крестъянъ. Далѣе, благодаря приросту населенія, который въ пореформенномъ періодѣ, какъ вы знаете, усилился, земельные на-

---

1) Только бывшихъ государственныхъ, помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ.

дѣлы крестьянъ подверглись значительному дробленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество малоземельныхъ крестьянъ должно было сильно увеличиться.

Приростъ крестьянскаго населенія былъ, впрочемъ, не во всѣхъ группахъ его одинаковъ и находился въ сильной зависимости отъ размѣровъ надѣла. Такъ, въ теченіе 20-лѣтняго періода, съ 1858 по 1878 г. численность главныхъ разрядовъ крестьянскаго населенія увеличилась слѣдующимъ образомъ:

Увеличеніе числа душъ въ %%,

Имѣвшіе надѣлъ:	Бывш. госуд.	Бывш. помѣщ.	Бывш. удѣл.
До 2 десятинъ	12,6%	18,3%	12,8%
2—4 „	17,9%	20,0%	16,1%
4—6 „	22,6%	23,5%	18,3%
Болѣе 6 десятинъ. . . .	26,9%	29,4%	22,2%

Эта таблица показываетъ, что чѣмъ выше былъ размѣръ земельнаго надѣла, тѣмъ сильнѣе былъ и приростъ крестьянскаго населенія. Другими словами, чѣмъ выше былъ размѣръ надѣла данной группы крестьянъ, тѣмъ большему дробленію онъ подвергся впослѣдствіи, тѣмъ сильнѣе былъ процессъ омалоземеленія этой группы въ пореформенномъ періодѣ. Пониженіе уровня земельнаго обезпеченія, такимъ образомъ, сильнѣе всего захватывало верхніе слои крестьянскаго населенія; въ его средѣ происходила своего рода нивеллировка, усугублявшая этотъ процесъ омалоземеленія.

Въ общемъ количество надѣльной земли, приходившееся на душу мужского пола сократилось съ момента крестьянской реформы къ началу XX вѣка съ 5,8 десятинъ до 3,7 десятинъ или на 36% своей прежней величины. Сокращеніе это наблюдалось, конечно, повсемѣстно. Въ 60-хъ годахъ было всего одиннадцать губерній, въ которыхъ средній размѣръ надѣла на душу м. п. былъ ниже трехъ десятинъ [1]), а къ 1893 г. средній надѣлъ упалъ ниже этого уровня еще въ двадцати четырехъ губерніяхъ и только на восточной, южной и сѣверо-западной окраинахъ Европейской Россіи онъ былъ выше трехъ десятинъ на наличную душу мужского пола [2]).

Весьма интересно было бы прослѣдить—какъ измѣнился составъ крестьянскаго населенія по размѣрамъ надѣльнаго землепользованія. Однако, прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы ие имѣемъ. Съ одной стороны у насъ есть данныя о томъ, какъ распредѣлялись въ 60-ыхъ годахъ ревизскія души по размѣрамъ надѣла; съ другой стороны для 1905 г. мы имѣемъ данныя о томъ, какъ распредѣлялось населеніе сельскихъ обществъ по размѣрамъ средняго надѣла на дворъ. На первый взглядъ можетъ даже показаться, что тѣ и другія данныя между собой совершенно несравнимы, что ни въ какомъ случаѣ не допустимо,

---

[1]) Это губерніи: Московская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Нижегородская, Рязанская, Тульская и Калужская.

[2]) Къ числу этихъ послѣднихъ должны быть отнесены губерніи: Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская, Самарская, Астраханская, Область Войска Донского, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская, Олонецкая и 3 Прибалтійскія.

сопоставлять группировку ревизскихъ душъ съ группировкой крестьянскихъ дворовъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи сопоставленіе это вовсе не невозможно и не безплодно. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ не группировку отдѣльныхъ лицъ, а группировку цѣлыхъ сельскихъ обществъ по среднимъ размѣрамъ надѣла, но только въ первомъ случаѣ (данныя 60-ыхъ годовъ) численность каждой группы измѣряется числомъ ревизскихъ душъ, а во второмъ (данныя 1905 г.) числомъ дворовъ; кромѣ того, въ первомъ случаѣ въ основу группировки положенъ размѣръ надѣла на ревизскую душу (для каждаго сельскаго общества), а во второмъ случаѣ—средній размѣръ надѣла на дворъ (также для каждаго общества). Вопросъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, можно ли одну группировку приравнять къ другой и можно ли считать численность ревизскихъ душъ—съ одной стороны, и численность дворовъ—съ другой, равноцѣнными показателями распредѣленія крестьянскаго населенія по отдѣльнымъ группамъ. Я полагаю, что и то и другое до извѣстной степени возможно. Конечно, численность средней семьи измѣняется по отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ, однако же, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться, взявши въ руки любой земско-статистическій сборникъ, не въ очень широкихъ предѣлахъ. Мы нисколько не рискуемъ ошибиться, если допустимъ, что все населеніе въ 1905 году распредѣлялось между различными по размѣрамъ надѣла группами общинъ пропорціонально числу семей, точно такъ же, какъ въ 60-хъ годахъ, оно распредѣлялось между ними пропорціонально числу ревизскихъ

душъ. Мы можемъ затѣмъ и приравнять одну къ другой эти двѣ группировки. Если мы примемъ во вниманіе, что ревизскимъ душамъ 60-хъ годовъ соотвѣтствуютъ въ 1905 году наличныя души мужского пола, что средній размѣръ крестьянской семьи держится большею частью около 6 человѣкъ, въ числѣ которыхъ половину составляютъ мужчины, то отсюда для насъ выяснятся и основанія этого сопоставленія. Тѣ общества, въ которыхъ средній надѣлъ составлялъ въ 1905 году, положимъ, 6 десятинъ на дворъ (т. е. 2 десятины на наличную душу мужского пола), мы можемъ приравнять къ обществамъ, которыя въ 60-ыхъ годахъ имѣли по 2 десятины на ревизскую душу, и т. д. Правда, границы отдѣльныхъ группъ при такомъ приравниваніи не всегда совпадаютъ [1]); не слѣдуетъ также забывать того, что средніе размѣры семьи въ отдѣльныхъ обществахъ различны, а потому и группировка населенія сельскихъ обществъ по среднимъ размѣрамъ надѣла на дворъ не можетъ быть признана безукоризненной, но тѣмъ не менѣе результатъ описаннаго выше сопоставленія, какъ болѣе или менѣе приблизительный, можетъ дать намъ довольно правильное представленіе о томъ, какъ измѣнилась въ теченіе пореформеннаго періода группировка крестьянскаго населенія по размѣрамъ надѣльнаго землепользованія.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, группѣ обществъ, имѣвшихъ въ 60-хъ годахъ отъ 2 до 6 десятинъ на ревизскую душу, должна была бы соотвѣтствовать группа обществъ со средними надѣлами 6—18 десятинъ на дворъ, но такой въ матеріалахъ 1905 года нѣтъ, а есть группа 6—20 десятинъ.

Измѣненія эти представлены въ слѣдующей таблицѣ, въ которой крестьянское населеніе разбито по размѣрамъ надѣла на три группы:

Населеніе сельскихъ обществъ имѣвшихъ.		Составляло.	
Въ 60-хъ гг.:	Въ 1905 г.:	Въ 60-хъ гг.:	Въ 1905 г.:
До 2 дес. на рев. д.	До 6 дес. на дворъ.	11,2%	31,7%
2 — 6 „ „ „ „	6 — 20 „ „ „	68,5%	57,7%
Болѣе 6 д. „ „ „	Болѣе 20 д. „ „	20,3%	10,6%

Таблица эта показываетъ, что масса сельскаго населенія по размѣрамъ надѣльнаго землепользованія сильно передвинулась къ низу. Группа сравнительно многоземельныхъ болѣе 20 десятинъ на дворъ) уменьшилась по своей относительной численности вдвое, сократилась нѣсколько и средняя группа, но за то очень замѣтно (почти втрое) увеличилась относительная численность наиболѣе малоземельной группы. Населеніе сельскихъ обществъ, въ которыхъ средній размѣръ надѣла не превышалъ 6 десятинъ на дворъ (или 2 десятины на душу мужского пола), составляло въ 1905 году почти треть всего крестьянскаго населенія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ порсформенномъ періодѣ, благодаря приросту крестьянскаго населенія и несмотря на отливъ значительной части его на новыя мѣста, наблюдался довольно интенсивный процессъ омалоземеленія. Если уже реформой 1861 года была создана довольно значительная по своей численности группа малоземельныхъ крестьянъ, то въ теченіе послѣдующихъ

40—45 лѣтъ эта группа стала гораздо многочисленнѣе; если въ 60-ыхъ годахъ она охватывала болѣе четверти крестьянскаго населенія, то въ настоящее время она охватываетъ ни въ какомъ случаѣ не менѣе, а вѣроятно замѣтно болѣе половины его. Само собой понятно, что этотъ процессъ обостренія малоземелья долженъ былъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія для всего нашего народнаго хозяйства, однако, прежде, чѣмъ говорить объ его послѣдствіяхъ, намъ надо остановиться на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ другихъ главныхъ категоріяхъ землевладѣнія: государственномъ и частномъ, такъ какъ и эти измѣненія могли оказать большое вліяніе на наше крестьянское хозяйство.

Что касается землевладѣнія государственнаго, то сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ немъ въ теченіе пореформеннаго періода не произошло. Площадь государственнаго землевладѣнія нѣсколько сократилась, благодаря отводу государственныхъ земель крестьянскимъ обществамъ или отчужденію ихъ въ руки частныхъ лицъ, однако, это сокращеніе было очень не велико и составило всего 8,2%. Сильнѣе всего площадь государственнаго землевладѣнія сократилась въ сѣверныхъ и восточныхъ заволжскихъ губерніяхъ, гдѣ работы по землеустройству бывшихъ государственныхъ крестьянъ сильно затянулись (до 80 гг.) и гдѣ убыль земельныхъ владѣній казны составила поэтому 25,5%. Однако, значеніе этого, на первый взглядъ довольно крупнаго, измѣненія не слѣдуетъ преувеличивать, такъ какъ оно являлось лишь продолженіемъ и завершеніемъ крестьянской реформы и не могло внести въ землепользованіе бывшихъ государствен-

ныхъ крестьянъ ничего существенно новаго [1]). Въ виду того, что приходится нерѣдко встрѣчаться съ преувеличенной оцѣнкой значенія нашего государственнаго земельнаго фонда, я считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь по этому поводу нѣкоторыя замѣчанія.

Площадь государственныхъ земель въ Европейской Россіи дѣйствительно огромна—она достигаетъ почти 140 милл. десятинъ (по даннымъ 1905 года) и превосходитъ всѣ остальныя категоріи землевладѣнія; въ то время, какъ частновладѣльческія земли составляютъ 26% общей площади, крестьянскія надѣльныя—33,8%, на долю государственныхъ приходится 36,3%. Однако, большая часть этихъ земель находится въ области весьма слабо населенной и обладающей неблагопріятными для земледѣлія физико-географическими условіями; около 80% государственныхъ земель сосредоточено въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ, почти цѣликомъ входящихъ въ составъ полосы болотъ и тайги (а отчасти и тундры), а именно: въ Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Пермской. На пространствѣ всѣхъ остальныхъ 46 губерній Европейской Россіи государственныя земли составляютъ всего 11%; слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ наиболѣе заселенныхъ мѣстностей государственный земельный фондъ на отношенія землепользованія уже по одной незначительности своихъ размѣровъ не

---

[1]) См. выше условія отграниченія надѣловъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ отъ владѣній казны.

можетъ оказывать сколько-нибудь существеннаго вліянія [1]).

Гораздо большее значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи частновладѣльческія земли. Въ теченіе пореформеннаго періода въ этой категоріи землевладѣнія произошли большія перемѣны, которыя должны были, конечно, оказать немаловажное вліяніе и на отношенія землепользованія. До реформы 1861 года главнымъ и почти исключительнымъ собственникомъ частновладѣльческихъ земель было дворянство; лица другихъ сословій не имѣли права пріобрѣтать населенныя земли, а потому и междусословная мобилизація земельной собственности почти отсутствовала. Реформа 1861 года, раскрѣпостивъ крестьянъ, раскрѣпостила и земельную собственность и сдѣлала возможнымъ болѣе интенсивный процессъ ея мобилизаціи. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія о переходѣ земель изъ рукъ въ руки путемъ купли-продажи [2]) показываютъ, что въ теченіе пореформеннаго періода интенсивность мобилизаціи земельной собственности все возрастала и возрастала. Какъ показываетъ приводимая ниже таблица, среднее количество сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ земли увеличилось съ 60 гг. къ началу XX вѣка болѣе, чѣмъ въ 3,5 раза, а среднее количество земель, переходящихъ ежегодно изъ рукъ въ руки возросло почти вдвое.

---

[1]) Съ развитіемъ лѣсопромышленности и лѣсного хозяйства значеніе казенныхъ земель на сѣверѣ Европейской Россіи должно сильно увеличиться, но объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

[2]) Свѣдѣнія эти извлекаются Департаментомъ Окладныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ изъ „Сенатскихъ Вѣдомостей“,

	Число сдѣлокъ.		Количество земли.	
	Среднее ежегодн.	Въ %% къ 1-му 10-лѣтію.	Среднее ежегодн.	Въ %% къ 1-му 10-лѣтію.
1863—1872 гг.	10,8 тыс.	100	2,00 м. д.	100
1873—1882 „	20,3 „	188	3,33 „ „	169
1883—1892 „	25,4 „	235	2,75 „ „	139
1893—1897 „	27,3 „	252	3,20 „ „	160
1888—1903 „	38,9 „	360	3,83 „ „	190

Особенной интенсивностью отличался процессъ мобилизаціи земельной собственности въ послѣднемъ 6-лѣтіи, которое охватываетъ конецъ 90-ыхъ годовъ и начало 900-ыхъ годовъ. Всего же за 41 годъ, протекшіе съ 1863 г. до того момента, на которомъ пока обрываются статистическія свѣдѣнія о движеніи земельной собственности, было совершено немного менѣе одного милліона сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ земли и перешло изъ рукъ въ руки почти 120 милліоновъ десятинъ (количество, значительно превышающее общую площадь частнаго землевладѣнія, которая составляетъ около 100 милл. десятинъ). Въ среднемъ ежегодно переходило изъ рукъ въ руки 2,9% всѣхъ частновладѣльческихъ земель.

Наиболѣе дѣятельное участіе въ этомъ интенсивномъ процессѣ мобилизаціи принимало дворянское землевладѣніе. Это вполнѣ естественно, такъ какъ въ рукахъ дворянскаго сословія была сосредоточена главная масса частновладѣльческихъ

въ которыхъ, согласно давнишнему закону, нотаріусы обязаны публиковать каждую сдѣлку по куплѣ-продажѣ земли. Свѣдѣнія эти публикуются затѣмъ въ „Матеріалахъ по статистикѣ движенія землевладѣнія".

земель. Второе мѣсто по размѣрамъ участія въ земельной мобилизаціи принадлежитъ смѣшанной сословной группѣ, которая состоитъ изъ купцовъ, почетныхъ гражданъ, духовенства, мѣщанъ и проч. и которую я для краткости буду условно называть группой среднихъ сословій. Третье мѣсто принадлежитъ крестьянамъ.

Однако, какъ размѣры, такъ и характеръ участія въ земельной мобилизаціи этихъ главныхъ сословныхъ группъ съ теченіемъ времени сильно измѣняются. Такъ, изъ общаго количества земли, подвергшейся мобилизаціи:

	Продано.			Куплено.		
	1863—72	1893—97	1898—1903	1863—72	1893—97	1898—1903 гг.
Дворянами	84,3%	60,5%	53,1%	47,0%	32,1%	26,6%
Средн. сослов. . .	11,7%	28,8%	33,0%	43,3%	41,7%	36,0%
Крестьянами . . .	4,0%	10,7%	13,9%	9,6%	26,2%	37,4%

Эта таблица показываетъ намъ—во первыхъ, что съ теченіемъ времени участіе дворянъ въ земельной мобилизаціи падаетъ, а участіе другихъ сословій растетъ. Это явленіе стоитъ въ непосредственной связи съ утратою дворянами значительной части своихъ владѣній и съ переходомъ ихъ въ руки другихъ сословій, на что также указываетъ наша таблица.

Участіе дворянъ въ продажѣ земли все время значительно превышаетъ ихъ участіе въ покупкахъ, при чемъ разница между тѣмъ и другимъ (въ пользу участія въ продажѣ) составляетъ: въ первомъ десятилѣтіи 37,2%, въ 1893—97 гг.—28,4%,

а въ 1898—1903 гг.—26,5%. Наоборотъ, среднія сословія и особенно крестьяне въ пріобрѣтеніи земли принимаютъ гораздо болѣе видное участіе, чѣмъ въ продажѣ. Различіе между послѣдними двумя сословными группами заключается въ томъ, что участіе среднихъ сословій съ теченіемъ времени растетъ въ продажахъ и сокращается въ покупкахъ, а участіе крестьянъ растетъ и въ томъ и въ другомъ направленіи и въ покупкахъ сильнѣе, чѣмъ въ продажахъ. Превышеніе покупокъ надъ продажами составляло [1]) въ:

	1863—1872 гг.	1893—1897 гг.	1898—1903 гг.
У среднихъ сословій . . .	32,6	12,9	3,0
У крестьянъ	1,6	15,5	23,5

Вышеприведенныя данныя очень ясно и опредѣленно показываютъ, что утрачиваемыя дворянствомъ земли сосредоточивались въ рукахъ другихъ сословій, и что участіе крестьянъ въ дѣлѣ „собиранія земли“ съ теченіемъ времени становилось все болѣе крупнымъ и въ послѣдніе годы превзошло участіе всѣхъ другихъ сословій.

Всего за 41 годъ.

Дворяне потеряли [2])	34,2	мил. дес.
Среднія сословія пріобрѣли. . . .	16,4	„ „
Крестьяне „ . . .	17,8	„ „

[1]) По отношенію ко всей площади мобилизованной земли.

[2]) Въ „Матеріалахъ по статистикѣ движенія землевладѣнія“ находимъ слѣдующія весьма интересныя данныя относительно

Такимъ образомъ, мы видѣли, что междусословное распредѣленіе частно-владѣльческихъ земель въ пореформенномъ періодѣ подверглось сильному измѣненію.

Сопоставленіе данныхъ 1877 г. и 1905 г. даетъ слѣдующіе результаты:

Изъ общей площади частн. землев. принадлежало:

	Въ 1877 г.	Въ 1905 г.
Дворянамъ	77,8%	52,5%
Крестьянамъ	6,2%	12,8%
Другимъ сословіямъ . . .	15,2%	23,0%
Товарищест. и сельск. общ. [1])	0,8%	11,7%

Какъ показываетъ эта таблица, размѣры дворянскаго землевладѣнія за 28 лѣтъ, раздѣляющіе эти двѣ земельныя переписи, сократились въ полтора раза; единоличная собственность крестьянъ увеличилась вдвое, а землевладѣніе среднихъ сословій—немного болѣе, чѣмъ въ полтора раза. Кромѣ того образовалась новая категорія частной земельной собственности—землевладѣніе коллективное (земля сельскихъ обществъ и различнаго рода товариществъ). Въ составъ этой категоріи земель-

---

убыли дворянскаго землевладѣнія въ 36 губерніяхъ Европейской Россіи. Дворянскія земли составляли по отношенію къ площади ихъ въ 1862 году (принятой за сто):

	1867	1877	1887	1897
Въ черноземныхъ губ. . .	97	89	78	70
„ нечернозем. губ. . . .	98	84	70	58
Во всѣхъ 36 губ.	97	87	76	65

[1]) Сюда вошли только земли сельскихъ обществъ, крестьянскихъ, мѣщанскихъ и разносословныхъ товариществъ, но не торгово-промышленныхъ компаній; послѣднія отнесены въ группу земель „другихъ сословій".

ныхъ собственниковъ входятъ почти исключительно крестьяне, участіе другихъ сословій совершенно ничтожно, а потому и эти земли мы почти цѣликомъ можемъ причислить къ крестьянскимъ. Схематически современное междусословное распредѣленіе частной земельной собственности можно представить слѣдующимъ образомъ: около половины ея принадлежитъ дворянамъ, около четверти—крестьянамъ и около четверти—всѣмъ другимъ сословіямъ.

Такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ результатовъ пореформенной мобилизаціи частной земельной собственности явился постепенный и, какъ мы видѣли, усиливающійся съ теченіемъ времени переходъ земель въ руки крестьянъ. Расширеніе частнаго крестьянскаго землевладѣнія служило, конечно, въ нѣкоторой степени восполненіемъ того сокращенія размѣровъ надѣльнаго землепользованія, которое было обусловлено приростомъ населенія. Но возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ способно было оно смягчить этотъ процессъ омалоземеленія. И прежде всего приходится отмѣтить здѣсь, что приростъ крестьянскихъ купчихъ земель далеко не соотвѣтствовалъ сокращенію ихъ надѣловъ. Послѣдніе, какъ мы выше видѣли, уменьшились въ среднемъ въ теченіе пореформеннаго періода на 36%, между тѣмъ, какъ всѣ пріобрѣтенныя за это время крестьянами земли составляютъ по отношенію къ надѣльнымъ землямъ прибавку всего въ 13,8%. Эта прибавка очевидно не можетъ компенсировать сокращеніе размѣровъ надѣльнаго землепользованія. Но кромѣ того между уменьшеніемъ надѣловъ и приростомъ купчихъ земель можетъ быть несоотвѣтствіе иного

рода: частно-владѣльческія земли могутъ быть пріобрѣтаемы не тѣми группами крестьянскаго населенія, которыхъ сильнѣе всего коснулось сокращеніе надѣльнаго землепользованія, не тѣми, кто острѣе другихъ ощущаетъ недостатокъ надѣльной земли, а какъ разъ наоборотъ, тѣми, кто лучше другихъ его обезпеченъ и чье благосостояніе благодаря этому стоитъ выше средняго уровня. Поэтому намъ необходимо теперь изслѣдовать распредѣленіе крестьянскихъ купчихъ земель.

Земли, пріобрѣтаемыя крестьянами, распадаются на три группы: 1) земли, пріобрѣтаемыя цѣлыми сельскими обществами въ полномъ составѣ, 2) земли, пріобрѣтаемыя товариществами крестьянъ, и 3) земли, пріобрѣтаемыя отдѣльными крестьянами (единоличныя покупки). Наиболѣе доступными для всѣхъ группъ крестьянскаго населенія являются купчія земли сельскихъ обществъ; иногда онѣ распредѣляются между всѣми членами сельскаго общества наравнѣ съ отдѣльными землями иногда ихъ распредѣленіе производится отдѣльно и пропорціонально размѣрамъ пая, внесеннаго на покупку земли. Но во всякомъ случаѣ онѣ составляютъ собственность всего сельскаго общества и пользованіе ими въ томъ или иномъ размѣрѣ доступно каждому изъ его членовъ. „Товарищескія“ земли составляютъ уже собственность только нѣкоторыхъ изъ членовъ сельскаго общества, соединившихся для совмѣстной покупки земли. Въ составъ товариществъ входятъ обычно хозяева болѣе или менѣе одинаковой силы, т. к. они совмѣстно несутъ отвѣтственность за исправный платежъ денегъ за купленную землю. Есть, конечно, много основаній a priori предполагать, что товарищества

эти формируются преимущественно изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ домохозяевъ. Но сказать что-либо опредѣленные по этому поводу трудно, такъ какъ у насъ нѣтъ даже свѣдѣній о числѣ лицъ, входящихъ въ составъ товариществъ и, слѣдовательно, нельзя опредѣлить, хотя бы какое количество земли приходится въ среднемъ на каждаго члена [1]). Что же касается единоличныхъ крестьянскихъ

---

[1]) Это позволяетъ установить только данныя Крестьянскаго Банка по отношенію къ тѣмъ товариществамъ, которыя пріобрѣтаютъ землю при его содѣйствіи. Такъ, напримѣръ, въ 1892—1904 гг. приходилось въ среднемъ на одного домохозяина, пріобрѣтавшаго землю черезъ посредство Крестьянскаго Банка въ товариществѣ съ другими, отъ 6,9 десятинъ до 8,1 десятины купленной земли (среднія ежегодн.), а въ среднемъ за весь періодъ—7 десятинъ. Покупки сельскихъ обществъ были мельче товарищескихъ—въ среднемъ 4,6 десятинъ, а покупки отдѣльныхъ домохозяевъ значительно крупнѣе—13,4 десятины на одного домохозяина, По отчету Банка за 1904 годъ, въ средѣ его заемщиковъ безземельные крестьяне составляли 12%, имѣющіе одну надѣльную землю—62%, одну собственную—5%, и надѣльную и собственную—21%. Въ общемъ составъ домохозяевъ, покупавшихъ землю, былъ слѣдующій:

	Изъ 100 домохозяевъ:		На одного домохоз. земли.	
	Безлош.	Безземельн.	Надѣльн. и собств.	Покуп. через. Банкъ.
Сельск. общества	22	4	8,8	1,9
Товарищества	10	16	5,8	6,9
Отдѣльн. домохозяева	6	33	6,4	14,6

Къ сожалѣнію, эти данныя не даютъ намъ представленія о всей массѣ крестьянъ, покупавшихъ землю, такъ какъ большая ихъ часть обходилась безъ содѣйствія Крестьянскаго Банка.

покупокъ, то онѣ составляютъ, очевидно, достояніе болѣе зажиточной части крестьянскаго населенія. По числу лицъ преобладаютъ, конечно, болѣе мелкія покупки, размѣромъ своимъ не превосходящія 25 десятинъ, но по количеству земли крупнымъ покупкамъ принадлежитъ рѣшительное преобладаніе. Такъ, всѣ земли, пріобрѣтенныя крестьянами единолично въ 1899—1903 гг., по размѣрамъ пріобрѣтаемыхъ участковъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Средній разм. участка.	Число участковъ въ %%.	Количест. земли въ %%.
До 5 десятинъ . . .	1,9 дес.	48,0	4,4
5— 25 „	11,0 „	37,7	20,1
25—100 „	44,0 „	10,8	23,0
Болѣе 100 дес. . . .	313,0 „	3,5	52,5

Такимъ образомъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что большая часть земель, пріобрѣтаемыхъ крестьянами единолично, сосредоточивается въ рукахъ наиболѣе зажиточной части крестьянства. Нельзя, однако, сказать, чтобы эта группа землевладѣльцевъ отличалась большой устойчивостью Значительная часть земель, пріобрѣтаемыхъ отдѣльными крестьянами, поступаетъ опять въ продажу, и отношеніе количества продаваемой земли къ количеству покупаемой сближаетъ эту группу крестьянъ съ частными землевладѣльцами другихъ сословій (купцами, почетными гражданами и остольными, за исключеніемъ дворянъ, такъ какъ у нихъ продажи преобладаютъ надъ покупками).

Проданныя земли по отношенію къ купленнымъ составляли:

	1863—92 гг.	1893—97 гг.	1899—03 гг.
У крест. товариществъ. .	12,2%	17,3%	19,6%
У крест. обществъ. . . .	13,6%	20,9%	22,0%
У отдѣл. крестьянъ . . .	57,7%	65,9%	78,4%
У остальныхъ сословій. .	70,7%	69,2%	86,8%

Въ этомъ отношеніи нѣтъ существенныхъ различій между отдѣльными группами крестьянъ, единолично пріобрѣтающихъ землю. Только группа наиболѣе крупныхъ покупателей (бол. 100 дес.) какъ будто бы нѣсколько крѣпче держитъ въ своихъ рукахъ пріобрѣтенную землю. Такъ, продажи по отношенію къ покупкамъ (по количеству десятинъ) составляли: для участковъ до 5 десятинъ—87,3%; 5—25 дес.—85,3%; 25—100 дес.—90,8%; болѣе 100 дес.—69,8%. Однако, и эта послѣдняя группа единоличныхъ покупателей изъ крестьянъ по относительному количеству отчуждаемыхъ земель ближе стоитъ къ другимъ сословіямъ, чѣмъ къ крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ.

Таковы главныя особенности тѣхъ трехъ категорій, на которыя подраздѣляются крестьянскія купчія земли. Но каково же соотношеніе этихъ категорій? „Матеріалы по статистикѣ движенія земельной собственности“ показываютъ, что наименѣе распространенной формой покупки является пріобрѣтеніе земли цѣлыми сельскими обществами; наоборотъ, наиболѣе распространена покупка зем-

ли товариществами; единоличныя покупки занимаютъ среднее мѣсто. Земли, пріобрѣтенныя (и удержанныя) крестьянами въ 1863—1903 гг., распредѣлялись такъ:

Пріобрѣтено обществами	2,3 милл. дес.	или	13,0%
„ отдѣльн. кр.	5,0 „	„	28,2%
„ товарищ.	10,4 „	„	58,8%

Всѣ вышеприведенныя данныя позволяютъ намъ придти къ тому общему заключенію, что какъ ни значительны были успѣхи крестьянскаго землевладѣнія въ пореформенномъ періодѣ, однако-же, покупкой земли крестьяне не могли существеннымъ образомъ смягчить все возраставшее несоотвѣтствіе своихъ трудовыхъ силъ съ размѣрами принадлежащей имъ площади. Таковъ былъ естественный результатъ свободной земельной мобилизаціи. Движеніе земельной собственности, предоставленное самому себѣ, естественно, направилось по линіи наименьшаго сопротивленія. Оно пошло большею частью мимо наиболѣе малоземельной части крестьянскаго населенія, какъ и слѣдовало ожидать, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было послѣдовательныхъ и планомѣрныхъ мѣропріятій со стороны государства въ области аграрной политики. Дѣятельность Крестьянскяго Банка была прежде всего не на столько обширна, чтобы оказать существенное вліяніе на направленіе мобилизаціи; земли, купленныя крестьянами при содѣйствіи Крестьянскаго Банка въ теченіе 15 лѣтъ (1883—97 гг.), по отношенію къ общему количеству пріобрѣтенныхъ ими за это время земель составляли всего около 23%. Съ другой стороны — и все направленіе дѣятельности Банка

было мало благопріятно для крестьянскаго населенія; содѣйствуя сильному подъему цѣнъ на земли, покупаемыя при его посредствѣ, Крестьянскій Банкъ обременялъ ихъ непосильными для крестьянъ долгами и дѣлалъ обладаніе мелкими землями доступнымъ только для ниболѣе крѣпкихъ въ хозяйственномъ отношеніи крестьянъ. Но объ этой сторонѣ дѣятельности Крестьянскаго Банка намъ придется говорить еще нѣсколько далѣе въ связи съ вопросомъ о движеніи земельныхъ цѣнъ.

Пока же мы переходимъ къ обзору условій *землепользованія*. Крупная земельная собственность далеко не всегда является основой крупнаго же земледѣльческаго хозяйства. Далеко не всегда владѣлецъ земли пользуется ею самъ для веденія на ней собственнаго хозяйства. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно онъ уступаетъ право пользованія ею другому лицу, т.-е. сдаетъ свою землю въ аренду. Въ зависимости отъ цѣлаго ряда общественно-хозяйственныхъ условій аренда получаетъ то болѣе, то менѣе широкое развитіе; въ зависимости отъ тѣхъ же условій могутъ складываться весьма разнообразныя формы арендныхъ отношеній. Поэтому, въ зависимости отъ общественно-хозяйственныхъ особенностей каждой отдѣльной страны, и отношенія землепользованія складываются болѣе или менѣе своеобразно. Англія классическая страна латифундій, отличается въ то же время преобладаніемъ хозяйствъ мелкихъ и среднихъ, такъ какъ крупныя помѣстія никогда почти не эксплуатируются здѣсь собственниками земли, а сдаются по частямъ въ аренду. До послѣдняго времени это было по преимуществу предпринимательская аренда, такъ какъ съемщиками

являлись большею частью зажиточные фермеры, обрабатывающіе арендуемую землю трудомъ наемныхъ рабочихъ. Подъ вліяніемъ длительнаго сельско-хозяйственнаго кризиса крупное фермерское хозяйство однако приходитъ въ упадокъ, и развивается новая форма аренды, представителями которой являются уже не предприниматели, ищущіе въ земледѣліи выгоднаго приложенія для своего капитала, а трудовое населеніе, ищущее только приложенія для своего труда. Ирландія, въ противоположность Англіи, издавна была страной мелкой, потребительской, а не капиталистической аренды. Всѣ эти разнообразныя отношенія землепользованія находятся въ зависимости отъ всей совокупности общественно-хозяйственныхъ условій данной страны и являются въ значительной мѣрѣ ихъ отраженіемъ. Поэтому и для насъ изслѣдованіе отношеній землепользованія въ Европейской Россіи представляетъ особенный интересъ и большую важность не только само по себѣ, но и какъ способъ или средство освѣтить многія другія стороны нашей общественно-хозяйственной дѣйствительности.

Существующія отношенія землепользованія точно такъ же, какъ и условія землевладѣнія, представляютъ собой въ значительной мѣрѣ продуктъ реформы 1861 года. Отношенія эти слагались и развивались подъ непосредственнымъ вліяніемъ условій, созданныхъ крестьянской реформой. Какъ мы уже выше видѣли, земельные надѣлы крестьянъ въ очень большой части случаевъ не соотвѣтствовали на ихъ рабочей силѣ, ни ихъ потребностямъ; но кромѣ того надо принять во вниманіе, что на надѣльныя земли бывшихъ помѣщичьихъ

крестьянъ реформой 1861 года была возложена новая функція, которой раньше имъ выполнять не приходилось, а именно доставлять крестьянамъ средства, необходимыя для уплаты выкупныхъ платежей. Раньше за пользованіе своимъ надѣломъ крестьянинъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не былъ на оброкѣ [1]), платилъ помѣщику своимъ трудомъ въ его *натуральной формѣ*, обрабатывая помѣщичью землю или исполняя другія хозяйственныя работы. Его владѣлецъ въ совершенно открытой и очевидной формѣ присваивалъ себѣ болѣе или менѣе значительную часть продуктовъ труда своихъ крѣпостныхъ. Послѣ реформы эти отношенія измѣнились главнымъ образомъ по формѣ и очень мало по существу. Между помѣщикомъ и крестьяниномъ встало государственное казначейство; одною рукой оно выдавало выкупныя деньги за надѣльную землю помѣщику, другой собирало ихъ съ крестьянъ. Послѣдніе оплачивали право пользованія надѣльною землей уже не трудомъ, а деньгами, но по прежнему они должны были часть продуктовъ своего труда уступать въ пользу своего бывшаго владѣльца. Разница заключалась въ томъ, что прежде этотъ продуктъ производился въ хозяйствѣ помѣщика, а теперь долженъ былъ быть производимъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Само собой понятно, что это вызывало необходимость или развитіе какихъ-либо сторонніхъ заработковъ, или расширенія крестьянскаго

---

[1]) Такіе крестьяне во многихъ губерніяхъ (главнымъ образомъ черноземныхъ) передъ освобожденіемъ составляли подавляющее большинство помѣщичьихъ крѣпостныхъ: въ Тульской, Курской, Пензенской—75%, Орловской—72%, Тамбовской—78%.

землепользованія. Другими словами, благодаря недостаточному надѣленію землей, крестьянинъ вынужденъ былъ при новыхъ условіяхъ своего быта обратиться снова къ обработкѣ помѣщичьей земли уже не въ качествѣ крѣпостного, а въ качествѣ наемнаго рабочаго или арендатора. Но при описанныхъ выше условіяхъ и при слабомъ развитіи у насъ промышленной жизни, отношенія между бывшимъ помѣщикомъ и бывшимъ крѣпостнымъ могли измѣниться больше по формѣ, чѣмъ по существу. Землевладѣльцу здѣсь противостоялъ не арендаторъ-предприниматель, свободный въ выборѣ условій и мѣста своей хозяйственной дѣятельности, не рабочій, свободный по крайней мѣрѣ и хотя бы до извѣстной степени въ выборѣ мѣста и рода, своего труда, а крестьянинъ, который былъ привязанъ къ данному мѣсту клочкомъ своей надѣльной земли и надъ которымъ тяготѣло тяжелое наслѣдіе крѣпостной эпохи: малоземелье и выкупные платежи, нерѣдко совсѣмъ не соотвѣтствовавшіе цѣнности и доходности земли [1]). Поэтому между помѣщикомъ и крестьяниномъ устанавливались не менѣе, чѣмъ прежде, зависимыя отношенія, и въ условіяхъ нашего общественно-хозяйственнаго строя крестьянское населеніе, когда эта зависимость становилась для него совершенно непосильной, могло найти въ большинствѣ случаевъ одинъ лишь выходъ оставить

---

[1]) При опредѣленіи размѣра выкупныхъ платежей въ основу былъ положенъ оброкъ временно-обязанныхъ крестьянъ, при исчисленіи котораго принимались въ расчетъ не только земледѣльческіе доходы, но и не земледѣльческіе заработки крестьянъ. См. Ходскаго „Земля и земледѣлецъ", II ч. главы 2 3 и Янсона „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ".

свой надѣлъ и уйти на свободныя земли нашихъ окраинъ. Выше мы видѣли, что крестьянское населеніе довольно широко пользовалось этимъ выходомъ, но все же лишь небольшая часть крестьянъ могла имъ воспользоваться, на что указываетъ хотя бы сильное пониженіе среднихъ размѣровъ землепользованія на наличную душу мужского пола въ теченіе пореформеннаго періода. Большая же часть малоземельныхъ крестьянъ должна была стать въ болѣе или менѣе зависимыя отношенія къ мѣстному крупному землевладѣнію и представлять собой живое воплощеніе пережитковъ крѣпостной эпохи. Особенно наглядное выраженіе эти пережитки получили въ натуральныхъ формахъ арендныхъ отношеній, т. е. въ такъ называемой отработочной и испольной арендѣ, когда за право пользованія частновладѣльческой землей крестьяне по прежнему платили или трудомъ или частью продукта. Съ другой стороны, эти формы аренды, если угодно, можно разсматривать, какъ способъ натуральной оплаты крестьянскаго труда, привлекаемаго къ обработкѣ владѣльческой земли. По справедливому замѣчанію проф. Карышева, здѣсь трудно различить, имѣемъ ли мы дѣло съ арендой земли или наймомъ рабочихъ, до такой степени отношенія сторонъ мало напоминаютъ собой отношенія свободнаго договора. Для существующаго строя отношеній землевладѣнія и землепользованія весьма характерно то обстоятельство, что во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи отмѣчено было не вымираніе, а наоборотъ, развитіе натуральныхъ формъ аренды. Говоря опять таки словами проф. Карышева, „Натуральныя формы оплаты труда въ частновладѣльче-

скихъ имѣніяхъ пережили крѣпостное право и по настоящее время наблюдаются почти повсюду въ Европейской Россіи. Живучесть этого явленія въ нашей экономической жизни было бы необъяснима, если бы она не коренилась въ тѣхъ зависимыхъ отношеніяхъ, которыя возникли у насъ въ деревнѣ изъ условій крестьянской реформы"... Картину возникновенія этихъ отношеній въ краткихъ, но яркихъ словахъ рисуетъ намъ проф. Янсонъ въ своемъ изслѣдованіи о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, гдѣ онъ описываетъ, какъ крестьяне всего обширнаго черноземно-трехпольнаго района немедленно послѣ развязки прежнихъ обязательныхъ отношеній бросились на съемку земель и въ ней искали средствъ для обезпеченія насущныхъ потребностей своихъ, которымъ не удовлетворялъ скудный надѣлъ, и для уплаты податей и поземельныхъ платежей... Не привыкши оцѣнивать при крѣпостномъ правѣ свой трудъ, считая его ни во что, тѣснимые нуждой, они сразу поставили съемку земель въ самыя невыгодныя для себя условія. Изслѣдуя тѣ измѣненія, которымъ подверглись продажныя и арендныя цѣны на землю, цѣны на трудъ и на хлѣбъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ послѣ крестьянской реформы, Ю. С. Янсонъ приходилъ къ тому заключенію, что земельныя цѣны увеличились на 300—400%, цѣны на трудъ на 50—100%, а цѣны на хлѣбъ на 50—80% [1]).

Если, какъ мы только что это видѣли, крестьяне вынуждены были всѣми мѣрами стремиться

---

[1]) См. „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ", стр. 95.

къ расширенію своего землепользованія, то съ другой стороны—ихъ бывшіе владѣльцы въ развитіи аренды нашли для себя во многихъ случаяхъ удобный выходъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ реформа 1861 г. Я не буду останавливаться на подробномъ изложеніи обстоятельствъ, затруднявшихъ развитіе предпринимательскаго хозяйства на частновладѣльческихъ земляхъ, а укажу лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ дореформенное время помѣщикъ былъ полнымъ хозяиномъ крестьянскаго труда и это давало ему большой просторъ въ организаціи хозяйства. По свидѣтельству многихъ писателей дореформенной эпохи главными препятствіями для развитія товарнаго земледѣлія въ то время являлись: господство натурально-хозяйственныхъ отношеній въ сельской жизни и удаленность помѣщичьихъ экономій отъ крупныхъ городскихъ центровъ, немногочисленныхъ промышленныхъ районовъ, или, наконецъ, вывозныхъ портовъ, которые могли явиться рынками для сбыта помѣщичьяго хлѣба [1]). Однако въ условіяхъ крѣпостного строя, помѣщичье хозяйство могло нерѣдко побѣждать эту дальность разстоянія, усугубляемую отсутствіемъ благоустроенныхъ путей сообщенія.

Средствомъ для этого въ рукахъ помѣщика была подводная повинность. Налагая на своихъ крестьянъ обязательство доставлять ежегодно извѣстное количество хлѣба отъ экономіи до Москвы или какой-нибудь пристани, порта и т. п., помѣ-

---

[1]) См. объ этомъ у Лященко: „Очерки аграрной эволюціи Россіи“.

щикъ сравнительно легко и просто разрѣшалъ задачу, мало заботясь о томъ, что сосредоточеніе огромныхъ количествъ крестьянскаго труда въ транспортѣ было обременительно для крестьянскаго хозяйства и мало производительно съ народохозяйственной точки зрѣнія. Конечно, обладаніе даровымъ крестьянскимъ трудомъ и свобода распоряженія производительными силами населенія по своему усмотрѣнію облегчали разрѣшеніе и многихъ другихъ организаціонно-хозяйственныхъ задачъ. Гораздо сложнѣе и труднѣе становилась организація хозяйства въ пореформенномъ періодѣ. Не легко было помѣщику приспособиться къ новымъ условіямъ и хозяйственные навыки рабовладѣльца замѣнить навыками капиталиста-предпринимателя. Неизбѣженъ былъ рядъ крупныхъ ошибокъ въ веденіи хозяйства и, дѣйствительно, недостатка въ нихъ не было. Жертвой ихъ дѣлались сплошь и рядомъ даже наиболѣе предпріимчивые и просвѣщенные хозяева, только потому, что со своими новаторскими стремленіями, а иногда и весьма основательными сельско-хозяйственными познаніями, они не соединяли правильнаго пониманія общественно-хозяйственной дѣйствительности, практическаго умѣнья оріентироваться во вновь формировавшихся общественно-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Отсутствіе пониманія, напримѣръ, той простой истины, что интенсивное хозяйство не обладаетъ свойствомъ безусловной экономической раціональности и не при всякихъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ можетъ быть выгодно, многихъ помѣщиковъ, переносившихъ на русскую почву заграничный скотъ, иностранныя орудія и пріемы англійскаго земледѣлія, привело къ раз-

зоренію, а у другихъ отбило охоту заниматься хозяйствомъ. По сравненію съ этимъ крайне рискованнымъ и неблагодарнымъ занятіемъ сдача земли въ аренду крестьянамъ была для нихъ конечно, гораздо болѣе выгоднымъ и вѣрнымъ способомъ извлеченія дохода изъ своихъ имѣній, тѣмъ болѣе, что въ ней, какъ мы выше видѣли, легко воплощалась сущность привычныхъ дореформенныхъ отношеній. Быстрый ростъ и денежныхъ, и натуральныхъ арендныхъ платъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ развитію этого стремленія. Громадный и все возраставшій спросъ, который предъявляло малоземельное крестьянское населеніе на помѣщичью землю, открывалъ бывшимъ помѣщикамъ легкій и удобный выходъ изъ затруднительнаго положенія, а все совокупность создавшихся на этой почвѣ условій сельской жизни опредѣлила собою дальнѣйшее развитіе отношеній землепользованія.

Теперь мы должны подробнѣе познакомиться съ отношеніями землепользованія въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились у насъ въ дореформенномъ періодѣ.

Къ сожалѣнію я долженъ начать съ указанія на то, что сплошного, единообразнаго и исчерпывающаго систематическаго изслѣдованія арендныхъ отношеній мы не имѣемъ. Наиболѣе полныя и обстоятельныя изслѣдованія аренды произведены земско-статистическими учрежденіями [1]), но они далеко не охватываютъ всей земской Россіи, не говоря уже о неземскихъ губерніяхъ. Что же ка-

---

[1]) Особенно цѣнными, какъ мы это ниже увидимъ, являются матеріалы подворныхъ переписей.

сается правительственныхъ изслѣдованій, то, отличаясь отъ земскихъ большею широтою [1]) и единообразіемъ пріемовъ, они далеко уступаютъ имъ въ обстоятельности и полнотѣ, и результаты ихъ не обладаютъ тою достовѣрностью, которою справедливо могутъ гордиться земско-статистическія учрежденія. Изъ правительственныхъ изслѣдованій аренды мы должны будемъ остановиться главнымъ образомъ на попыткахъ Центральнаго Статистическаго Комитета, который въ 1881 г. собралъ свѣдѣнія о количествѣ пахотныхъ земель и выгоновъ, арендуемыхъ крестьянами [2]), Департамента Земледѣлія, который въ томъ же году собралъ черезъ добровольныхъ корреспондентовъ свѣдѣнія объ арендныхъ платахъ, и Департамента Окладныхъ Сборовъ, который произвелъ изслѣдованіе крестьянскихъ арендъ въ 1901 г. по порученію такъ наз. „Комиссіи центра“ [3]).

Прежде всего мы должны остановиться, конечно, на изслѣдованіи объема интересующаго насъ явленія, т.-е. на количественной сторонѣ развитія арендныхъ отношеній. Весьма неполный учетъ внѣнадѣльныхъ земель, арендуемыхъ крестьянами, произведенный въ 1881 г. Центр. Стат. Комитетомъ, показалъ, что въ губерніяхъ нечерноземной

---

[1]) Они охватываютъ большею частью всю Европейскую Россію.

[2]) Кромѣ того Ц. С. К. предпринимались изслѣдованія этого рода въ 1882 г. (аренды бывш. помѣщ. крест. въ 39 губ.) и 1887 г. попутно съ поземельн. изслѣдов. Какъ и всегда Ц. С. К. въ этихъ изслѣдованіяхъ пользовался услугами низшихъ органовъ администраціи.

[3]) Комиссія эта была назначена для изслѣдованія вопроса о причинахъ упадка благосостоянія („оскудѣнія“) земледѣл. населенія центральныхъ губ. Свѣдѣнія объ арендахъ были собраны черезъ посредство волостн. правленій.

полосы сдаваемо было въ аренду около 1 милл. дес. или 29% , а въ черноземныхъ губ. — около 5 милл. дес. или 35% частновлад. пашни. Собранныя 20 лѣтъ спустя для „Комиссіи Центра“ данныя также не отличаются особенною полнотою, т.-к. отъ регистраціи волост. правленій несомнѣнно ускользнула значит. часть мелкой аренды; однако, данныя „Комиссіи“, пополненныя данными земско-статистич. изслѣдованій и друг. источниковъ [2]) показали, что общая площадь арендуемыхъ крестьянами внѣнадѣльныхъ земель, не считая пастбищъ, составляетъ не менѣе $19^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Если принять въ расчетъ, что около $6^1/_2$ милл. дес. изъ этого количества приходится на долю казенныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ статей, то площадь частновладѣльческихъ земель, сдаваемыхъ въ аренду (не считая пастбищъ) опредѣлится въ 13 милл. дес., что по отношенію къ общей площади частновладѣльч. сельско-хозяйствен. угодій (т.-е. всѣхъ угодій за вычетомъ лѣса и неудобн. земель) составитъ около 24% . Какъ выше уже было отмѣчено, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что данныя эти сообщаютъ намъ значительно пріуменьшенное представленіе о современномъ развитіи арендныхъ отношеній. Какъ показываютъ результаты земско-статистич. изслѣдованій, относительное количество частновл. земель, сдаваемыхъ въ аренду въ большей части изслѣдованныхъ уѣздовъ значительно превышаетъ указанную выше норму. Такъ % сдаваемой въ

---

[2]) Гл. обр. Управленія Госуд. Имущ.—о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, сдаваемыхъ въ аренду, и Управл. Удѣловъ—объ удѣльныхъ оброчн. статьяхъ.

аренду частновлад. пашни по отдѣльнымъ районамъ по вычисленіямъ Н. А. Карышева колебался въ предѣлахъ отъ 30% до 57%, а именно:

Въ	11	уѣзд. с.-вост. Е. Россіи	—45,6%
„	18	„ с.-зап. „	30,5—33,6%
„	32	„ центра „	38,3%
„	17	„ ю.-вост. „	43,7%
„	14	„ юга „	56,9%
„	21	„ ю.-зап. „	50,6%

У насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что сдача въ аренду другихъ угодій имѣетъ меньшіе размѣры, чѣмъ сдача пашни. Наоборотъ, т.-к. въ сѣнокосахъ и выгонахъ крестьянское населеніе ощущаетъ нерѣдко еще болѣе острый недостатокъ, чѣмъ въ пахотной землѣ, а съ другой стороны и частновладѣльческія имѣнія, въ которыхъ собственная запашка отсутствуетъ или имѣетъ ничтожные размѣры въ кормовыхъ угодьяхъ (за рѣдкими, конечно, исключеніями) мало нуждаются, у насъ есть много основаній предполагать, что сдача этихъ послѣднихъ въ аренду развита не менѣе, если только не болѣе, чѣмъ пашни. Но при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ аренда этихъ угодій труднѣе поддается регистраціи, да и не всегда пользуется такимъ же вниманіемъ со стороны изслѣдователей, какъ и аренда пашни, что и сказывается, конечно, на приведенномъ выше исчисленіи „Комиссіи Центра“ пріуменьшеніемъ его результатовъ. Но особенно сильно отражается на немъ неполнота учета арендныхъ отношеній въ неземскихъ губерніяхъ [1]). Принимая во вниманіе

[1]) По вычисленіямъ гг. Дядиченко и Чермака (основаннымъ на земско-стат. данныхъ) количество арендуемыхъ крестьянами

все вышесказанное, врядъ ли можно признать преувеличеннымъ высказанное Н. А. Карышевымъ предложеніе, что не менѣе половины частнов. земель сдается въ аренду. Косвенное подтвержденіе находитъ себѣ это предположеніе въ данныхъ Госуд. Дворянскаго Земельнаго Банка. Свѣдѣнія относящіяся къ срединѣ 90-хъ гг., охватывающія 12 тысячъ имѣній, заложенныхъ въ Банкѣ и размѣрами своими превышающихъ 500 дес. [1]), и обработанныя К. А. Каблуковымъ, показываетъ, что лишь около 40% изъ числа этихъ имѣній обрабатывались собственнымъ инвентаремъ владѣльца и при помощи наемныхъ рабочихъ, остальные 60% или были полностью сданы въ аренду (цѣликомъ или мелкими участками), или обрабатывались издольнымъ способомъ (т.-е. изъ части урожая, что представляетъ собою натуральную форму аренды) или, наконецъ, частью обрабатывались самимъ владѣльцемъ частью сдавались въ аренду. При этомъ всего лишь 44% имѣній имѣли экономическую запашку (т.-е. собств. запашку владѣльца), которая составляла около 47% всей ихъ пашни. Анологичные, но болѣе обширные матеріалы Двор. Зем. Банка, разработанные за 1886—1900 г.г., показываютъ, что съ теченіемъ времени

внѣнадѣльныхъ земель въ 34 земскихъ губ. составляло около 21 милл. дес. (при общей площади частнов. земель около 75 милл. дес.), а въ 16 неземскихъ губ., по даннымъ „Ком. Центра", всего 3,4 милл. дес. (при общ. площ. частновл. земель болѣе 25 милл. дес.). См. „Арендныя отношенія" въ „Большой Энциклопедіи".

[1]) Общая численность такихъ владѣній въ Европ. Россіи 28. тыс.; по площади они составляли около $^8/_{10}$ всей частной позем. собственности, такимъ образомъ можно съ большою вѣроятностью предположить, что данныя Двор. Банка охватываютъ около 35% всей частновл. площади.

площадь собственнаго хозяйства сильно сокращается, а сдача имѣній въ аренду (полностью) растетъ [1]). Такъ, общая площадь имѣній заложенныхъ въ Банкѣ, распредѣлялись между слѣдующими группами имѣній:

	Приходилось на долю имѣній, въ которыхъ:		
	Велось собственное хозяйство.	Сдавались въ аренду.	Въ экспл. смѣш. спос.
Въ 1886–1890 гг. .	32%	32%	36%
„ 1891—1895 „ .	30%	33%	37%
„ 1896—1900 „ .	21%	47%	32%

Такимъ образомъ, относительные размѣры площади, обрабатываемой въ собственномъ хозяйствѣ владѣльцевъ заложенныхъ имѣній, сократились болѣе, чѣмъ на треть, уменьшилась и площадь имѣній, эксплуатируемыхъ смѣшаннымъ способомъ, но зато увеличилась почти въ полтора раза площадь имѣній, полностью сдаваемыхъ въ аренду. Въ концѣ 90 г.г. уже одни только эти имѣнія составляли почти половину (47%) всей площади земель, заложенныхъ въ Дворян. Зем. Банкѣ.

Эти данныя еще лишній разъ подтверждаютъ то обстоятельство, что всѣ попытки исчисленія площади сдаваемыхъ въ аренду земель предпринимавшіяся различными изслѣдователями, даютъ значительно пріуменьшенные результаты. Главною основою этихъ исчисленій служатъ данныя зем-

[1]) См. А. Ф. Фортунатовъ. „Нѣсколько страницъ изъ экономіи и стат. сельск. хозяйст.".

ско-статистическихъ изслѣдованій, изъ кототрыхъ очень многія были произведены въ 80-хъ г.г., а съ тѣхъ поръ, какъ мы видимъ, аренда земли получила значительно большее развитіе. Наконецъ, эти же данныя даютъ намъ основаніе утверждать, что, повидимому, никакъ не менѣе половины всей площади частновлад. сельско-хозяйственныхъ угодій сдается въ аренду. И этотъ выводъ представляется намъ нисколько не преувеличеннымъ. Онъ не только подтверждается всѣми изложенными выше по этому вопросу соображеніями, но находится также въ полномъ согласіи со всѣмъ тѣмъ, что связано было выше объ условіяхъ нашей пореформенной общественно-хозяйственной жизни, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ которыхъ складывались и развивались у насъ отношенія землепользованія, и въ этомъ отношеніи представляется вполнѣ правдоподобнымъ. Наконецъ, онъ подтверждается и нѣкотрыми другими попытками опредѣленія размѣровъ арендnаго фонда, какъ напр. попыткою П. А. Вихляева въ его „Очеркахъ русской сельско-хоз. дѣйствительности". Принимая во вниманіе численность лошадей въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, П. А. Вихляевъ пытался опредѣлить ту долю частновл. площади, которая можетъ быть обработана собственнымъ рабочимъ скотомъ владѣльцевъ. Для этой цѣли онъ пользовался данными военно-конскихъ переписей 1888 и 1891 г.г. по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ не примѣняется въ сельск-хоз. работахъ воловья упряжка, Оказалось, что въ этихъ 27 губ., большая часть которыхъ входитъ въ составъ малоарендной полосы, собственнымъ рабочимъ скотомъ землевладѣльцевъ обрабатывается не болѣе

38,7% всей принадлежащей имъ посѣвной площади. Слѣдовательно, остальная часть посѣвной площади, т.-е. немногимъ менѣе 2/3 ея, или обрабатывается наемнымъ крестьянскимъ скотомъ, или же сдается въ аренду крестьянамъ. Такимъ образомъ, и этотъ расчетъ можетъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ того, что въ нашемъ грубо-приблизительномъ опредѣленіи размѣровъ арендnаго фонда врядъ ли есть преувеличеніе. Если только это дѣйствительно такъ, то общее количество частновладѣльческихъ земель, сдаваемыхъ въ аренду, достигаетъ 27—28 милліон. десятинъ. Прибавивъ къ этому 6½ милл. дес. казенныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ статей, мы опредѣлимъ общіе размѣры внѣнадѣльнаго арендnаго фонда приблизительно въ 33—34 милл. дес. Что касается аренды надѣльныхъ земель, то она имѣетъ гораздо меньшее значеніе. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, собраннымъ Комиссіей Центра, общее количество надѣльныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду, составляетъ всего 1½ милл. дес. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительные размѣры надѣльнаго арендnаго фонда значительно больше [1]), но несмотря на это, вполнѣ очевидно, что аренда надѣльныхъ земель, далеко не можетъ имѣть такого значенія, какое имѣетъ аренда земель внѣнадѣльныхъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію отошеній землепользованія съ другой точки зрѣнія. Оставляя пока въ сторонѣ надѣльную аренду, посмотримъ, какое значеніе имѣетъ для крестьянскаго населе-

---

1) Такъ какъ свѣдѣнія волостныхъ правленій не могутъ быть полными даже и въ этомъ случаѣ.

нія аренда внѣнадѣльныхъ земель. Данныя земскихъ подворныхъ переписей по 163 уѣздамъ (около 4 милліон. дворовъ), обработанныя А. А. Мануиловымъ, показываютъ, что въ среднемъ около 37% крестьянскихъ дворовъ прибѣгали къ арендованію внѣнадѣльныхъ земель [1]), при уѣздахъ, по которымъ имѣлись свѣдѣнія о количествѣ арендованной крестьянами земли, при 50 милліон. десятинъ надѣльной земли было арендовано около 10 милл. дес. внѣнадѣльныхъ земель; такимъ образомъ, эти арендованныя крестьянами земли составляли по отношенію къ ихъ надѣлу въ среднемъ 20%, а по отдѣльнымъ уѣздамъ отъ 0,9% до 76,6%.

Эти данныя показываютъ прежде всего, что аренда внѣнадѣльныхъ земель для крестьянскаго населенія имѣетъ въ общемъ довольно большое значеніе, а во-вторыхъ, что ея значеніе не вездѣ одинаково, что наряду съ мѣстностями, въ которыхъ аренда внѣнадѣльныхъ земель на 50—75% увеличиваетъ размѣры крестьянскаго землепользованія, встрѣчаются другія, въ которыхъ внѣнадѣльная аренда имѣетъ ничтожные размѣры. Н. А. Карышевъ въ своемъ изслѣдованіи крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендъ подраздѣляетъ Евр. Россію на двѣ полосы: 1) малоарендную, въ которой относительное количество дворовъ, арендующихъ землю, не поднимается выше 40%, а количество арендуемой ими земли по отношенію къ надѣльной составляетъ не болѣе 20% и 2) много-

[1]) А. А. Мануиловъ „Аренда земли въ Россіи", въ сборникѣ „Очерки по крестьянскому вопросу". Близкій къ этому результатъ получилъ и Карышевъ, который располагалъ данными по меньшему числу уѣздовъ; у него % аренд. дворовъ получился 42%.

арендную, въ которой % дворовъ, арендующихъ землю колеблется по отдѣльнымъ уѣздамъ отъ 41 до 85%, а отношеніе арендуемой ими земли къ надѣльной составляетъ отъ 20 до 97%. Первая, т.-е. малоарендная полоса состоитъ изъ уѣздовъ центрально-земледѣльч. губ. и отсюда тянется, повидимому, все расширяясь на сѣверъ и охватывая почти всю лежащую къ сѣверу отъ параллели Москвы часть Евр. Россіи; кромѣ того эта полоса образуетъ небольшой выступъ въ южномъ направленіи. Многоарендная же полоса охватываетъ ее съ юго-запада, юга и юго-востока. В. Г. Бажаевъ, опираясь на матеріалы Комиссіи Центра [1]), даетъ довольно сходную съ этой географическую картину развитія внѣнадѣльной аренды. На составленной имъ картограммѣ наименьшее развитіе аренды внѣнадѣльныхъ земель (менѣе 10% по отнош. къ надѣльн. землямъ) мы находимъ: 1) въ губ. сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ (начиная съ Казанск. и Костр.), въ которыхъ за небольшими исключеніями частное землевладѣніе представлено весьма слабо, и 2) въ западныхъ губ., т.-е. литовскихъ, бѣлорусскихъ и западно-малороссійскихъ, — а также въ отдѣльно лежащей Харьковской губ. Здѣсь слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что всѣ эти губ., за исключеніемъ Харьковской, не земскія и свѣдѣнія, которыми располагала по отношенію къ нимъ Комиссія Центра, являются наименѣе точными и полными. Наиболѣе высокимъ развитіемъ аренды отличаются по преимуществу губ. южной и юго-восточной полосы; такъ, болѣе 50% по отношенію къ надѣльной арендуемыя крестьянами внѣнадѣльныя земли

---

[1]) См. В. Г. Бажаевъ. Крестьянская аренда въ Россіи. Стр. 23.

сотавляютъ въ губ. Херсонской и Обл. В. Донскаго (а также Эстляндской), 40—50% — въ Самарской и Астраханской, 30—40% — Полтавской, 20—30% — Таврической, Екатеринославской, Курской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской и Уфимской (а кромѣ того изъ числа нечернозем. въ Московской, Тверской, Смоленской, Лифляндской). Уже и при такомъ бѣгломъ знакомствѣ съ географіей внѣнадѣльной аренды становится само собою очевиднымъ, что развитіе аренды почти нисколько не согласуется со степенью крестьянскаго малоземелья, а, слѣдовательно, и со степенью нужды въ землѣ. Въ большей части центрально-земледѣльческихъ и малороссійскихъ, т.-е. наиболѣе малоземельныхъ губерній, количество арендуемой крестьянами внѣнадѣльной земли по отношенію къ ихъ надѣламъ составляетъ 10—20%; лишь въ немногихъ (упомянутыхъ выше) губерніяхъ этой области оно достигаетъ 20—30%, и только въ одной Полтавской превышаетъ 30%. Въ этомъ несоотвѣтствіи между размѣрами внѣнадѣльной аренды и степенью крестьянскаго малоземелья нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, т. к. развитіе аренды опредѣляется не только степенью нужды въ землѣ, не только спросомъ на нее, но также и размѣрами арендnаго фонда, т.-е. количествомъ земли, предлагаемой въ аренду. А это послѣднее въ свою очередь зависитъ отъ цѣлаго ряда причинъ: отъ свойственнаго данной мѣстности соотношенія различныхъ категорій земельной собственности[1]), отъ степени развитія собственнаго хозяй-

[1]) Само собою понятно, что въ губерніяхъ съ рѣзко выраженнымъ преобладаніемъ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія арендный фондъ не можетъ быть великъ.

ства на частновл. землѣ и мн. др. Въ этомъ именно отношеніи условія для развитія внѣнадѣльной крестьянской аренды складываются наиболѣе благопріятно въ южныхъ и юго-вост. губ., въ которыхъ сосредоточена большая часть казенныхъ и удѣльныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду, и сравнительно слабо развито собственное хозяйство на частновлад. земляхъ [1]). Наименѣе благопріятно складываются они для сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губ., въ которыхъ, какъ уже ранѣе упоминалось, частное землевладѣніе слабо развито, для центр. земл., въ большей части которыхъ рѣзко преобладаетъ крестьянское надѣльное землевлад., и для западныхъ, въ которыхъ сравнительно сильно развита обработка частновлад. земель собственнымъ инвентаремъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, въ описанномъ выше географическомъ распредѣленіи внѣнадѣльной аренды нѣтъ ничего страннаго, но зато оно представляетъ большой интересъ съ народо-хозяйственной точки зрѣнія. Принимая во вниманіе существующее несоотвѣтствіе между распредѣленіемъ арендnаго фонда и крестьянскимъ малоземельемъ, мы должны сдѣлать тотъ выводъ, что не слѣдуетъ преувеличивать значеніе внѣнадѣльной аренды, какъ способа восполнить недостатокъ надѣльной земли, т. к. средство это доступно по преимуществу населенію наиболѣе многоземельныхъ губ. и сравнительно мало доступно населенію губерній особенно малоземельныхъ [2]).

---

[1]) См. В. Г. Бажаевъ „Крест. аренда въ Россіи".

[2]) Это обстоятельство пріобрѣтаетъ особенный интересъ и значеніе, если мы будемъ разсматривать его въ связи съ развитіемъ переселенч. движенія и сельско-хозяйств. отхода.

Этимъ выводомъ вопросъ о распредѣленіи арендnаго фонда между крестьянскимъ населеніемъ, конечно, далеко не исчерпывается. Наиболѣе важный и интересный для насъ вопросъ заключается въ томъ: какія именно группы крестьянскаго населенія пользуются преимущественно внѣнадѣльной арендой; сглаживаетъ ли она, или, наоборотъ, усугубляетъ неравномѣрность надѣльнаго обезпеченія различныхъ слоевъ крестьянской массы? Этотъ вопросъ имѣетъ въ нашей экономической литературѣ, можно сказать, свою исторію.

Прежде всего обратило на себя вниманіе изслѣдователей то обстоятельство, что различные по своему происхожденію разряды крестьянъ весьма неравномѣрно пользуются внѣнадѣльной арендой. Въ этомъ отношеніи данныя земско-статистическихъ изслѣдованій, обработанныя Н. А. Карышевымъ, дали слѣдующіе результаты:

	% арендующихъ землю дворовъ въ полосѣ	
СРЕДИ:	Малоарендной.	Многоарендной.
Госуд.—душев. крест. .	21,9%	36,6%
Четвертныхъ	23,8%	35,3%
Казаковъ	—	50,3%
Бывш. удѣльныхъ. . .	—	60,5%
„ владѣльческ. .	39,3—46,6%	55,9—61,7%
Дарственниковъ	66,6%	65,1%

Какъ показываютъ эти данныя, аренда внѣнадѣльныхъ земель шире всего развита среди дар-

ственниковъ, бывш. владѣльческихъ и бывш. удѣльныхъ крестьянъ; бывшіе государственные и четвертные въ этомъ отношеніи далеко остаются позади. Не трудно замѣтить, что здѣсь проявляется тенденція прямо противоположная той, которую мы констатировали въ географическомъ распредѣленіи внѣнадѣльной аренды. Здѣсь мы наблюдаемъ довольно ясно выраженную тенденцію къ уравненію размѣровъ землепользованія различныхъ разрядовъ крестьянъ, т. к. разряды, хуже обезпеченные надѣльною землею, шире пользуются арендою внѣнадѣльныхъ земель, чѣмъ разряды болѣе обезпеченные ею: бывшіе владѣльческіе шире, чѣмъ бывшіе государственные, дарственники шире, чѣмъ бывшіе владѣльческіе, получившіе полный надѣлъ и т. д. Было бы, однако, большою ошибкою думать, что причиною такого распредѣленія внѣнадѣльной аренды между различными разрядами крестьянъ является степень нужды ихъ въ землѣ, что именно въ силу своей малой обезпеченности землею бывшіе помѣщичьи крестьяне и дарственники шире пользуются внѣнадѣльною арендою, чѣмъ бывш. государственные. Не трудно уже и à priori догадаться въ томъ, что здѣсь большое значеніе имѣетъ возможно болѣе близкое сосѣдство съ землями, такъ называем. арендnаго фонда. Бывшіе помѣщичьи и дарственные крестьяне большей частью находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ землями своихъ бывшихъ владѣльцевъ, между тѣмъ, какъ государственные имѣютъ по сосѣдству съ собою преимущественно казенныя земли. Но, какъ мы уже хорошо знаемъ изъ предыдущаго, частновладѣльческій арендный фондъ въ нѣсколько разъ превышаетъ количество

казенныхъ оброчныхъ статей, сдаваемыхъ въ аренду и, слѣдовательно, по отношенію къ наличности земель, предлагаемыхъ въ аренду, бывшіе помѣщичьи крестьяне находятся въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ бывшіе государственные. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается основная причина той уравнительной тенденціи, которая наблюдается въ распредѣленіи внѣнадѣльной аренды между различными разрядами крестьянъ.

Но возникаетъ вопросъ, какъ распредѣляются арендуемыя внѣнадѣльныя земли внутри каждаго отдѣльнаго разряда крестьянъ? Проявляется ли уравнительная тенденція и въ распредѣленіи внѣнадѣльнаго арендаго фонда между различными по уровню своего хозяйственнаго благосостоянія группами крестьянскаго населенія? На этотъ вопросъ изслѣдователи арендныхъ отношеній отвѣчали различно. Н. А. Карышевъ, опираясь на данныя земскихъ подворныхъ переписей, отвѣчалъ, на него отрицательно. „При прочихъ равныхъ условіяхъ, говорилъ онъ [1]), борьба за съемную землю склоняется въ пользу болѣе состоятельныхъ. При равенствѣ размѣровъ землевладѣнія и близости снимаемыхъ угодій легче получить аренду тому, кто сильнѣе землей, трудомъ и капиталомъ. Что же дѣлается съ остальными? Они получаютъ послѣ своихъ болѣе обезпеченныхъ конкурентовъ остатки земель, предназначенныхъ къ сдачѣ. Съемъ ихъ сокращается до весьма малой величины. Разница въ размѣрахъ благосостоянія между намѣ-

---

[1]) См. Н. А. Карышевъ. „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды", стр. 156.

ченными двумя большими группами крестьянства, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени должна становиться все болѣе и болѣе глубокой". Н. А. Карышевъ обосновывалъ этотъ свой выводъ главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что количество арендуемой крестьянами земли (въ среднемъ на 1 наличный дворъ) увеличивается вмѣстѣ съ размѣрами надѣльнаго землепользованія, т.-е. дворы многоземельные пріарендовываютъ земли больше, чѣмъ дворы малоземельные. Такъ, напримѣръ, данныя подворнаго изслѣдованія по Камышинскому уѣзду (Сарат. губ.) использованныя между прочимъ Н. А. Карышевымъ показываютъ, что въ среднемъ на 1 дворъ арендуется пахотной земли:

	Безнадѣльн. дворами.	Имѣющими надѣльной земли: До 2,5 д.	2½—5 д.	5—10 д.	1 д.—20 д.	20 д.
У дарственниковъ . .	4,6	7,1	9,1	9,2	12	17,7
„ б. влад. крестьянъ .	1,1	3,8	3,7	5,6	10	22,0
„ государств. крест. .	1,7	3,3	3,1	4,1	6	10,7

Мы видимъ здѣсь, что распредѣленіе арендуемой земли между отдѣльными разрядами крестьянъ имѣетъ уравнительную тенденцію: количество земли арендуемой б. госуд. крестьянами меньше, чѣмъ у б. помѣщ., а у этихъ послѣднихъ значительно меньше, чѣмъ у дарственниковъ. Но внутри каждаго отдѣльнаго разряда крестьянъ арендуемая земля распредѣляется въ прямомъ отношеніи къ размѣрамъ надѣльнаго землепользованія: чѣмъ выше размѣръ надѣла, тѣмъ большее количество земли арендуется въ среднемъ на дворъ.

Сопоставленія этого рода и заставили Н. А. Карышева придти къ тому заключенію, что внѣнадѣльная аренда не имѣетъ для крестьянскаго хозяйства уравнительнаго значенія, что, наоборотъ, она усугубляетъ неравномѣрности землепользованія.

Противъ этого вывода, какъ ни казался онъ обоснованнымъ и вполнѣ очевиднымъ, были высказаны, однако, въ нашей экономической литературѣ серьезныя возраженія, а впослѣдствіи и самъ Карышевъ отъ него отказался.

Наиболѣе существенныя возраженія, выдвинутыя противъ него принадлежатъ Н. А. Каблукову и заключаются въ слѣдующемъ. Размѣры арендованія земли находятся въ зависимости не только отъ размѣровъ обезпеченія надѣльной землей, но и отъ цѣлаго ряда другихъ хозяйственныхъ условій: отъ количества рабочаго скота въ хозяйствѣ, отъ размѣровъ семьи и количества работниковъ въ ней и т. д. Данныя земско-статистическихъ изслѣдованій показываютъ, что участіе во внѣнадѣльной арендѣ возрастаетъ какъ съ увеличеніемъ числа работниковъ въ семьѣ, такъ и съ увеличеніемъ количества рабочаго скота въ хозяйствѣ. Съ другой стороны и размѣры семьи и численность работниковъ и количество рабочаго скота увеличиваются вмѣстѣ съ возрастаніемъ надѣла и вліянію этихъ именно факторовъ должно быть приписано то обстоятельство, что многонадѣльные дворы арендуютъ земли больше, чѣмъ малонадѣльные. Что это дѣйствительно такъ, показываютъ сопоставленія количества арендуемой земли (или арендующихъ дворовъ) при одинаковомъ количествѣ рабочаго скота или при одинаковомъ составѣ

семьи и при разныхъ размѣрахъ надѣла. Эти сопоставленія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ крестьяне арендуютъ земли тѣмъ больше, чѣмъ меньше размѣры ихъ надѣла.

Слѣдовательно, внутри отдѣльныхъ группъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ одинаковой мѣрѣ обезпеченныхъ скотомъ и рабочими силами, развитіе внѣнадѣльной аренды имѣетъ уравнительную тенденцію.

Тотъ общій выводъ, который можетъ быть сдѣланъ на основаніи этого болѣе подробнаго и разносторонняго изученія внѣнадѣльной аренды, формулированъ А. А. Мануиловымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Недостаточность обезпеченія крестьянъ надѣльной землей служитъ основной причиной, вызывающей у нихъ потребность въ арендѣ; эта потребность удовлетворяется различными разрядами крестьянскаго населенія въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ ихъ надѣла, т.-е. въ прямомъ отношеніи къ настоятельности нужды въ землѣ, поскольку нормальное удовлетвореніе ея не встрѣчаетъ ограниченій и не подвергается видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ другихъ причинъ—главнымъ образомъ, размѣровъ земельнаго фонда и обезпеченности отдѣльныхъ хозяйствъ рабочими силами и рабочимъ скотомъ".

Такимъ образомъ все предыдущее показываетъ намъ, что внѣнадѣльная аренда—явленіе гораздо болѣе сложное, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ, и что это обусловливается не только разнообразіемъ мѣстныхъ условій и особенностями отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ, но также и

сложностью той зависимости, въ которой крестьянская аренда находится отъ условій и факторовъ крестьянскаго хозяйства. Мы видѣли, что внѣнадѣльныя аренды растутъ и развиваются въ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко взаимопротивоположныхъ направленіяхъ. Мы видимъ прежде всего, что арендный фондъ при всѣхъ различныхъ условіяхъ используется, повидимому, полностью; онъ используется не только тогда, когда арендаторами являются наиболѣе малоземельные разряды крестьянъ, но также и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя отличаются сравнительно крупными размѣрами надѣла; количество арендуемой земли увеличивается не только съ размѣрами хозяйства на надѣльной землѣ, но, если имѣются на лицо благопріятныя условія (избытокъ рабочихъ силъ въ семьѣ, достаточное количество рабочаго скота и т. д.), также и въ обратномъ къ размѣрамъ надѣла отношеніи. Отсюда, повидимому, явствуетъ съ достаточной очевидностью, что широкимъ слоямъ крестьянскаго населенія и самымъ разнороднымъ его группамъ одинаково свойственно стремленіе использовать каждую представляющуюся возможность арендованія земли. Фактическіе размѣры внѣнадѣльной аренды въ общемъ опредѣляются поэтому не размѣрами спроса на землю, не потребностью въ землѣ, а размѣрами предложенія, т.-е. размѣрами арендnаго фонда. Съ другой стороны, всякое преимущество той или иной группы крестьянскаго населенія, которое благопріятствуетъ расширенію аренды, используется во всемъ своемъ объемѣ; бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи близкое сосѣдство частновладѣльческихъ земель, являю-

щихся главной основой арендnаго фонда, многолошаднымъ дворамъ—избытокъ конской рабочей силы и вообще сравнительно болѣе высокій уровень ихъ благосостоянія, многосемейнымъ—избытокъ рабочихъ рукъ и т. д. Недостатокъ, ощущаемый въ надѣльной землѣ, служитъ, конечно, весьма важнымъ побудительнымъ мотивамъ для расширенія внѣнадѣльной аренды, и, какъ это показываютъ данныя земскихъ подворныхъ переписей, при прочихъ равныхъ условіяхъ размѣры арендованія находятся въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ надѣла.

Но вопросъ заключается въ томъ, какъ далеко простирается это уравнительное вліяніе внѣнадѣльной аренды, насколько широкіе слои крестьянскаго населенія оно захватываетъ? Вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ дать не легко, но мнѣ представляется, что въ нашей экономической литературѣ значеніе внѣнадѣльной аренды въ дѣлѣ выравниванія размѣровъ землепользованія различныхъ группъ крестьянскаго населенія или сильно пріуменьшается, или, наоборотъ, преувеличивается. Весьма характерна та оговорка, которую мы находимъ въ цитированныхъ выше словахъ проф. А. А. Мануилова. Отмѣчая, что потребность въ арендѣ удовлетворяется различными разрядами крестьянскаго населенія въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ ихъ надѣла (т. е. чѣмъ надѣлъ меньше, тѣмъ больше аренды), онъ оговаривается, однако, что это явленіе имѣетъ мѣсто постольку—„поскольку нормальное удовлетвореніе ея (т. е. потребности въ арендѣ) не встрѣчаетъ ограниченій и не подвергается видоизмѣненіямъ подъ

вліяніемъ другихъ причинъ, главнымъ образомъ размѣровъ земельнаго фонда и обезпеченности отдѣльныхъ хозяйствъ рабочими силами и рабочимъ скотомъ". Все и сводится именно къ вопросу о томъ, насколько широко проявляется вліяніе этихъ условій и обстоятельствъ, „ограничивающихъ нормальное [1]) удовлетвореніе потребности въ арендѣ". Пытаясь найти отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны прежде всего принять во вниманіе то обстоятельство, что обычно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, между размѣрами семьи, численностью рабочихъ рукъ, количествомъ рабочаго скота и другими положительными признаками ея хозяйственнаго благосостоянія, съ одной стороны, и размѣрами надѣла—съ другой, существуетъ прямая зависимость. Чѣмъ больше семья — тѣмъ больше надѣлъ; чѣмъ больше надѣлъ – тѣмъ выше уровень хозяйственнаго благосостоянія семьи. Малоземельные и въ то же время многорабочіе и обладающіе значительнымъ количествомъ рабочаго скота дворы представляютъ собою сравнительно рѣдкое явленіе, тоже самое слѣдуетъ сказать и о многоземельныхъ дворахъ бѣдныхъ рабочимъ скотомъ и рабочими силами. Такъ, напр., крестьянское населеніе трехъ уѣздовъ Воронежской губ. (Задонскаго, Землянскаго и Острогожскаго) слѣдующимъ образомъ распредѣлялось по размѣрамъ надѣла и количеству рабочаго скота:

---

[1]) Подъ нормальнымъ здѣсь подразумѣвается, конечно, арендованіе, по своимъ размѣрамъ соотвѣтствующее недостатку надѣльной земли.

	Изъ общаго числа дворовъ приходилось въ %% на:				
		имѣющихъ надѣльной земли:			
	Безнадѣльныхъ — до 5 д.	5—25 д.	15—25 д.	Бол. 25 д.	
Безъ рабоч. скота . . .	2,7	10,0	10,3	1,0	0,0
Имѣющ. 1 лош. [1]) . . .	0,3	9,8	21,3	3,3	0,1
„ 2—3 лош. [1]) . . .	0,1	4,8	19,5	9,2	1,2
„ 4 лош. и бол. [1]) .	0,0	0,3	2,2	2,6	1,3

Такимъ образомъ во взятыхъ нами трехъ уѣздахъ наиболѣе многочисленныя группы составляли дворы, имѣвшіе 5—15 дес. над. и 1 лошадь, 5—15 дес. над. и 2—3 лош., затѣмъ имѣвшіе 5—15 дес. над. и не имѣвшіе раб. скота, до 5 дес. над. и не имѣвшіе раб. скота, имѣвшіе до 5 дес. и 1 лош., имѣвшіе 15—25 дес. и 2—3 лошади; остальныя группы были значительно малочисленнѣе, а безнадѣльные и многолошадные, а также многоземельные и малолошадные дворы представляли собою рѣдкое исключеніе. Отсюда становится уже очевиднымъ, что уравнительное вліяніе внѣнадѣльной аренды подвергается довольно значительнымъ ограниченіемъ. Если нѣкоторые изъ малоземельныхъ дворовъ, имѣющіе значительную по своимъ размѣрамъ и количеству рабочихъ рукъ семью и обладающіе 2—3 лошадьми, арендуютъ больше земли, чѣмъ многоземельные дворы съ такимъ же количествомъ рабочаго скота, то съ другой стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что такого рода дворы въ массѣ

[1]) Или соотвѣтствующее количество паръ воловъ.

малоземельнаго населенія составляютъ сравнительно значительную часть и что большая часть малоземельныхъ дворовъ или имѣетъ одну только лошадь, или еще чаще вовсе не имѣетъ рабочаго скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ и возможности арендовать землю. Если имѣть въ виду относительную численность отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія, то во взятыхъ нами для примѣра трехъ уѣздахъ Воронежской губ. болѣе или менѣе серьезное значеніе, въ смыслѣ, уравненіе размѣровъ землепользованія, внѣнадѣльная аренда можетъ имѣть въ слѣдующихъ группахъ дворовъ: 1) имѣющ. до 5 дес. и 1 лош. 2) съ 5—15 дес. и 1 лош., 3) съ 5 - 15 дес. и 2 - 3 лош., 4) с. 15— 5 дес. и 2— 3 лош., а также, пожалуй, 5) имѣющ. до 5 дес. и на 2—3 лош Въ общей сложности эти пять группъ охватываютъ около $^2/_3$ крестьянскаго населенія трехъ уѣздовъ (64,6%). Остальная треть входитъ преимущественно въ составъ крайнихъ по своему хозяйственному благосостоянію группъ: малоземельныхъ—малолошадныхъ (или даже безлошадныхъ и многоземельныхъ—многолошадныхъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ это безлошадные и въ то же время малоземельные или безнадѣльные дворы.

Такъ какъ взятые нами уѣзды въ отношеніи состава и группировки крестьянскаго населенія не представляютъ собою чего-либо исключительнаго, то этотъ примѣръ даетъ намъ болѣе или менѣе конкретное представленіе о размѣрахъ тѣхъ ограниченій, которымъ можетъ подвергаться уравнительное вліяніе внѣнадѣльной аренды на размѣры землепользованія различныхъ группъ крестьянскаго населенія.

Общественно-хозяйственная дѣйствительность, однако, слишкомъ сложна и разнообразна для того, чтобы на поставленный нами вопросъ можно было дать одинъ общій вполнѣ опредѣленный и исчерпывающій отвѣтъ.

Если бы развитіе внѣнадѣльной аренды опредѣлялось исключительно тѣми условіями и факторами крестьянскаго хозяйства, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, то можно было бы, пожалуй, признать, что уравнительное значеніе внѣнадѣльной аренды, несмотря на всѣ ограниченія которымъ оно подвергается, довольно велико, Но мы до сихъ поръ совершенно не касались одной весьма важной стороны арендныхъ отношеній, а именно вопроса объ арендной платѣ и ея вліяніи на размѣры аренды. Вопросъ этотъ и получилъ весьма интересное освѣщаніе въ книгѣ проф. В. А. Косинскаго „Къ аграрному вопросу“ съ основными положеніями и выводами, котораго я и хочу теперь васъ познакомить.

Несомнѣнно, что въ дѣлѣ расширенія землепользованія путемъ аренды успѣваетъ больше всего тотъ, кто можетъ дороже другихъ заплатить за арендную землю, особенно въ томъ случаѣ, когда спросъ на землю постоянно превышаетъ ея предложеніе. Теперь спросимъ себя: „что долженъ и что можетъ дать крестьянамъ за зрендную имъ землю?“ Очевидно само собою, что онъ долженъ дать не меньше, чѣмъ сколько способенъ заплатить наиболѣе щедрый въ этомъ отношеніи его сосѣдъ конкурентъ. Съ другой стороны, онъ можетъ заплатить больше того, что онъ умѣетъ въ остаткѣ отъ производства за покрытіемъ издержекъ производства и продовольственныхъ по-

требностей семьи. Этотъ свободный остатокъ, которымъ онъ располагаетъ, опредѣляется, конечно, результатами всего его хозяйства—не только на арендованной, но и на собственной землѣ. Въ этомъ отношеніи все хозяйство крестьянина слѣдуетъ разсматривать какъ одно цѣлое. Равнымъ образомъ весь доходъ этого хозяйства, а не одна какая-либо его отдѣльная часть, подвергается распредѣленію между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, т.-е. въ случаѣ нужды, крестьянинъ въ качествѣ платы за арендуемую имъ землю можетъ отдать не только чистый доходъ съ арендуемой площади, но также и тотъ чистый доходъ, который онъ получаетъ со своей земли. Въ зависимости отъ степени нужды въ землѣ распредѣленіе это можетъ быть то болѣе, то менѣе не выгодно для крестьянина. Чѣмъ острѣе нужда въ землѣ, тѣмъ меньшей долей дохода согласенъ удовлетвориться крестьянинъ-арендаторъ и тѣмъ большую долю его готовъ отдать землевладѣльцу [1]). Однако эта готовность сама по себѣ еще ничего не значитъ. Надо имѣть не только готовность, но и возможность заплатить за землю такъ дорого; какъ этого требуютъ условія спроса и предложенія, а потому рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ размѣръ чистаго дохода крестьянскаго хозяйства или, правильнѣе сказать, его отношеніе къ площади арендуемой земли. Само собою понятно, что это отношеніе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бу-

---

[1]) При особо неблагопріятныхъ условіяхъ арендная плата можетъ поглощать не только всю чистую прибыль крестьянина, но и часть того дохода, который причитался бы ему въ качествѣ заработанной платы,

детъ тѣмъ выше, чѣмъ большую долю въ площади хозяйства составляетъ надѣльная земля, т.-е. чѣмъ выше размѣръ надѣла. Въ этомъ очень не трудно убѣдится на довольно простомъ гипотетическомъ примѣрѣ. Представимъ себѣ три хозяйства съ различными размѣрами надѣла: въ 2 дес., 5 дес. и 8 дес.; представимъ себѣ, далѣе, что валовой доходъ съ десятины съ каждой изъ этихъ хозяйствъ составляетъ 30 руб, издержки хозяйства на 1 дес.—20 р. и чистый доходъ получаемый съ 1 дес. составляетъ такимъ образомъ 10 р.; представимъ себѣ, наконецъ, что каждое изъ этихъ хозяйствъ пріарендовываетъ недостающее ему до 10 дес. количество земли. Теперь попробуемъ опредѣлить, что можетъ заплатить при такихъ условіяхъ за аренду земли каждое изъ этихъ гипотетическихъ хозяйствъ. Получимъ слѣдующій разсчетъ:

	I хоз.	II хоз.	III хоз. Случ. а.	III хоз. Случ. б.
Кол. над. земли	2 д.	5 д.	8 д.	8 д.
„ „ аренд. земли . . .	8 „	5 „	2 „	5 „
Вал. доходъ со всей площ. .	300 р.	300 р.	300 р.	390 р.
Издержки производства . . .	200 „	200 „	200 „	260 „
Остатокъ (можетъ быть уплачено за аренду земли). . .	100 р.	100 р.	100 р.	130 р.
Можетъ быть уплач. за 1 д. .	12½ „	20 „	50 „	26 „

Разсчетъ этотъ весьма наглядно показываетъ, что чѣмъ выше размѣры надѣла, тѣмъ болѣе высокая плата можетъ быть предложена крестьяниномъ за арендуемую землю. Въ то время, какъ первый, не нанеся себѣ весьма существеннаго ущерба, можетъ заплатить 12½ руб. за дес., а второй можетъ дать уже 20 руб., а третій—50 руб. И если

бы третій захотѣлъ воспользоваться своимъ преимуществомъ и расширить площадь арендуемой ими земли до 5 дес., то и тогда онъ могъ бы предложить за нее значительно больше второго, а именно 26 руб. за дес. Казалось бы, что нашъ разсчетъ является весьма серьезнымъ подтвержденіемъ того вывода, что размѣры арендованія должны увеличиваться съ возрастаніемъ надѣла. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла это оказывается не совсѣмъ такъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли для третьяго изъ нашихъ хозяевъ безусловный расчетъ расширять площадь арендуемой земли? Конечно, не трудно представить себѣ, что нѣкоторыя обстоятельства, какъ напримѣръ большой составъ семьи и др., могутъ побудить его къ расширенію этой площади. Но мы уже оговорились, что всѣ прочія условія, кромѣ размѣровъ надѣла и аренды, мы во всѣхъ трехъ хозяйствахъ предполагаемъ равными. Если мы не будемъ забывать объ этомъ, не трудно показать, что въ интересахъ повышенія доходности хозяйства для третьяго хозяина выгоднѣе не расширять площади аренды. Если максимальная арендная плата, которую можетъ дать за землю его сосѣдъ составляютъ 20 р., то ему нѣтъ, конечно, никакой надобности платить за нее дороже. Въ такомъ случаѣ, арендуя 2 дес., онъ изъ 100 руб. чистаго дохода долженъ будетъ отдать землевладѣльцу въ качествѣ арендной платы 40 руб. и сохранить для себя 60 руб. т.-е. по 6 руб. на каждую десятину своего хозяйства: расширяя же площадь аренды до 5 дес. (а площадь всего хозяйства, слѣдовательно, до 13 дес.) онъ долженъ будетъ изъ 130 руб. чист. дохода отдать землевладѣльцу уже 100 руб., и такимъ образомъ

сократить остатокъ въ свою пользу до 30 руб., что составитъ около 2 1/3 руб. на десятину. Отсюда ясно, что только крайняя необходимость можетъ побудить этого многоземельнаго хозяина къ расширенію площади аренды. Самымъ сильнымъ побудительнымъ мотивомъ въ этомъ отношеніи будетъ, конечно, несоотвѣтствіе размѣровъ участка составу семьи и ея продовольственнымъ потребностямъ. Однако, какъ бы ни были въ среднемъ многосемейны многоземельные дворы все же для полнаго обезпеченія ихъ продовольственныхъ потребностей имъ надо пріарендовать земли меньше, чѣмъ малоземельнымъ, а потому и мотивъ этотъ можетъ имѣть лишь довольно ограниченное значеніе [1]).

Послѣ всего сказаннаго, представляется весьма правдоподобнымъ и тотъ конечный выводъ, къ которому приходитъ В. А. Косинскій, что въ арендованіи земли наиболѣе дѣятельное участіе принимаютъ среднія по размѣрамъ надѣла группы крестьянскаго населенія. Надъ малоземельными они одер-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, по даннымъ подворныхъ переписей Воронежской губ. тамъ было обнаружино слѣдующее соотношеніе между размѣрами семьи и надѣла:

	Средняя семья душъ обоего пола.	Надѣлъ земли на душу десятинъ.
У безземельныхъ	3.5	—
„ имѣющихъ до 5— „	5.0	0.7
„ „ „ 5—15 „	6.6	1.5
„ „ „ 5—25 „	8.9	2.2
„ „ „ 7—25 „	12.6	2.8

См. „Сводный Сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.".

живаютъ верхъ потому, что жертвуя частью или всѣмъ чистымъ доходомъ съ надѣльной земли, они могутъ дороже заплатить за арендуемую землю; многоземельные же не настолько сильно нуждаются въ землѣ, чтобы итти на тѣ жертвы, съ которыми связано расширеніе площади аренды. Данныя земскихъ подворныхъ переписей, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ подтверждаютъ этотъ à priori'ный выводъ и показываютъ, что наибольшимъ успѣхомъ въ состязаніи на захватъ арендnаго фонда пользуются среднія группы. Собственно говоря, къ тому же результату клонится вліяніе и другихъ факторовъ, опредѣляющихъ собою размѣры арендованія и довольно подробно разсмотрѣнныхъ уже нами ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, мы выше видѣли, что размѣры крестьянской аренды имѣютъ тенденцію увеличиваться въ двухъ, до нѣкоторой степени взаимно-противоположныхъ, направленіяхъ; съ одной стороны—параллельно съ увеличеніемъ количества рабочихъ силъ семьи и рабочаго скота въ хозяйствѣ, а съ другой — параллельно уменьшенію размѣровъ надѣла. Не трудно представить себѣ, что, благодаря противоположному характеру этихъ двухъ тенденцій, оптимальными условіями для развитія аренды будутъ обладать среднія по размѣрамъ надѣла, численности семьи и количеству рабочаго скота группы крестьянскихъ хозяйствъ. По крайней мѣрѣ такъ бываетъ, повидимому, вездѣ, гдѣ широкіе слои крестьянскаго населенія ощущаютъ болѣе или менѣе острый недостатокъ надѣльной земли, гдѣ въ то же время размѣры внѣнадѣльнаго арендnаго фонда не особенно велики и гдѣ, слѣдовательно, состязаніе за него особенно обостряется. Но отъ общаго правила

могутъ быть, конечно, и отступленія, когда тѣ или иныя мѣстныя условія ослабляютъ напряженность этой конкуренціи, напримѣръ, въ такихъ хотя бы мѣстностяхъ, гдѣ размѣры внѣнадѣльнаго арендnаго фонда сравнительно довольно велики. В. Г. Бажаевъ считаетъ, повидимому, даже правиломъ, что „въ малоарендныхъ и малоземельныхъ мѣстностяхъ центральной Россіи, наибольшая доля арендnаго фонда находится въ пользованіи среднесостоятельныхъ группъ, а въ многоарендныхъ мѣстностяхъ многоземельнаго юго-востока и юга пріобрѣтаютъ перевѣсъ болѣе состоятельные группы“ [1]).

Въ качествѣ статистической иллюстраціи къ этому положенію интересны слѣдующія двѣ таблички, составленныя П. А. Вихляевымъ и показывающія распредѣленіе всего арендnаго фонда между различными группами дворовъ [2]).

Землянскій уѣздъ (Воронежской губ.).

	Изъ общей площади, арендуемыхъ крестьянами земель, приходится на долю каждой изъ нижеслѣдующихъ группъ (въ %%):			
	Безъ лош.	Съ 1 лош.	Съ 2—3 лош.	Съ 4 и бол. лош.
Съ надѣл. до 5 дес. .	1,37	7,75	11,23	1,64
„ „ 5—15 „ .	0,35	7,14	35,81	13,00
„ „ 15—25 „ .	—	0,48	7,79	8,19
„ „ бол. 25 „ .	—	—	0,83	4,05

---

1) См. В. Г. Бажаева „Крестьянская аренда въ Россіи“, стр. 45—46.

2) См. „Очерки русск. сельско-хоз. дѣйствит.“, стр. 69—70.

Камышин. у. (Сарат. г.).	Безъ лош.	Съ 1 лош.	Съ 2—3 лош.	Съ 4 и бол. лош.
Съ надѣл. до 2,5 дес. .	0,3	1,3	3,1	3,3
„ „ 2,5— 5 „ .	0,4	1,7	4,5	4,7
„ „ 5—10 „ .	0,3	1,9	7,1	16,9
„ „ 10—20 „ .	0,3	0,5	6,1	29,6
„ „ бол. 20 „ .	—	0,1	0,4	20,3

Описанныя выше свойства и особенности внѣнадѣльной аренды имѣютъ огромное народохозяйственное значеніе. Съ ихъ вліяніемъ необходимо считаться для того, чтобы уразумѣть многія явленія нашей народохозяйственной жизни. Но не затрагивая пока этой стороны дѣла, мы должны сначала познакомиться съ отношеніями, развивающимися на почвѣ надѣльнаго арендnаго фонда.

Въ своемъ мѣстѣ мною уже отмѣчено было, что аренда надѣльныхъ земель далеко не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ аренда внѣнадѣльныхъ. По даннымъ земскихъ подворныхъ переписей [1]) въ 124 уѣздахъ сдаваемо было крестьянами въ аренду 933 тыс. десят. надѣльной земли. Комиссія Центра, какъ извѣстно, опредѣлила общее количество надѣльной земли, сдаваемой въ аренду во всѣхъ 500 уѣздахъ Евр. Россіи въ 1½ милл. дес. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ расчетъ сильно пріуменьшенъ, но какъ бы высоко ни оцѣнивали мы эту его погрѣшность, врядъ ли есть у насъ основаніе предполагать, что въ дѣй-

---

[1]) См. статью г. Брейера въ сборникѣ „Очерки по крестьянскому вопросу".

ствительности сдача въ аренду надѣльной земли можетъ превышать 3—4 милл. дес., что составитъ 3—4% по отношенію къ площади надѣльныхъ сельскохозяйственныхъ угодій. По крайней мѣрѣ, въ подавляющемъ большинствѣ уѣздовъ, изслѣдованныхъ земскими статистиками, относительное количество сданной въ аренду надѣльной земли не привышало 10%, а въ очень многихъ изъ нихъ не достигало и 5%. Изъ 98 уѣздовъ, для которыхъ г. Брейеромъ былъ вычисленъ % сданной въ аренду надѣльной земли:

Въ 35	уѣзд.	(или 36%)	было	сдано	не	болѣе	5%	над. зем.
„ 38	„	(или 39%)	„	„	отъ	5% до	10%	„ „
„ 18	„	(или 18%)	„	„	„	10% „	15%	„ „
„ 7	„	(или 7%)	„	„		болѣе	15%	„ „

Во всякомъ случаѣ эти данныя весьма наглядно показываютъ, что сдача въ аренду надѣльной земли въ огромномъ большинствѣ случаевъ не можетъ вносить существенныхъ измѣненій въ распредѣленіе надѣльныхъ земель между различными группами крестьянскаго населенія [1]).

Какъ показываютъ данныя земскихъ подворныхъ переписей и какъ это весьма естественно, къ сдачѣ надѣльной земли въ аренду прибѣгаютъ главн. обр. тѣ дворы, у которыхъ наблюдается болѣе или менѣе рѣзкое несоотвѣтствіе между рабочими силами семьи и количествомъ рабочаго скота, съ одной стороны, и размѣрами надѣла—съ другой, т.-е. по преимуществу дворы, не имѣющіе

[1]) А между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи ея значеніе часто сильно преувеличивается, особенно когда рѣчь заходитъ о такъ назыв. дифференціи крестьянства.

работника въ семьѣ и безлощадные или однолошадные. Въ большинствѣ случаевъ только полная невозможность вести самостоятельное хозяйство, или справиться съ обработкой всего надѣла заставляетъ крестьянъ сдавать въ аренду свои надѣлы (иногда цѣликомъ, иногда только часть). Съ другой стороны, конечно, всегда есть въ наличности обширный контигентъ крестьянскихъ хозяйствъ, земельный надѣлъ которыхъ не отвѣчаетъ ихъ рабочимъ силамъ или количеству имѣющагося рабочаго скота. Эти хозяйства и являются главными арендаторами сдаваемыхъ надѣловъ. Само собою понятно, что относительно участія въ арендѣ отдѣльныхъ группъ дворовъ въ данномъ случаѣ приложимо все то, что выше было сказано по поводу внѣнадѣльной аренды. Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ здѣсь болѣе или менѣе опредѣленную уравнительную тенденцію, которая ведетъ, конечно, не къ уравненію абсолютныхъ размѣровъ землепользованія отдѣльныхъ дворовъ, а къ выравниванію соотношенія между размѣрами землепользованія и количествомъ рабочихъ силъ, рабочаго скота и проч. средствъ производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ конечномъ счетѣ именно этимъ свойствомъ аренды (какъ надѣльной, такъ и внѣнадѣльной) опредѣляется ея положительное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Прекрасную иллюстрацію къ сказанному составляетъ слѣдующій расчетъ, произведенный Н. А. Каблуковымъ на основаніи данныхъ подворной переписи по Хвалынскому уѣзду (Сарат. губ.). Оказывается, что въ конечномъ счетѣ сдача и арендованіе земли даютъ для отдѣльныхъ группъ хозяйствъ слѣдующіе результаты:

Перевѣсъ приарендованной земли надъ сданной (+) или перевѣсъ сданной надъ приарендованной (—) составляютъ въ среднемъ на 10 хозяйствъ, въ десятинахъ:

У дворовъ имѣющихъ:	До 2½ дес.	2½—5 дес.	5—10 дес.	Болѣе 10 дес.
0 головъ раб. скота.	—0.5	—12.8	—30.2	—56.3
1 голову „ „	+14.0	+2.3	—5.0	—5.6
2 и бол. гол. раб. „	+61.8	+32.4	+22.9	+19.0

Такимъ образомъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ наиболѣе крупными съемщиками земли являются малоземельные, но многолошадные дворы, а наиболѣе крупными сдатчиками, наоборотъ—многоземельные, но малолошадные. Съ увеличеніемъ надѣла увеличивается перевѣсъ сдачи надъ арендованіемъ или уменьшается перевѣсъ арендованія надъ сдачей; съ увеличеніемъ же количества рабочаго скота сокращается перевѣсъ сдачи надъ арендованіемъ и увеличивается перевѣсъ арендованія надъ сдачей. Уравнительная (въ вышеуказанномъ смыслѣ) тенденція аренды выступаетъ здѣсь совершенно явственно.

Безъ особыхъ поясненій само собою понятно, какое огромное народохозяйственное значеніе можетъ имѣть это свойство крестьянской аренды измѣнять свои размѣры въ соотвѣтствіи съ рабочими силами и средствами производства крестьянской семьи. Благодаря этому своему свойству, крестьянская аренда можетъ служить своего рода регуляторомъ, который приводитъ въ равновѣсіе систему основныхъ факторовъ крестьянскаго хо-

зяйства, и тѣмъ самымъ она можетъ оказывать весьма серьезное содѣйствіе успѣшному исходу той борьбы, которую ведетъ земледѣльческое населеніе за сохраненіе своей хозяйственной самостоятельности. Однако, позволительно задаться вопросомъ, таково ли на самомъ дѣлѣ значеніе крестьянской аренды въ условіяхъ нашей общественно-хозяйственной дѣйствительности? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно еще познакомиться съ нѣкоторыми сторонами существующихъ у насъ арендныхъ отношеній, а именно съ условіями аренды. Изъ нихъ мы остановимся прежде всего на самомъ главномъ и существенномъ—на арендной платѣ. Выше мнѣ пришлось уже слегка коснуться весьма интереснаго явленія нашей народохозяйственной жизни—широкаго распространенія въ пореформенномъ періодѣ натуральныхъ формъ арендной платы. Отработочная и испольная аренда, какъ выше уже было указано, явились непосредственнымъ продолженіемъ отношеній, существовавшихъ между помѣщикомъ и крестьянами въ дореформенномъ періодѣ. Они представляли собою продуктъ наиболѣе простого и, такъ сказать, прямолинейнаго приспособленія къ новымъ общественнымъ условіямъ и, повидимому, получили въ первое время послѣ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній весьма широкое распространеніе. Съ тѣхъ поръ отношенія землепользованія подверглись, конечно, серьезнымъ измѣненіямъ и въ общемъ натуральныя формы аренды были въ большей своей части замѣнены денежною арендою. Однако, этотъ процессъ ихъ замѣны не былъ вполнѣ и неуклонно послѣдовательнымъ, и въ нѣкоторые періоды, въ

нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областяхъ было отмѣчено обратное явленіе – расширеніе натуральныхъ формъ аренды за счетъ денежной. Въ результатѣ— натуральныя формы арендной платы и въ настоящее время пользуются мѣстами еще довольно широкимъ распространеніемъ, какъ на это указываютъ, напр., весьма несовершенные въ этомъ отношеніи, благодаря своей односторонней неполнотѣ, матеріалы Комиссіи Центра [1]). Болѣе точныя, но къ сожалѣнію болѣе устарѣлыя данныя земско-статистическихъ изслѣдованій, обработанныя Н. А. Карышевымъ, показываютъ, что, хотя денежная аренда преобладаетъ, но наряду съ нею почти повсемѣстно довольно широкимъ распространеніемъ пользуются отработочная, испольная и смѣшанная аренда. Такъ, по даннымъ использованныхъ имъ земско-статистическихъ изслѣдованій, арендныя сдѣлки распредѣлялись по этимъ четыремъ группамъ слѣдующимъ образомъ:

	За деньги.	За отраб.	Исполу.	Смѣшан.
Въ малоаренд. полосѣ .	76.5	7.5	13.5	2.5
„ многоаренд. „ .	76.6	3.4	17.2	2.9

Изслѣдованіемъ Н. А. Карышева было констатировано весьма широкое развитіе отработочной аренды въ центрально-земледѣльческомъ и юго-западномъ районахъ и широкая распространен-

[1]) По даннымъ К. Ц. натуральныя формы арендной платы (отработки, испольщина) находятъ себѣ примѣненіе въ 18% всѣхъ арендныхъ сдѣлокъ.

ность испольщины въ южныхъ степныхъ губ., въ то время, какъ на востокѣ отмѣчено было почти исключительное господство аренды денежной. Весьма большой интересъ представляетъ для насъ вопросъ о размѣрахъ арендной платы. Оставляя пока въ сторонѣ натуральныя формы оплаты аренды, мы остановимся только на денежной арендѣ преимущественно внѣнадѣльныхъ земель. Въ „Матеріалахъ Комиссіи Центра“ средняя для всѣхъ 50 р. Е. Россіи арендная плата за десятину частновладѣльческой земли безъ различія угодій опредѣлена въ 6,4 руб. средняя арендная плата за надѣльную землю значительно, почти вдвое, ниже. Интересно отмѣтить, что средняя цѣна внѣнадѣльныхъ земель, опредѣленная Комиссіей Центра, почти совпала со средней, выведенной Н. А. Карышевымъ по земско-статистическимъ даннымъ [1]). Однако, не слѣдуетъ забывать, что эти двѣ среднія между собою, строго говоря, не сравнимы: средняя Н. А. Карышева представляетъ собою сообщеніе данныхъ по 124 уѣздамъ земскихъ губерній, а средняя Комиссіи Центра основана на матеріалѣ, собранномъ по 50 руб. Е. Россіи. Какъ показываютъ матеріалы Комиссіи Центра арендныя платы выше среднерусской наблюдаются почти исключительно въ губерніяхъ черноземной полосы. Среднюю арендную плату за десятину выше 6 руб. имѣютъ всѣ черноземныя губ., лежащія на западъ отъ средней Волги и Области В. Донского (за ис-

---

[1]) По опредѣленію Н. А. Карышева средняя цѣна десятины арендуемой крестьянами внѣнадѣльной земли составляла 8 руб. для малоарендной полосы. 5,6 руб. для многоарендной и 6,3 руб. въ среднемъ для обѣихъ полосъ.

ключеніемъ не вполнѣ черноземной Нижегородск. губ., а изъ нечерноземныхъ: Могилевская, Ковенская и три Прибалтійскихъ. На востокѣ арендныхъ цѣнъ здѣсь сказывается, конечно, отчасти и вліяніе естественныхъ преимуществъ черноземной полосы, однако врядъ ли плодородію земли и другимъ физико-географическимъ факторамъ можетъ быть приписано здѣсь доминирующее вліяніе. Таковое принадлежитъ, повидимому, факторамъ общественно-хозяйственнаго порядка и прежде всего плотности населенія и характеру его занятій. Въ то время какъ сравнительно слабо населенныя черноземныя губ.: Самарская, Уфимская, Оренбургская и Обл. Войска Донского имѣютъ арендную плату ниже средне-русской, въ наиболѣе густо-населенныхъ центрально-землед. и малороссійскихъ губ., она, наоборотъ, достигаетъ своего наивысшаго уровня [1]). Съ другой стороны въ центрально-промышленныхъ губ., имѣющихъ довольно высокую плотность населенія, несмотря на непосредственную близость наиболѣе крупныхъ вну-

---

[1]) По даннымъ Комиссіи Центра выше 10 руб. за десят. (безъ разл. угодій) средняя арендная плата поднимается въ слѣдующихъ губ.: Кіевской, Полтавской, Курской, Орловской, Тульской, Рязанской и Тамбовской. Сходную картину географіи арендныхъ цѣнъ даютъ и старыя свѣдѣнія добровольныхъ корреспондентовъ Департамента Земледѣлія. По этимъ даннымъ въ началѣ 80-хъ г. наиболѣе высокія арендныя цѣны стояли въ губ. Курской и смежныхъ съ нею или между собою частяхъ губ. Орловской. Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Харьковской. Здѣсь обычная плата за десятину пашни, арендуемую подъ озимый посѣвъ была выше 10 руб. Довольно высокія арендныя платы, а именно выше 10 руб. за озимую десятину, стояли и въ другихъ частяхъ сѣверной окраины черноземной полосы, какъ на западѣ отъ очерченнаго выше центр. района, такъ и на востокѣ (до Волги).

тренних рынковъ для продуктовъ сельскаго хозяйства, арендныя платы стоятъ значительно ниже среднерусскаго уровня (2—4 руб. за дес.), и притомъ настолько ниже, чѣмъ въ сосѣднихъ центрально-земледѣльческихъ губ., что разница эта врядъ ли можетъ быть удовлетворительно объясняема различіемъ плодородія черноземныхъ и дерново-подзолистыхъ почвъ, а должна быть въ значительной мѣрѣ приписана огромному развитію промысловыхъ занятій среди сельскаго населенія, ослабляющихъ „власть земли“ (такъ какъ даже по относительному количеству земли, принадлежащей крестьянамъ между этими районами, нѣтъ существенной разницы). Въ западной части нечерноземной полосы (къ зап. отъ губ. Петроградской, Новгородской и Смоленской) арендныя платы нѣсколько выше 4—6 руб., а въ нѣкоторыхъ губ. и болѣе), но здѣсь и % неземледѣльческаго населенія въ общемъ замѣтно ниже, чѣмъ въ центрально—промышленныхъ губ. Конечно, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе плотности паселенія и характера его занятій заслоняется вліяніемъ другихъ факторовъ, пріобрѣтающихъ въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ особенно крупное мѣстное значеніе, но даже и при сдѣланномъ нами бѣгломъ обзорѣ географіи арендныхъ цѣнъ выясняется, что упомянутые выше факторы имѣютъ первостепенное и повидимому, доменирующее значеніе. И это вполнѣ понятно, т.-к. ими прежде всего опредѣляется напряженность спроса на землю. Большое значеніе имѣютъ, конечно и относительные размѣры арендnаго фонда, но и они въ конечномъ счетѣ опредѣляются не только соотношеніемъ крестьянскаго надѣльнаго и прочихъ категорій земле-

владѣнія, но также (и въ весьма большой мѣрѣ притомъ) и плотностью населенія [1]). Въ нашей странѣ, гдѣ подавляющее большинство населенія составляютъ крестьяне, и особенно въ тѣхъ ея областяхъ, гдѣ слабое развитіе внѣземледѣльческой промысловой дѣятельности придаетъ составу населенія особенно односторонній земледѣльческій характеръ, плотность населенія является и косвеннымъ показателемъ крестьянскаго малоземелья [2]). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что она оказываетъ такое сильное вліяніе на высоту арендныхъ цѣнъ, такъ какъ выше мы уже видѣли, какую роль играетъ этотъ факторъ (т.-е. малоземелье) въ развитіи отношеній землепользованія.

Все вышесказанное по вопросу объ арендныхъ цѣнахъ представляетъ собою, конечно, только схему, улавливающую въ этомъ явленіи лишь наиболѣе общія и характерныя его черты. Болѣе тщательныя и детальныя сопоставленія, безъ сомнѣнія, обнаружили бы цѣлый рядъ гораздо болѣе сложныхъ и разнообразныхъ зависимостей и правильностей, представляющихъ интересъ не только съ мѣстныхъ точекъ зрѣнія, но и съ общей народохозяйственной точки зрѣнія. Однако недостатокъ времени не позволяетъ намъ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе.

---

[1]) Такъ напримѣръ, сильно крестьянскія, но слабо населенныя губ. Вятская, Самарская, Уфимская и Об. В. Донского имѣютъ арендныя платы ниже, чѣмъ нѣсколько менѣе крестьянскія, но за то плотнѣе населенныя губ. Саратовская, Симбирская, Пензенская, Казанская.

[2]) Разумѣется само собою, при отсутствіи очень крупныхъ различій въ распредѣленіи территоріи между крестьянскими надѣлами и остальными категоріями землевладѣнія.

Здѣсь слѣдуетъ, однако, замѣтить, что данныя официальной статистики не открываютъ возможности особенно разносторонняго изслѣдованія арендныхъ цѣнъ и не позволяютъ особенно глубоко заглянуть въ сущность отношеній землепользованія. Болѣе благодарнымъ въ этомъ отношеніи матеріаломъ являются данныя земско-статистическихъ изслѣдованій. Не имѣя никакой возможности использовать огромное богатство накопленныхъ земскими статистиками наблюденій надъ арендными цѣнами, я остановляюсь здѣсь только на одномъ вскрываемомъ этими наблюденіями явленіи, которое представляетъ выдающійся интересъ съ народохозяйственной точки зрѣнія. Я имѣю здѣсь въ виду соотношеніе между доходностью земли и арендною платою.

Можно считать вполнѣ установленнымъ при помощи весьма тщательныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій тотъ фактъ, что очень часто арендная плата превышаетъ собою чистую доходность земли. Если мы будемъ опредѣлять, напримѣръ, чистую доходность одной десятины арендуемой крестьянами пашни, примѣняя къ крестьянскому хозяйству пріемы учета капиталистическаго предпріятія, т.-е. переводя въ деньги по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ, какъ получаемый въ хозяйствѣ продуктъ, такъ и затрату труда крестьянина, то выведенная такимъ образомъ чистая доходность пашни будетъ нерѣдко ниже существующей арендной платы или другими словами: *остатокъ валового дохода за вычетомъ сѣмянъ* [1]) *и арендной*

---

[1]) Тѣмъ болѣе, если къ расходу на сѣмена мы присоединимъ и другія затраты постояннаго капитала.

платы будетъ ниже заработной платы наемнаго рабочаго (за обработку и уборку одной десятины).

Здѣсь невозможно исчерпать всѣ примѣры этого рода, имѣющіеся въ земско-статистической литературѣ. Лишь для иллюстраціи выдвинутаго выше положенія я приведу нѣкоторыя изъ нихъ [1]).

	Чистый доходъ съ десят. пашни.	Арендная плата за десятину.	Доходъ меньше арендной платы.
Горбатовскій уѣзд.	0 р. 93 к.	2 р. 80 к.	1 р. 87 к.
Сергачскій „	4 „ 27 „	5 „ 95 „	1 „ 68 „
Лукояновскій „	3 „ 08 „	4 „ 40 „	1 „ 32 „
Задонскій „	10 „ 46 „	14 „ 52 „	4 „ 06 „
Землянскій „	16 „ 03 „	18 „ 53 „	2 „ 50 „
Орловскій [2]) „	8 „ 79 „	10 „ 00 „	1 „ 21 „
Липецкій [3]) „	7 „ 72 „	8 „ 72 „	1 „ 00 „
Роменскій „	9 „ 24 „	12 „ 00 „	2 „ 76 „
Гадячскій „	9 „ 76 „	10 „ 63 „	0 „ 87 „
Лохвицкій „	6 „ 63 „	8 „ 00 „	1 „ 37 „
Александров. [4]) „	3 „ 98 „	9 „ 96 „	5 „ 98 „
Ананьевск. [5]) „	4 „ 01 „	7 „ 58 „	2 „ 57 „
Херсонскій [5]) „	7 „ 48 „	8 „ 76 „	1 „ 28 „

[1]) По нѣкоторымъ уѣздамъ данныя заимствованы у П. А. Вихляева, по другимъ—у В. А. Косинскаго.

[2]) Здѣсь принятъ нѣсколько иной способъ сопоставленія чистой доходности и арендной платы, основанный на учетѣ доходовъ отъ экономической запашки и отъ сдачи земли въ аренду.

[3]) Взята доходность 1 десятины въ трехпольи, съ нею сопоставляется средняя арендная плата, выведенная путемъ дѣленія суммы арендной платы за озимую и яровую десятину на три.

[4]) Взята арендная плата при наймѣ земли на 1 годъ, при долгосрочной арендѣ цѣны ниже, но и тогда только въ Херсонскомъ уѣздѣ она будетъ ниже доходности земли.

[5]) Здѣсь имѣются въ виду, конечно, только абсолютные размѣры арендной платы: сравните, напримѣръ, Землянскій и Горбатовскій уѣзды.

Не вездѣ, конечно, мѣстныя изслѣдованія обнаружили превышеніе арендной платы надъ чистымъ доходомъ отъ воздѣлываемой земли, но, съ другой стороны, приведенная выше таблица, включающая въ себя нѣкоторыя уѣзды губерній: Нижегородской Воронежской, Орловской, Тамбольской, Полтавской и Херсонской, показываетъ, что такого рода соотношеніе между доходностью земли и арендными цѣнами представляетъ собою явленіе широко распространенное. Его можно наблюдать, какъ вы видите, и въ черноземномъ центрѣ, и въ Малороссіи, и въ среднемъ Поволожьи, и въ Новороссіи, какъ при довольно низкихъ какъ при очень малой, такъ и сравнительно высокой доходности земли.

Выше мы уже познакомились съ тѣми условіями, которыя съ одной стороны позволяютъ, а съ другой—заставляютъ крестьянъ вздувать арендныя цѣны выше чистой доходности земли. Мы уже знаемъ, что въ этой непомѣрно высокой, несоотвѣтствующей доходности земли, арендной платѣ включена часть дохода, извлекаемаго крестьяниномъ съ его надѣльной земли. Совершенно очевидно, что во всѣхъ перечисленныхъ выше случаяхъ только отказываясь отъ всего или части дохода съ надѣльной земли въ пользу землевладѣльца, крестьяне могутъ выплачивать такія арендныя цѣны. Нисколько не впадая въ противорѣчіе съ этими толкованіемъ, но все же съ нѣсколько иной стороны освѣщаетъ это явленіе П. А. Вихляевъ [1]). Онъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что „малоземельные крестьяне переносятъ на арендную землю тотъ избытокъ рабочихъ

[1]) См. „Очерки", стр. 76.

силъ семьи и тотъ излишекъ животной рабочей силы, который не можетъ найти себѣ производительнаго примѣненія въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина въ силу ограниченности его размѣровъ, а потому и стоимость содержанія работника-арендатора и стоимость содержанія рабочей лошади не входитъ въ цѣнность производства хлѣба на арендованной землѣ. Необходимость содержать себя и свою лошадь существуетъ независимо отъ того, имѣетъ ли крестьянинъ или не имѣетъ клочка арендованной земли, между тѣмъ эта аренда доставляетъ добавочный источникъ къ удовлетворенію этой необходимости"...

Таковъ, съ точки зрѣнія арендатора, можетъ быть смыслъ и разсчетъ уплаты арендныхъ цѣнъ, превышающихъ чистую доходность земли. Послѣ всего того, что намъ уже извѣстно о тѣхъ факторахъ, подъ вліяніемъ которыхъ устанавливаются арендныя цѣны, и о тѣхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, въ атмосферѣ которыхъ складываются отношенія землепользованія, описанныя выше явленія, конечно, не покажутся намъ не только невѣроятными, но даже заслуживающими удивленія. Но за то они имѣютъ очень важное и большое народохозяйственное значеніе, на выясненіи котораго намъ необходимо остановиться.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что такое соотношеніе между арендными цѣнами и доходностью земли, какое мы наблюдали въ цѣломъ рядѣ перечисленныхъ выше уѣздовъ, кладетъ непреходимый предѣлъ развитію капиталистической аренды. Малоземельный крестьянинъ, вынужденный арендовать землю, для того, чтобы хоть какъ нибудь покрыть потребности семьи, находитъ воз-

можнымъ платить эти арендныя цѣны, отказываясь отъ части дохода со своей надѣльной земли или, другими словами, довольствуясь заработкомъ меньше того, который за ту же работу получаетъ наемный рабочій, но арендаторъ-предприниматель, который задумалъ бы арендовать землю съ цѣлью извлеченія изъ нея прибыли, не выдержалъ бы, конечно, такой арендной платы, т. к. трудъ своихъ наемныхъ рабочихъ онъ долженъ былъ бы оплачивать полностью по его рыночной оцѣнкѣ [1]). И не только арендаторъ-предприниматель, но и многоземельный крестьянинъ, для котораго нѣтъ безусловной необходимости расширять размѣры землепользованія для болѣе полнаго использованія производительныхъ силъ семьи, откажется, конечно, отъ аренды земли на такихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, высокая арендная плата есть факторъ, препятствующій развитію въ нашей странѣ земледѣльческаго капитализма и какъ будто благопріятствующій сохраненію крестьянскаго „трудового“ хозяйства. Однако для послѣдняго эта высокая арендная плата имѣетъ и обратную сторону. Самостоятельность мелкаго трудового хозяйства, покупаемая такою цѣною является въ значительной мѣрѣ призрачной. Крестьянинъ, оказывающійся въ положеніи арендатора, платящаго арендную плату, превышающую чистую доходность земли, извлекаетъ мало пользы изъ своей хозяйственной самостоятельности и оказывается вынуж-

---

[1]) Говоря словами П. А. Вихляева: „Примѣненіе наемнаго труда къ обработкѣ заарендованной площади теряетъ свой матеріальный базисъ въ поглощеніи всей прибавочной стоимости арендными цѣнами“.

деннымъ довольствоваться въ качествѣ вознагражденіи за свой личный трудъ доходомъ, который не превышаетъ минимума заработной платы наемнаго земледѣльческаго рабочаго, а иногда падаетъ еще ниже этого уровня. Само собою понятно, что только при отсутствіи возможности болѣе выгоднаго использованія своихъ силъ (напр., при слабомъ развитіи промышленно-дѣятельности) населеніе держится все же при такихъ условіяхъ за земледѣльческое хозяйство. Съ другой стороны совершенно очевидно, что поглощеніе всего чистаго дохода арендною платой не только исключаетъ возможность накопленія средства производства и препятствуетъ улучшенію хозяйства, но, даже болѣе того, подрываетъ его жизненныя силы въ концѣ концовъ влечетъ за собою его упадокъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что очень многія темныя стороны нашего экономическаго быта, наша бѣдность и наша экономическая отсталость стоятъ въ непосредственной связи съ описанными выше строемъ отношеній землевладѣнія и землепользованія до сихъ поръ сохранившимъ еще много пережитковъ эпохи крѣпостного права.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ВЫСШАЯ ШКОЛА"

Москва, Б. Полянка, д. 60. **Тел. 5-43-27.**

Краткій каталогъ собственныхъ изданій и изданій, имѣющихся на складѣ.

Боголюбскій, С. Н., прот.-проф.—Богословіе въ апологетическихъ чтеніяхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Вавинъ, Н. Г.—Казусы по гражданскому праву. Ц. 60 к.

Вайсманъ, Д. Г.—Студенческій кооперат.-страховой банкъ Ц. 50 к.

Выдринъ, Р.—Основные моменты студенческаго движенія въ Россіи (со вступительной статьей В. М. Фриче). Ц. 50 к.

Вышинскій, А.—Какія намъ нужны городскія думы? Ц. 15 к.

Галаганъ, А. М., препод. Моск. Ком. Инст.—Общественное счетовѣдѣніе, изд. 2-е (переработ. и дополн., печатается).

Жидъ, Шарль, проф.—Различныя формы кооперацiи, изд. 2-е 1918 г. Ц. 40 к.

Ивероновъ, И. А., проф.—Основы землеустроительнаго дѣла въ Россіи. Ц. 1 р.

Кипарисовъ Н. А.—Торговое счетоводство и дѣлопроизводство, ч. I. Введеніе. Ц. 2 р. 50 к.

Курской, Л. В.—Теорія рынка и промышленныхъ кризисовъ М. И. Туг.—Барановскаго. Ц. 1 р.

Лунскій, Н. С., проф.—Несостоятельность ученія, распространяемаго Е. Е. Сиверсомъ. Ц. 90 к.

Его же—Подъ знакомъ Меркурія (къ характеристикѣ литературныхъ нравовъ). Ц. 60 к.

Мануиловъ, А. А., проф.—Биржа и деньги. Ц. 60 к.

Его же—Ученіе о деньгахъ 1918 (печатается).

Наумовъ, В. А.—Практическое введеніе въ химію неорганическихъ коллоидовъ. изд. 1-е 1918 г. Ц. 6 р.

Оводъ, Ал.—За восьмичасовой рабочій день. Ц. 15 к.

Петровъ, І. В.—Практическое счетоводство уѣздныхъ земствъ. Ц. 3 р. 50 к.

Синицкій, А. Д., препод. Моск. Ком. Инст.—Лекціи по земледѣнію. Ц. 1 р. 30 к.

Тотоміанцъ, В. Ѳ.—Потребительныя общества (по стенограммѣ публичной лекціи), изд. 2-е. Ц. 40 к.

Его же—Еврола послѣ войны (въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи), изд. 3-е 1918 г.. Ц. 1 р. 20 к.

Цельмсъ, Ю. П.—Методы рѣшенія всѣхъ типовъ алгебраическихъ задачъ. Ц. 1 р. 50 к.

Его же—Разложеніе алгебраическихъ выраженій на множит. Ц. 30 к.

Эпштейнъ, Е. М.—Банковое дѣло. Ц. 5 р.

Имѣются также на складѣ

Жанъ Гравъ—Умирающее общество и анархія. Ц. 2 р. 25 к.

Кропоткинъ, П.—Рѣчи бунтовщика. Ц. 2 р. 50 к.

Его же—Завоеваніе хлѣба. Ц. 2 р. 25 к.

Бакунинъ, М.—Богъ и государство. Ц. 80 к.

Малатеста, Э.—Крестьянскія рѣчи. Ц. 60 к.

Его же—Краткая система анархизма. Ц. 70 к.

Соколовъ, В. А.—Возвратъ пошлинъ и вывозныя преміи въ Россіи. Ц. 3 р. 50 к.

Подборъ брошюръ по политическимъ и общественнымъ вопросамъ.

Иногородніе заказы исполняются наложеннымъ платежомъ, по полученіи задатка въ размѣрѣ не менѣе 1/3 стоимости заказа (для общественныхъ учрежденій задатокъ необязателенъ).